

Валерий Бардаш

ПРОБУЖДЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Бардаш

Пробуждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67771773

SelfPub; 2022

Аннотация

Осуществилось тайное желание героя, мир обезлюдел, но стал ли он лучше? Как поверить, что все это наяву? Игра становится жестокой, от вопросов не убежать, даже переплыв океан, горизонт разрывает жизнь героя, рай становится явью и вновь исчезает.

Содержит нецензурную брань.

Валерий Бардаш

Пробуждение

– Куда все задевались?

Он освободился от мира, пребывая в одном из своих любимейших состояний тела и духа. Ленивого, безмятежного пробуждения. Возможно, что освобождение случилось раньше, во время целительного дневного сна. Давно не было такого. Наверняка во время сна, когда с людьми иногда случаются необъяснимые вещи. Он засыпал, когда всё ещё было на своих местах. Да, засыпал он именно так. Хотя можно ли быть в этом уверенным?

Мгновения счастья исчезали в небытии. Где-то ведь есть, недосыгаемый, их источник. Откуда-то они приходят. Или возникают просто так, из воздуха? И в воздух уходят. Нет никакого источника. Дышите глубже. До вечера протяну. А там завтра. Завтра понедельник. Завтра будет опять не до мечтаний.

Странное ощущение в ушах. От громких звуков. Говорил во сне? Тихо. Настенные часы. Едва различимый говор птиц. Он повернул голову – окно приоткрыто. На щеках и в носу влажный тёплый воздух. С улицы, с жары. Там разгорался жаркий весенний день, когда он засыпал. Такого дня уже никто не ждал – в этом году весны, наверно, не будет, сразу

начнётся лето. Почти как лето.

На неслышной улице лето. Совсем тихо. Птицы, только птицы где-то шумят. Часы. Так жарко? Соседа не слышно. В жару затихает. В бассейне плавает. Неужели там так жарко? Закрывать окно, пока прохлада не ушла.

Стрелка часов опять незаметно подскочила. Сколько уже так лежу? Пора вставать. Торопиться некуда. Хорошо бы никуда не торопиться. Провалиться до вечера? До утра.

А утром впрягайся. Хочешь не хочешь. Никому не интересно. Откуда это взяли, что о нас там кто-то заботится? Кому только могла прийти в голову такая глупость? С чего? Посмотрите вокруг. Идиоты. Никто о человеке не заботится. Всё сам, и нет никакого послабления. От рождения до смерти. И карты ему сдают никомушные. Не успеешь оглянуться, как тело приходит в негодность. А что у нас есть, кроме нашего тела? Душа. Идиоты. Никто ни о ком не заботится. Ребёнком разве что. В радостной неволе. Ребёнком немного легче. Быстро проходит. Неважно всё придумано. Кем придумано? В этом-то и штука. Случилось как-то и продолжается по инерции. Вернуться в самое начало и исправить. К зарождению вселенной. К Большому взрыву. Подтолкнуть в другую сторону. В любую. Хуже не будет.

Ну вот, счастливые мгновения, и их умудряешься испортить. Не в коня корм. Завтра полегчает. Закрутит, закрутят. До вечерней бутылки вина. Главное – не останавливаться и не задумываться. Всегда помогает. Не задумываться. Для то-

го и живём. Чтобы не задумываться. Вот для чего живём. Задумывайся на свой страх и риск.

На пляж и абсолютно ничего не делать. Под зонтиком пить холодное пиво и чувствовать влажный от пота член. В раздумье и в ожидании. До тех пор пока не станет невтерпёж что-то делать. А потом делать именно то, что невтерпёж. И больше ничего. Неважно как-то всё придумано.

Приятный случился сон. Дневной. Он закрыл глаза, освещённый о томительном затвердении пениса. Торчали в разные стороны. Родинка на левой, возле ложбинки. Очень ими гордилась. Немного смешные, но полновесные. Как мягкие игрушки. Не могу вспомнить лицо. Никогда не могу вспомнить всё лицо. Только глаза. Тёмные. Умные. Независимые. Разглядели насквозь. Просветили. Вначале светились. Глуповато. Не смог поддержать. Не знал как. Не знаю. Поддержишь. Не было никакого свечения. Помощь искала. Свободу. А там уже не до таких, как я. На свободе. Там весёлые ребята.

Влить бы сейчас всё это в неё. Не торчат уже так, наверно. Родила дочку. Любят сваливать на детей. Чуть-чуть ещё должны торчать. Сколько ей теперь? Позвонить?

Нужно отлить. Придётся подождать до завтра. Или позвать? Приедут. К вечеру приедет кто-нибудь. Вечером уже не нужно будет. Поторопить? Тогда нужно бриться и ехать в магазин.

Он поднял телефонную трубку. Один номер наготове в

памяти. Есть ещё другой, аккуратно записанный в телефонную книжку. Давным-давно. Красными чернилами в самом верху странички «А». Бросается всё время в глаза с тех пор.

Что за дела? Телефон не работает? Электричества нет? И батарея села? Так долго нет? Телефон с шумом вернулся на своё место. Нужно отлить.

Жёлтая струя смешивалась с чистой водой унитаза, унося из тела самое нестерпимое томление. Не нужно никому звонить. Нажал на ручку, и всё смыло.

Вытираясь полотенцем, он поморщился от боли в плече. Перестарался, знал же, что слишком большой вес. Не нужно было выпендриваться. Придётся отдыхать теперь. Хорошие мышцы. Рука потянулась к выключателю. Чёрт! У всех нет света или только у меня? Он раздвинул шторы окна. Пусть смотрят. На такого мужчину не грех посмотреть. Он ощупал болевшее второй день плечо. Поднял и опустил руку. Придётся дать отдохнуть. Почему так тихо на улице?

За окном было необычно тихо. Ничего, ни звука. Даже птиц не слышно. Он высунул голову наружу. Кажется, что ни один листок не шевелится. Такая тишина, о которой можно только мечтать. Что происходит? Света нет.

Он вошёл в спальню и автоматически поднял трубку телефона. Что происходит? Телевизор в гостиной тоже молчал. Он вернулся в спальню, надел шорты и футболку.

Во дворе совершенно ничего не происходило. Никто не отзывался на стук в дверь соседа. Странно, он по выходным

дома. Если не работает. Был с утра. Жена всегда дома. Большая грудь. Он обошёл огромный дом соседа и вышел на улицу. На дороге перед газоном соседа лежал розовый мячик их малышки. Что происходит?

Он сел на зелёный газон лицом к улице. Посмотрел налево, посмотрел направо, поднял голову вверх и прислушался. Где же птицы? Самолётов не слышно. Он чувствовал жар солнца. Куда все задевались? Он встал и быстро зашагал по улице, вглядываясь в дома. Открытая входная дверь. Он подошёл и осторожно постучал. Кажется, той маленькой важной старушки.

– Есть кто-нибудь дома?

Он постучал громче. Куда старая ведьма задевалась? Изнутри не доносились ни звуки, ни запахи. Он перешагнул через порог. Может, во дворе? Он осмотрел просторный двор через большое окно кухни. Никого. Где служанка? Он пересёк гостиную и подошёл к закрытой двери. Спальня? Постучать? Он открыл дверь. Что за дела?

Он вышел из дома опять на улицу и стал озираться по сторонам. Что-то со мной. Руки, ноги, голова. Это не сон. Не похоже. Он споткнулся о бордюр и неловко приземлился на траву. Правая рука приняла удар. Больно отдалось в плечо. Мать вашу!

Я не сплю. Он сидел на траве, потирая больное плечо. Пятнадцать минут назад я слышал птиц. Или полчаса? Час? Сколько прошло времени? Куда они подевались?

– Есть кто-нибудь живой? – звук его голоса не мог преодолеть загадочную тишину. Окна закрыты. Не слышат.

Так, значит? Ладно. Он поднялся с травы и направился обратно к дому соседа. Поколебавшись, с силой толкнул дверь. Дверь легко поддавалась. Он спустился в подвал, щелкнул в темноте выключателем и посмотрел с надеждой на единственное маленькое окно. Тёмный у соседа подвал.

Когда глаза привыкли к полумраку, он шагнул вперёд, осторожно подошёл к большому оружейному шкафу соседа и нащупал внизу тяжёлый ящик. Ящик с шумом переместился на пол, он потянулся к крючку на внутренней стенке шкафа. Ключа не оказалось на месте. Ну и денёк! С соседом такое не случается. Где теперь искать? Он ощупал замок. В два счёта сломаю. Сосед не одобрит. Придётся идти за фонарём.

Оказавшись опять на улице, он быстро осмотрелся. Ничего не произошло. Подождите, я сейчас. Он зашёл домой и быстро вышел с фонарём в руках.

Замок задрожал от сильных ударов молотка, изогнулся и рухнул на пол. Он осмотрел молоток. Зачем ему нужен такой здоровый? Молот почти. Вот и пригодился. Он отложил молоток в сторону, открыл ящик и направил внутрь фонарь. Всё на месте. Рука потянулась к любимой автоматической винтовке соседа. Вслед за ней обнаружилась коробка патронов. Он почувствовал себя значительно лучше.

Выйдя на улицу, он сел на порог и стал заряжать винтовку. Щелчок затвора отразился едва слышным быстрым эхом от

молчаливых стен. Не слышат. Никто не слышит. Закрылись. Сейчас. Ему нравилась его решительность. Он встал на ноги и направил ствол вверх.

– Есть кто-нибудь! Отзовись.

Я вас предупреждал. Раз, два, три, четыре, пять – руки дёргались от сильной отдачи. Он опустил винтовку и прислушался. Ещё через несколько минут он медленно направился к своему дому.

Пиво внутри тёмного холодильника было холодное. Он открыл бутылку, сделал большой глоток и сел за кухонный стол. Жарко. Он сделал ещё один большой глоток, поглядывая на прислонённую к стенке возле двери винтовку. С улицы ничего не доносилось. Стреляй себе сколько хочешь. Никому нет никакого дела. Вот бляди! Через полчаса он решил съездить в торговый комплекс. Там должно быть в такое время столпотворение.

Он положил винтовку на заднее сиденье, но затем передумал и спрятал в багажник. Сел за руль, вставил ключ, неуверенно повернул и почти испугался, когда машина неожиданно завелась. Тьфу, ты! Он вырулил на улицу и объехал мячик. Вот бляди. В другой раз пёрнуть нельзя без того, чтобы не вызывали полицию. Улица снобов.

Светофоры нигде не горели. Он осторожно проехал через несколько перекрёстков, после чего перестал тормозить совсем. Ни одной машины на дороге. Ни одной машины на огромной стоянке торгового центра. Он запарковался пря-

мо у главного входа и вошёл в супермаркет. Внутри магазина было жарковато, но холодильники ещё не оттаяли. Всё на местах, на своих полках. Он набрал продуктов, зашёл в винно-водочный отдел и взял две бутылки водки. Подумав, взял третью. Сегодня есть оправдание для распития в одиночку. Домой ехал быстро, глядя прямо перед собой, на дорогу. Мимо безжизненных светофоров, догоняя заходящее солнце, почти ослепший в его лучах, не желая протянуть руку, чтобы достать тёмные очки. Успокаивающий свет.

Дома он направился напрямиком на веранду, бросил пакеты на пол и расположился рядом с ними в удлиняющейся тени густого кустарника. Он просидел на веранде до самого утра.

Первая бутылка водки давалась нелегко, но без неё ему сегодня не обойтись. Помогало обилие любимых закусок. Незаметно пришло время для второй бутылки. Спала жара. Тень от кустарника удлинилась в бесконечность и исчезла. Появились звёзды. Мир продолжал свой нескончаемый путь, не замечая, что в нём никого нет, совершенно никого. Человек на веранде покинул его тоже. Вот он вдыхает и выдыхает воздух, излучает тепло. Где затерялось его сознание?

*

Он приподнялся, сел на пол и посмотрел вокруг, потирая рукой сильно ноющее плечо. Отлежал. Картина веранды не удивляла. Он ничему не удивлялся, только отодвинул в

сторону пустые бутылки, банки с закуской, энергично растёр плечо и прислушался. Тишина вокруг не предвещала ничего хорошего. Ничего угрожающего. Редкой силы тишина.

Понедельник, часов восемь, девять. Солнце за тучами, будет дождь. После вчерашней жары. В лицо дул прохладный ветерок. Странно, что голова не болит. Три бутылки выпил. Пустые. Не похоже, что пролил. Выжрал. Это всё еще сон. От трёх бутылок мне должно быть очень плохо. Три я никогда ещё не выпивал. Одну, полторы. Нет, три никогда. Может, так и должно быть после трёх бутылок. А плечо болит. Надо лёд приложить. Льда, наверно, в холодильнике уже нет. Нигде нет. На Северном полюсе, в Антарктиде, в горах. Куда эти бляди задевались? Ничего вокруг не делается.

Ничего не надо делать. По-настоящему ничего. Могу проваляться здесь ещё один день. Два, три, сколько захочу. Голова не болит. Теперь буду всегда по три бутылки выпивать. Он поднялся на ноги, осторожно вошёл в дом через раскрытую настежь дверь, бросил взгляд на лужу под холодильником, забрёл в спальню и плюхнулся на кровать. Глаза закрылись сами, он опять уснул.

Его большое, мускулистое тело отдыхало. От чего? От долгого лежания на жёстком деревянном полу? От терзаний беспокойного разума? Наверно. Он редко оставляет это тело в покое, даже в забытии. И сегодня тоже такой день. Когда, сегодня? Нет, это мысль беспокойного разума. Да ну его. Тело желало свободы от разума. Редкой, недостижимой. Разве

что когда увлечётся в азартной игре. Или рядом с мягким телом желанной женщины. О, оно устаёт от него, неугомонного и ненасытного.

Мускулистое тело мужчины. Пригодное для стольких полезных вещей. Полезных для него вещей. Оно может быть полезным для других тоже. Всё реже и реже им пользуются. Но оно может быть полезным. Оно может преодолеть препятствия, возвести стены, защитить, принести добычу со следами свежей крови. Всё реже и реже им пользуются.

Оно лежало, расслабленное, на мягкой постели, освобождаясь от воздействия большого количества алкоголя. Алкоголь, возможно, пошёл ему на пользу. Отключил на время ненасытный мозг. Три бутылки водки. Голова совсем не болела.

Зачем хозяину такое сильное, мускулистое тело? Оно досталось ему просто так, ни за что. Но он не забывает о нём. Поддерживает и укрепляет регулярными упражнениями. Для ног, живота, спины, рук, шеи. Для головы только нет подходящих. Самых важных. Он делает упражнения почти каждый день. Поддерживает и укрепляет.

Для того чтобы разглядывать его в зеркале? Он любит это делать. Есть от тела и другая польза. Должна быть другая польза от большого мускулистого мужского тела. Оно привлекает другие, желанные и нежеланные. Привлекает. Его приятно рассматривать в зеркале. Напрягать мышцы и ощущать бугорки. На животе, руках, ногах. Им можно при-

давить покорившееся тело. Взять в ладонь покорившуюся грудь, стараясь одновременно сделать и не сделать ей больно. Большой, крепкой ладонью. Оно может без труда оттеснить легковесного противника. Или выдержать напор тяжеловесного. Его приятно ощущать под мягкой тканью одежды. Большое, мускулистое мужское тело.

Оно скучает. По тем временам, когда оно было наравне с разумом, главное. Оно помнит эти времена. Смутной древней памятью. Зачем его хозяину теперь такое большое мускулистое тело? Он лежит в своей постели, отдыхая от мира, от которого у него нет защиты. Его тело ему не защита. Его разум ему не защита. Везде сующийся, беспокойный и беспомощный разум. Три бутылки водки уgomонили его на время, но совсем разладили тело. Голова не болит. В ней обитает его разум. Хозяин отдыхает от мира, от которого у него нет защиты. Где он сейчас? Он отдыхает. Значит ли это, что есть спасение от этого мира? Там, куда можно попасть после трёх бутылок водки, поглощённых большим мускулистым мужским телом. Как бы остаться там навсегда. Хозяин знает, что это временное состояние. Ему придётся вернуться обратно. Туда, где у него нет никакой защиты, туда, где беспомощны и его разум, и его тело. В мир, который к тому же решил вдруг исчезнуть.

Широкая грудь мерно поднималась и опускалась. Ему не снилась женщина. Тогда бы его дыхание было быстрее и затвердел бы пенис. Твёрдый пенис – самая верная примета.

Ему снилось что-то другое, приятное и успокаивающее. Возможно, что ему совсем ничего не снилось. Хотя знающие люди говорят, что нам всегда что-то снится. Он был там, куда можно попасть после трёх бутылок водки. Почему бы не остаться там навсегда?

*

Сознание вернулось прежде, чем открылись глаза. Глаза не спешили открываться. Наверно, из-за того, что уши ничего не слышали. Может, слух ещё не проснулся? Нужно дать ему время. Может, уже ночь, глубокая ночь, когда должно быть тихо. Закрытые глаза ощущали наружный свет. Нет, там не темно, там не ночь. Ни звука. Шелест листвы, щебетание птиц?

Глаза открылись. Окно освещало утреннее солнце. Он повернулся лицом к свету. Я во сне. Это единственное объяснение. Куда они могли все подеваться? Может, я больной? Ущипнуть себя сильно. Ударить по голове. Пальнуть. Неплохая идея. Можно ли убить себя во сне? Винтовку в рот и нажать на курок. Проснусь или сделаю дырку в голове? Где винтовка? – он осмотрелся по сторонам.

Нужно ехать в город. Город – это серьёзно, город никогда не спит, никогда не бывает пустой. Город не может без людей. Там, где есть город, есть люди. Неужели проспал весь день и ночь? Он встал с постели.

Лужа под холодильником начала подсыхать. Он вышел на веранду. Утро, хорошее весеннее утро. Он порылся в пакетах, вытащил сухую булочку и кусок сыра. Захотелось кофе. Есть ли газ? Он направился на кухню. Есть. Он приготовил кофе, съел булочку с сыром и вышел на улицу с чашкой в руке. Розовый мячик лежал на том же месте. Или нет? Кажется, был ближе к дороге. Выпив кофе, он зашёл домой за ключами от машины.

Ветер врывался внутрь через все четыре окна. Он держался за руль одной рукой, вдыхал свежий весенний воздух и предвкушал пустые улицы города. Он будет огорчён, если они не пустые. Они, конечно, пустые. С высоты моста город выглядел как обычно. Нагромождение стоящих на торцах длинных прямоугольных параллелепипедов, оживлённых лучами утреннего солнца. Что бы мы делали без него?

Он повернул на свою любимую улицу, проехал немного, остановился и вышел из машины. Немного постоял, пересёк улицу и сел на скамейку у автобусной остановки.

Куда они все задевались? Никого нет. Какой сегодня день? Вторник? Рабочий день. Что делается на работе? Ничего не делается. Не нужно ходить на работу. Совсем? Никогда? Не нужно ничего делать. Совсем. Выживать. Как я один выживу? Ерунда. В таком городе как не выжить? Всего полно. Как здесь не выжить? Миллионы работали, поколениями. Нарботали. Много всего, в избытке, хватит на сто моих жизней. Что делается на работе?

Он не пытался разобраться в своих чувствах. Как можно в них разобраться? Приятно сидеть на жёстком сиденье, опираясь о жёсткую спинку аскетической городской скамейки посреди большого пустынного города. Никуда не надо спешить, ни о чём не надо тревожиться. Мир стал лёгким, почти невесомым. Мир исчез. Они все из него исчезли, мир стал невесомым. Где они все сейчас? О, как там должно быть нелегко! Он не хотел туда. Он почувствовал голод. Кусок жареного мяса. С мясом будет проблема. Остались ли животные? Где-то же я слышал птиц.

Внутри супермаркета плохо пахло. Скоро сюда невозможно будет зайти. В одном из холодильников он нашёл всё ещё замороженное мясо. С двумя пакетами в руках он вышел на улицу и посмотрел на многоэтажный жилой дом напротив. Там, на тех террасах, должны быть грили.

Стекло входной двери пришлось разбить, как ему этого ни не хотелось. Не хотелось вносить атмосферу разрушения. Зато дверь на лестничную клетку была открыта. Первая терраса на десятом этаже, если правильно посчитал. Он стал считать ступеньки.

Даже зажигалку оставили. Полный баллон газа. Таких по городу должно быть миллион. А в округе? Не пропадём. Он разрезал мясо на плоские куски.

Дым от гриля опускался в каньон улицы. Он съел два куска, запил вином и приготавливался к третьему куску. Солнце перевалило зенит. Глубокую улицу пересекла резкая тень.

Вдали виднелась башня знаменитого отеля. Там он сегодня заночует. Уже клонит ко сну. Всё-таки три бутылки водки. Два дня назад. Слабак. Третий кусок поджарился. Съесть, пока не подгорел. Да, тебя мне будет не хватать. Может, заведу корову? Могли бы не жадничать. Он впился зубами в сочную мякоть.

Вино кончилось, он с трудом держал глаза открытыми. Лечь прямо здесь? Он подошёл к шезлонгам в углу террасы и устроился на одном из них. Удобные.

Проснулся в темноте. В холодном воздухе мёртвого города. Тепло ещё держалось между телом и мягким материалом шезлонга. Он смотрел на звёздное небо. Звёздное небо смотрело на мёртвый город. Мёртвый ли город, если я ещё в нём? А я в нём? Упала звезда. Упала ещё одна. Большая Медведица. Как там может всё идти своим чередом, когда здесь всё... Что здесь произошло? Всё исчезло. Как я доберусь до отеля в такой темноте? Дождаться луны? Будет ли луна? Становилось холодно. Он встал и осторожно добрался до края террасы сквозь темноту холодного воздуха. Нашупал руками поручни, осторожно подвинулся к ним и замер от неожиданности.

Внизу по улице передвигался луч света. Подрагивая, словно в руке быстро идущего человека. Сердце замерло. Луч быстро удалялся, тускнел и вдруг исчез совсем. Он стоял у края террасы, крепко держась руками за перила, и старался разглядеть хоть что-нибудь в абсолютной темноте. Ничего не

различить. Где улица, где дома, где верх, где низ?

Неподвижный, он начал дрожать от холода. В отель сегодня не попасть, он повернулся лицом к террасе. Кажется, была ещё одна дверь. Должно быть, в квартиру. Спотыкаясь, он начал пересекать террасу.

Холодный металл двери не обрадовал его. Он осторожно надавил плечом. Дверь поддалась, он оказался внутри жилья. Чувствовалось по запаху. Где кухня?

Он нащупал газовую горелку, повернул кран и услышал шум выходящего газа. Газ есть. Зажжённая горелка осветила кухню. Он стал искать фонарь или свечку.

Его вдруг охватило. Что же я делаю? Он ринулся к двери, на террасу. Спотыкаясь о невидимые предметы, он добрался до перил и наклонился. Никого, ничего.

– Эй, кто там? – он не хотел производить столько шума. – Есть кто-нибудь? Отзовитесь.

С другой стороны? Нет, с этой, только эта сторона выходит на улицу. Там внизу улица? Он затих. Как абсолютно темно вокруг.

Всё. Теперь весь мир знает о его существовании. Теперь его непременно найдут, вытащат наружу. Он вернулся в квартиру, выключил горелку и отыскал кровать.

*

Показалось. В городе больше никого нет. Мёртвый город,

с высоты видно, что мёртвый. Луч двигался слишком быстро. Пригрезилось. Исчез за несколько секунд. Почти девять перекрёстков. Слишком быстро. Люди так быстро не ходят. Машина, мотоцикл. Тогда услышал бы. Пригрезилось. Продолжение длинного сна? Опять выпил слишком много. Всего одна бутылка вина.

Он заканчивал утреннюю чашку кофе, облокотившись о перила, защищённый от прохладного ветра плотной замшевой курткой. Здесь живёт кто-то его размера. Жил. Открытое для обзора небо было чистое. Загороженное небоскрёбами солнце уже работало, похоже, в полную силу. Поближе к нему? Он поставил пустую чашку на стол и направился к лестничной клетке.

Где машина? Он осмотрелся по сторонам. Куда она задевалась? Вот супермаркет, вот ресторан. За углом! Машина стояла почти на середине улицы. Запарковался. Он сел внутрь и включил зажигание. Нужно заправиться.

Он въехал на заправочную станцию, подрулил к бензоколонке и вышел из машины. Что теперь? Он нажал на несколько кнопок на панели. Что-нибудь придумаем.

Он отыскивал люк врытой цистерны. Закрыт. Может, там нет совсем бензина? Где искать ключ? Он зашёл в офис. Знать бы, как он выглядит. Где-нибудь на видном месте, на крючке. Потеря времени. Чего-чего, а времени у тебя теперь много. Через пятнадцать минут он вышел на улицу ни с чем. Эту проблему нужно будет решить. Он направился к авто-

мастерской по соседству.

В мастерской стояли четыре машины. У самой первой оказался полный бак. Порядок. Теперь дело за канистрой и куском шланга. Ещё через час, сплёвывая, с привкусом бензина во рту, он отъехал от станции. Эту проблему нужно будет решить. Насос. Ручной или от аккумулятора. Решим.

Ехал с ветерком. Куда я еду? Он разгонялся по прямой бесконечной улице. Домой? В отель? Всегда хотел узнать, как там. Кровать, бар, вид. И кухня, наверно, есть. За такие деньги должно быть всё. Зачем там кухня? Кто готовит? Захватить газовую горелку на всякий случай. Кухня есть в ресторане. Ещё рано, только утро. Попозже.

Бесконечная дорога закончилась. Дальше вода. Он остановился и вышел на набережную. Чаек нет. И птицы исчезли? Их за что? Вода с шумом ударялась о забетонированный берег. Океан живой. Не мёртвый. Не так, как город позади. Океан живой. Есть ли рыба? Он вглядывался в мутную воду. Живая, не мёртвая вода. Глубокая. Какая здесь глубина? Он вспомнил, как встречал на этом месте восход. В таком был состоянии, глупого счастья. Давным-давно. Показалось тогда большое, неожиданное и стремительное. Ему нельзя терять время. Вам можно. Пожалуйста. Все ваше. Теряйте сколько хотите. Но мне нужно наверх, светить. А мы не спешили. Было время.

Что там за горизонтом, на другом конце света? Берег? Кому оно там светит? Никогда не узнать? Мир расширился.

Слишком большой для меня, для одного. Может, там есть кто-то.

Океан всегда живой, даже мёртвый. Всегда обещание. Всегда путешествие, приключение, перемена. Для тела и духа. Доступная, понятная крошечная бесконечность, песчинка среди бесконечностей. Понятная нам, осязаемая. На неё можно отважиться. Одному? Он большой. Найти приличную яхту. Всё равно страшно. Что ты знаешь о море? Что-то знаю. Может, мёртвое оно другое, тихое, неопасное. Ветер бросал солёные брызги в лицо.

Он повернулся к городу. Другая картина, другое настроение. Неважно там всё придумано. Всё придуманное, всё мёртвое. Без силы рук и ног, серого вещества. Ненадёжная сила, хрупкая. Раз – и исчезла. Понастроили прямых улиц. Кому могла прийти такая идея? Где есть в природе такая правильность? В мозгах только. Слово само: правильность. Откуда? Прямоугольные дома. Где они их могли повстречать? Удобно. Да, удобно. В удобстве ли дело? Всего напридумывали. Об одном забыли. Как здесь жить человеку счастливо. Это не наше дело. Это каждый сам за себя. Каждый сам за себя, и все одинаково. Никого нет. Только ты один, сам за себя. Нелепость какая-то. Один. Что происходит? Кто там ходил с фонарём? Не мираж. Город, огромный город. Гордятся им. Догордились. Если он такой хороший, куда вы все подевались? В другом городе? Таком же. Почти, только живом. Это вам кажется, что он живой.

Он поднял голову вверх. Детская коляска на балконе. Здесь живут люди с деньгами. Молодая семья. Им много надо. Много всего. Разменивают молодость. Им ещё повезло, разменивают на большие деньги, наверно. Счастливы? Были ли они счастливы? Кто знает? Счастливы ли. В себе не разобраться. Конечно, несчастливы. Кто может быть счастливым? По-настоящему, безоговорочно счастливым. Когда такое возможно?

А я согласен был бы даже без счастья. Только бы не давило. Не каждый день. Через день хотя бы. Чтобы были дни, когда просыпаешься и ничего не беспокоит. Ни прошлое, ни будущее. Видишь только то, что перед глазами, слышишь только то, что втекает в уши, и думаешь... Ни о чём не думаешь. О женщине. Мягкой и улыбочивой. Родной. Но так не бывает. Так устроена жизнь. Для чего и кем? Большим шутиком.

Где они сейчас, где их ребёнок? Он закрыл глаза и увидел веснушчатое лицо. Говорят, в дедушку. Любопытные глаза. Он открыл глаза. Океан неустанно обрызгивал его сзади солёной пеной. Куда они все подевались? Это сон. Я во сне. Как мне проснуться? Если захочу. Пускай они будут там, если им так хорошо. А я поселюсь здесь, один в городе, и буду жить. Нет людей – нет проблем. Поел, поспал, поел. Значение всего остального чрезвычайно преувеличено. Водки завались. Вина. Пиво, наверно, испортится в конце концов. Жаль, но переживём. Пиво, наверно, можно самому варить. Женщи-

ны, что будем делать с женщинами? Без женщин трудновато. Но стоит ли из-за этого просыпаться? Глупый вопрос.

Небо нахмурилось. С моря идёт дождь. Устав стоять, он устроился на жёсткой скамейке и плотнее укутался в куртку. Пора позаботиться о еде. Ветер усилился и приносил ещё больше солёной влаги. Море сердится. На кого? Не на кого больше сердиться. Никого нет. А на меня зачем? Он встал и направился к машине. За углом, кажется, есть супермаркет. Для удобства жильцов этих домов. Не дай бог, если нужно далеко ходить за продуктами.

В супермаркете пахло скверно, но он не ушёл, пока не нашёл всё, что нужно. На несколько дней. Ещё осталось неиспорченное мясо. Нужно наесться впрок. Может, засолить? Неплохая идея. Он загрузил пакеты в машину. В отель.

С моря настиг морозящий дождь. Этого только не хватало. Он закрыл окна и сбавил газ. Куда я еду? В дождь лучше дома. А здесь брызги и грязь, бесцеремонные зонтики. Без зонтиков тоже невесело. Солнце нужно.

Он сделал поворот и резко затормозил. Это ещё откуда? Дорогу перекрывала большая картонная коробка. Он осмотрелся по сторонам. Кто её сюда поставил? Он не хотел встретиться с теми, кто это сделал, но не мог решить, с какой стороны объехать. Назад? Вправо. Прямо на середине поставили. Сволочи. Он стал осторожно выруливать.

Порыв ветра подхватил коробку и перекатил на тротуар. Вот ещё кто есть в городе. Это другое дело. Против ветра я

ничего не имею. Пускай будет, с ним веселее. А то всё вокруг молчит. Он осмотрелся ещё раз и громко рассмеялся. Ну и дела! Он вышел из машины и направился к хорошо знакомому входу с вертящейся дверью. Вот зачем здесь поставили коробку.

Он пересёк вестибюль, открыл дверь на лестничную площадку и поставил ногу на знакомую ступеньку с большим чёрным пятном неизвестного происхождения. Всё на том же месте. Он обсуждал это пятно с комендантом много раз. Комендант тоже не может его объяснить. Не поддаётся никаким моющим средствам. Сколько раз я здесь проходил? Как-то подсчитывал. Восемь пролётов. Он открыл дверь на свой этаж.

В его кабинете всегда светло. Он никогда не задёргивает шторы. Почти никогда. Он сел в своё кресло, спина почувствовала привычную поддержку, он почувствовал облегчение и автоматически нажал на кнопку включения компьютера. Да...

Он взял со стола папку. Шеф уже несколько раз напоминал об этом клиенте. Всё должно быть безукоризненным. А когда не должно быть? Богатый клиент. Денег завались. Будет большая премия. Шеф, правда, о нём никогда не забывает. Он отложил папку в сторону. Как долго это может быть в охотку? А что ещё есть другое? Он встал и подошёл к большому окну. Мне повезло. Те бедняги внизу отбывают время, по-настоящему несчастные люди. Невольники. Мне

очень повезло. Я, наверно, самый везучий на всём этаже, может, во всём здании. Во всём городе. Везучий. Он повернулся лицом к стеклянной двери офиса. Все мы невольники. Никто не признаётся только. Признаются, но осторожно, с опаской. Так не должно быть в мире, неправильно так. Да нет, голоса во весь голос. Выражениями лиц, бесцветностью глаз. Походкой невольников. Свободных невольников, самых жалких существ в мире. Отбери это у них, и им станет совсем плохо.

Ничто меня не исправит. Говорю за весь мир. Им там хорошо, они все там остались. Это я заблудился. Самый везучий человек. Смеются, наверно, надо мной. Слепцы.

Не буду я скучать по этому месту. Больше отнимает, чем даёт. Где предел? Клиент богатый? Сколько мне нужно денег? Зачем они мне, если не могу встать и послать всех подальше. Даже если в голове пусто. В голове пусто. Давно. Очень скучно жить, когда в голове пусто. Может, ей нужен отдых. Очень длительный. Как проверить? Для отдыха нет времени, для длительного. У клиента много денег. Жди пенсии.

Не надо мне больше, дайте меньше. Я уже поработал сегодня, сколько мне надо. На бутылку вина, горячий ужин и женщину. Я хочу пойти домой, переодеться и выбежать в парк, пока солнце ещё в небе. Закатное солнце. С другой стороны офиса. Заходит без меня каждый день. Сколько мне выделено закатов в жизни? Не много. Замены не будет. А

восходов? Бог с ними с восходами, утром хочется поспать. Нет, закатное солнце – это роскошь. Только очень богатые люди могут себе позволить. Наши клиенты. Вряд ли. И у них много денег потому, что они тоже не видят закатного солнца. Вот и сиди здесь дотемна каждый день, потому что клиент тоже сидит. Зачем ему мечтающий о закатном солнце работник. Отдай нам всё, что у тебя есть. Мы платим. На наши денежки много охотников. Мы платим, подавай нам всё быстро, сейчас, вчера. Нам эти денежки тоже достаются нелегко. Бессмыслица. Устроили всё неважно. Назад нужно вернуться. К Большому взрыву. А что, если всё придёт опять сюда? Неумолимая логика жизни? Нет, не может быть такого. Неизбежности не может быть в мире. Тогда абсолютная бессмысленность.

Расфилософствовался. Никого нет внизу. Кроме человека с фонарём. Нет там никого. Что случилось? Я, должно быть, во сне. Другого объяснения нет. Не похоже всё это на сон. Чему на свете есть объяснение? Ничего нельзя объяснить. Не нужно. Просто всё исчезло. Почти. Почему я не кричу, не мечусь, не схожу с ума? Когда я начну сходить с ума? Может, уже. Это было бы логичным объяснением. Есть у меня забота. Хочется есть. Какие у меня есть ещё заботы. Их должно быть много. Их всегда много. Они никогда не кончаются.

Папка лежала на столе. Он смотрел сквозь мокрое окно. Скучно там, наверно, будет. Одному. Горничную не трахнуть. Всё к вашим услугам. По слухам. Всё по первому клас-

су. Невидимая армия – убирает, готовит, трудится. Не видящая закаты армия. Накопят денежек – и на побережье. Подай им всё тогда по первому классу. Все отдаём и все получаем. Почему кажется, что отдаём больше, чем получаем? Куда уходит разница? Кому она достаётся? Кому от этого хорошо? Где предел? Двадцать четыре часа в сутки, столько-то калорий можно выжать из одного человеческого тела. И всё вроде для него, для другого такого же тела. Для его блага. Ты мне, я тебе. Отдай – получи. Нельзя только остановиться, передохнуть, съехать с магистрали на обочину и послать всех подальше. Или на просёлочную дорогу. Не будут ждать. Уедут, умчатся куда-то. Говорят, что вперёд. Придётся догонять, а то будет совсем худо. Разогнались дальше некуда. Может, они меня все обогнали? Оставили. Неумелого, неприспособленного. Может, и так. Я лучше всех вас приспособлен. Только мне мир ваш не нравится. Вам он тоже не нравится, только боитесь признаться. А я не боюсь. Я ничего не боюсь.

Он встал с кресла. Это теперь их проблемы, там, где они все. У меня проблемы другие. Нужно что-то сварганить поесть. В желудке сосёт.

*

Великолепный, должно быть, вид. Он вглядывался в темноту за огромным окном. Завтра узнаю. К тому времени, ко-

гда он наконец оказался на месте, солнце зашло и стало быстро темно. Оно не особенно баловало сегодня из-за туч. К тому же пришлось сделать две ходки, чтобы занести продукты и остальное барахло на двадцатый этаж. Боги не живут на земле. Барахла набралось много: еда, вода, газовая горелка. Он не хотел ничего оставлять в машине, чтобы не нужно было никуда больше ходить. Хорошо, что спиртное и посуду не пришлось тащить. В достатке. Он держал в руке рюмку коньяка.

От оконного стекла отражался свет трёх свечей. Зачем ему три? Он переваривал ужин на самом удобном и мягком диване из всех, на которых ему приходилось сидеть. Почти лежал. Всё для нашего блага. Неужели нужно быть очень богатым, чтобы обрести свободу? Не может быть, чтобы было так банально.

Это их проблемы. Так и засну на этом диване. Найти чем укрыться. В спальне. Бутылка вина одолела его. Раньше он никогда бы в этом не признался. Одолела. Водки не хотелось. Только рюмку коньяка. Как без неё? В голове туманно. Завтра они найдут меня здесь и вызовут охрану. Почему номер пустой? Мало богатых людей на свете? Мало свободных людей, счастливых людей? Это их проблемы.

Номер немного разочаровал. Хотя, что можно разглядеть с маленькой свечкой? Не такие пространства. Высокие потолки, люстры. Музейная правильность. Не для людей. Жилище богов. Счастливых, беззаботных людей. Может стать

моим жилищем. Смотреть на всё сверху. Не пропустить бы восход. И ни в коем случае закат. Особый свет заходящего солнца. Особое сочетание радости и грусти. Понятное живому существу. Доступное. Есть в мире радость, есть грусть. В понятной пропорции. Без чрезмерности, без надрыва. Радость и грусть. Понятные живому существу.

Сон наконец одолел его. Хороший, глубокий сон усталого человека, у которого только одна забота – утолить свою усталость. Больше у него нет никаких забот. Он не слышит, как стучит об окно морозящий дождь. Этот шум не проходит сквозь толстое стекло. Никакие звуки не проходят сквозь него. Только темнота, неодолимая темнота мира. Ему снились маленькие ножки с маленькими пальчиками. Смешно болтающиеся ножки. Сообщающие о том, что происходит на маленьком пухлом личике. На личике любопытные глазки. Ножки болтаются любопытно. Им всё нужно, они уже хотят ходить. Далеко, далеко. Их не спутать с недовольными ножками. В недовольных ножках большая сила. Лучше не смотреть тогда на недовольное личико. Этим ножкам любопытно. Они ничего не знают о мире. Они хотят всё узнать. В них столько любопытства, что хватает на всех. Они заражают им всё вокруг. Неразумные. Поберегите, поэкономьте. В один день оно закончится. Что будете тогда делать? Неразумные. Хорошо, дайте и мне немного. Что там на потолке? Цветочки? Это для вас. Розовые цветочки. Банальные розовые цветочки. Но их ведь много, правда?

Остались болтаться одни. В кроватке с высокой перегородкой. В светлой чистой комнате, где сильно пахло после последней смены. Перед сменой они старались и тужились. Работали изо всех сил. Есть вещи на свете важнее вас. Очень много на свете, что важнее вас. Потому, наверно, он такой невесёлый. Оставил их одних. В кроватке. Заметили ли они? Огорчились? Как они могли не заметить, не огорчиться?

Потом ему снились другие сны. Из тех, которые снятся здоровым мужчинам. Он здоровый мужчина. Он выглядит здоровым. Сильным, энергичным мужчиной. С большой ладонью и упрямым подбородком. Только глаза иногда выдают его. Когда на них никто не смотрит. Обычные сны, приходящие к здоровому мужчине, которого иногда выдают глаза, когда на них никто не смотрит. Он их тогда старательно прячет, свои глаза. Ему снились женщины, знакомые и незнакомые. Ему снилась знакомая женщина. Обычные сны, такие же, как у здоровых мужчин, которых никогда не выдают глаза. Если таких ещё продолжают делать. Обычные сны с женщинами в них. Самые лучшие в мире сны.

*

Он сидел в кресле напротив окна и смотрел вниз на здания, на открытое пространство парка. От окна шло тепло. Солнце игралось с лёгкими светлыми облаками. Он сидел так с раннего утра в непонятном состоянии. Проснувшись,

он долго разглядывал потолок и всё, что можно было увидеть, не поворачивая сильно головы. Потом он вспомнил, где он. В голове было пусто. Он не знал, о чём думать. Не о чем думать. О чём можно думать, если никого нет вокруг? Он не чувствовал себя больным, может, очень усталым. Даже не усталым. С чего бы? Сонливым. Он встал, зашёл в ванную, вернулся, подошёл к окну, постоял возле него, затем придвинул кресло и сел. Есть не хотелось. Он, конечно, проспал восход и решил дождаться на этом месте захода. Заход обещал быть шикарным. Больше ничего интересного день не предвещал.

Когда они меня найдут? Сколько так может продолжаться? Я, наверно, больной. Мне нужно отлежаться на этом удобном кресле. Почти как кровать. Дождусь захода. Потом что-нибудь поем. Не хочется есть. С самого утра. Я больной, нужно отлежаться. А что, если правда найдут меня? Где я? Куда они все подевались? Кто меня ищет? Кто-то, наверно, ищет. А может, я там тоже есть. А что здесь? Где это – здесь? Я во сне. По-другому не может быть. Какой длинный сон. Никогда такого не было. Не похож на сон. Должны найти меня. Ищут. Человек потерялся, исчез. А может, я по-прежнему там? Может, никто не ищет. Я должен проснуться. Когда-нибудь я проснусь. Найдут, вернут обратно. Никуда от них не скраться. Не избежать. Найдут, вернут обратно и отберут свободу. Этого они никогда не позволяют. Не стерпят. Свободного человека. Не позволят. Вцепятся, как клещи, и

высосут всю. До капли. Не из жадности. Просто не могут позволить свободу. Она им не нужна. Выплюнут, не проглотят. Просто нельзя позволить свободу. Свобода – это конец мира. Никакому миру не выдержать тяжести свободы.

Один только есть способ. Может, я уже им воспользовался? Может, я уже в раю? А что, неплохо. Могло быть хуже. Какой бред. Я больной, нужно отлежаться. Дождаться захода и наполнить глаза красным светом. Несуществующего солнца. В моём воображении.

Глаза закрылись. Он откинул голову на мягкий подлокотник кресла. Солнце перемещалось по небу. Наконец оно заполнило комнату красным светом.

*

Шикарная спальня. Он не помнил, как оказался на кровати. Какая разница? Он чувствовал голод и надеялся, что хоть что-то от еды осталось. Нужно что-нибудь съесть, прежде всего. Он был прикрыт краем покрывала. Огромного покрывала на огромной кровати. Шикарная кровать. Женщину бы сюда. Но сначала что-нибудь поесть.

Одна из штор спальни была открыта. Наверно, я. Он ничего не помнил. Не важно. Он чувствовал себя хорошо. Не нашли. Сколько я выпил? Голова не болела. Наверно, больше трёх бутылок. Прежде всего, нужно что-то съесть. На улице уже день. Сколько я здесь провалялся? Какая разница? Глав-

ное, что он чувствовал себя хорошо. Он поднялся с постели. Где у них туалет?

Ни одной пустой бутылки. Еды полно. Он поставил на горелку воду для кофе. Пора домой. Там, может, ещё есть вода. Или что-нибудь придумаем. Здесь не прожить. Таскать воду на двадцатый этаж. Он задумчиво жевал жёсткий хлеб с сыром. Сколько стоит свобода? Сколько за неё можно заплатить? Останусь скоро без хлеба и сыра. А кофе портится? Как же без кофе? Что-нибудь придумаем. Он был в хорошем настроении. В голове вырисовывался интересный план. Свобода. Он ещё раз подошёл к окну. Хороший вид, но нужно ближе к земле. Жилище богов. Хороший день, не пропустить бы заход. Счётчик никто не остановил. Тикает. Ещё на один меньше. После кофе он посидел немного, глядя в окно, и наконец встал. Пора домой. Он засунул в карманы несколько пакетов кукурузных хлопьев, пакет орехов, взял в руки бутылку воды и направился вниз. Шикарная лестничная площадка. Ни одного пятна. Жилище богов. Тебе здесь не место. Пускай сами живут. Если хотят.

Он забыл закрыть одно из окон машины. Чёрт! Заднее сиденье серьёзно вымокло. Он не любил, когда такое случилось. Машина завелась как ни в чём не бывало. Спасибо тебе. Он задумался – налево – и нажал на газ. Сначала нужно заехать в одно место.

Ещё через час он потерял надежду. Неправильный адрес. Забыл, пустая голова. Придётся ехать домой.

Он не был уверен, как долго не был дома. День, два? Какая разница? Казалось, что долго. Он возвращался с удовольствием. Дорога, деревья встречали его по-особому. Молчаливо. Может, они говорили что-то? Он не слышал из-за шума ветра. Быстро едем. Он въехал на свою дорожку. Дом встретил как обычно. Где ты опять шлялся? Привык к таким исчезновениям.

Входная дверь не заперта, он сразу направился в кабинет и стал рыться в стопке журналов на книжной полке. Рылся долго и начал терять терпение. Вот. Он открыл журнал и нашёл нужную страницу. Идиот. Другая улица. Хорошо, что поехал домой. Искал бы до темноты. Он рассматривал страницу с интересом. Поехали. Он взял с собой журнал.

На мосту он, в который раз, автоматически снял ногу с педали газа. Страшновато. Если случится что, до воды далеко лететь. Она холодная. Врезаться в бетонную перегородку не так страшно. Ветер внутри буйствовал, пришлось положить журнал под себя, чтобы не унесло. Нужно найти машину побыстрее. Он въехал в город, ветер внутри машины утих. Он повернул на большую улицу. Несколько километров прямо, а потом направо. Он надавил на педаль.

Внутри магазина странный запах. Непонятный. Вентиляция не работает. Он пересёк главное помещение и вошёл в специальную секцию в глубине. Осмотрелся вокруг. Ну вот. Так бы, наверно, никогда здесь не побывал. Свобода.

Девочки тихо стояли вдоль стен. Каждая в своём уютном

уголке. Тихие девочки. Большеглазые. Полногрудые. Не полногрудой здесь не место. Все как одна. Хм... есть и тростиночка. Хороша. Он подошёл к кукле поближе. С достоинством держишься. Молодец. Всё у тебя есть. И грудка. Бесстыдное девичество. Сам ты бесстыдный, посмотри, как стоит. Чего ей стыдиться? Такой её сотворили. Он дотянулся до груди. Не зря хвалят. Приятно. Он повернул голову направо, подошёл к следующей кукле и положил руки на её груди. «Просьба не трогать руками». Даже в таком магазине. А что с ними делать? За такие деньги могли бы разрешить потрогать. Девочкам неприятно? Ладно, теперь вы все мои. Он подошёл к следующей. Почти готовый. Почти.

Неважно здесь пахнет. Душновато. Он присел на скамейку в середине комнаты, утомлённый. Ну что, кто первый? Трахнуть прямо здесь, на виду у всех? Была такая задумка. Он чувствовал, что желание испаряется из него, и пытался его удержать, уверенный в напрасности усилий. На улицу, на свежий воздух. Сколько их поместится в машину? Одну в багажник, две сзади, одна впереди. Можно потесниться, в багажник две, сзади три. Не жадничай, хватит и четырёх.

Он усадил в машину три куклы, малогрудую рядом с собой. Он был не уверен, что правильно выбрал другие две. Одна чёрненькая, другая беленькая. Всё равно: заменю, если что. Возбуждение исчезло и освободило большое пространство внутри. Он боялся того, что скоро может прийти на замену, и нажимал на педаль газа до отказа. Ветер сорвал бюст-

гальтер с пассажирки за спиной и выбросил в окно. Никто не возражал. А может, не у неё, а у соседки. Он не отводил взгляда от дороги. Отвлекаться от дороги опасно.

Девочки остались в машине. Он зашёл в дом, плюхнулся на диван перед телевизором и взялся за пульт. Нужно было захватить фильмов. Где-то у меня, наверно, ещё завалялись. Поставлю генератор, и всё заработает. И видик, и холодильник. Нужно начать устраиваться. Зачем мне свет? С генератором возиться. А холодильник? Пиво холодное. Что-то необходимо начинать делать. Устраиваться. Может, автодом пригнать? Давай что-нибудь поедим сначала.

Он съездил в супермаркет за едой и спиртным. С девочками намного веселее. Нужно только будет привести в порядок их волосы. Сидят как чучела. Грудастые. Он старался не смотреть на них. Хорошо делают, сволочи. Он вернулся домой и опять расположился на веранде. Хорошие деньки.

Закат встречали на господствующей высоте окрестности. На смотровой площадке в парке, недалеко от дома. Идеальное для этого место. Он пил вино из бутылки и закусывал сомнительной свежести сыром. Нравится ли девочкам? Он решил не спрашивать. Девочки остались в машине. Завтра поеду на океан за закатом. Он допил бутылку и дожевал сыр. Солнце зашло, в сердце понятная смесь чувств. Понятная живому существу. Есть радость, есть грусть. Всё в правильной пропорции.

Поздно вечером, ближе к полночи, ступая неверным ша-

гом, он подошёл к машине, открыл заднюю дверь и вытащил с трудом первую куклу. Тяжёлая. Держа куклу двумя руками, головой вперёд, он осторожно занёс её в дом и положил на диван в гостиной. Раздался вздох. Так ты ещё и говоришь. Он сел рядом и осторожно надавил на живот. «Оо...» Могли бы что-нибудь получше придумать. Ты уж лучше помолчи. Где у тебя выключатель? Неужели не подумали? Желание овладело им. Он обрадовался ему. Настоящее желание. Он погасил свечу и снял с куклы трусики. Запах магазина, нужно будет побрызгать тебя чем-нибудь. Он разделся и осторожно и нетерпеливо лег на силиконовое тело. Она вздохнула. Он взял её за грудь. Разогреть тебя не надо. Он поднялся и раздвинул аккуратно её ноги. Ну, была не была.

Через час, после ещё одной половины бутылки вина, он принёс домой вторую куклу, с другого заднего сиденья, и положил на пол возле дивана. От неё пахло по-другому. Свет луны обильно сочился сквозь большое окно гостиной. Полная луна. Он видел её, расположившись на полу рядом со своей подружкой. Хорошие девочки, мягкие, молчаливые. Здорово делают. Он понимал, что пьяный, но не тревожился о том, что будет завтра. Это с ним случалось. Тревожиться. Когда он лежал рядом с мягкими, молчаливыми девочками. Хорошо. Полная луна. Ты, пожалуйста, никуда не исчезай. Не уходи к ним. Не оставляй меня. Без тебя будет совсем плохо. Без твоего света. Тихого и осторожного. Робкого. Он мне поможет, когда я с моими девочками. Тихими

и робкими. С ним не страшно, он приглушает, сглаживает. Неназойливый, но проникающий, беспристрастный и многозначительный. Не осуждающий. Касается грудей моих девочек, как любой другой груди на свете. Это всего лишь грудь. Нежно и тихо. Знаешь ли ты, что бывают другие груди? Их больше нет на свете. Решили вдруг исчезнуть. Я их помню. Я знаю. А ты? Ты тоже из того мира? Может, ты знаешь больше меня? Может, они есть где-то? Знаешь где? Скажешь? Цены бы им не было. Кто будет оценивать? Сколько я отдам за такую? Кто знает. Всё, что есть. А может, и нет. Он дотронулся до груди подружки. Ничем не хуже. Он, не спеша и со знанием дела, взобрался на неё. Надо будет им дать имена.

Он ещё полежал на полу, уставив взгляд на луну, затем поднялся и отправился в спальню. Спокойной ночи, девочки. Как бы кто-нибудь не утащил тростиночку. Одна в машине. На такую найдутся охотники, в любое время, в любом месте. Но неодолимая усталость наваливалась на него. Куда денется? Что я буду с ней делать? Он добрался до постели и рухнул на неё, голый, поверх покрывала. Холод весенней ночи стал пробираться внутрь комнаты.

*

К вечеру собрались тучи. Заход на океане отменялся. Он сидел дома в кресле гостиной за закрытыми окнами. Оставив маленькую щель в двери на веранду. В доме было сыро

и зябко. Нужно начинать обустраиваться. Поставить генератор. Будет свет и отопление. Скоро лето. Тем более кондиционер нужен. Потянет ли кондиционер? Должен, есть мощные. Для них горючего нужно будет много. Пригону цистерну. Где-то должны быть. Зачем всё это? Лучше найти хороший автодом и догонять хорошую погоду. Где сейчас хорошая погода? На юге, а летом на севере, подальше от жары.

Он кутался в одеяло. Девочки лежали там же, где он их положил в первый раз. Одна на диване, другая на полу. Им не холодно. Он не давал им отдохнуть целый день. Он сам себе удивлялся. Но к вечеру ветер пригнал тучи, холодный воздух, девочки приняли температуру воздуха. Об этом не подумали. Можно ли их подогреть?

Малогрудая была по-прежнему в машине. Он не забывал о ней. Окна в машине закрыты, проверено. Он сварил себе суп из остатков в холодильнике. После дней всухомятку суп пошёл хорошо. Придётся заводить огород. Сколько стоит свобода? Сколько можно за неё заплатить? А что, если в лесу есть зверьё? Олени. Мясо было бы. Как я буду без мяса. Вряд ли, птиц нет. Нужно проверить. Как охотиться, если не знаешь, есть зверь вообще или нет? Так и охотиться – затаиться и ждать. Нет там ничего. Нелогично. А что логично. Это всё логично? Что со мной происходит. Что со мной происходит? Где я? Опять не спросили. Свобода – иллюзия, химера. Не спрашивали тогда, и сейчас никто не спросил. Почему вы думаете, что мне так хорошо? Или это наказание?

За что? Я ничем не хуже других. Никого больше нет, других. Может, никогда и не было. Ты это всё придумал. Было. Была жизнь. Было обещание. Была надежда.

Почему я всегда притворяюсь, что люблю водку? Какая дрянь. Горькая. Сегодня день водки. На улице дождь, дома зябко. И девочки холодные. Как там Алиса? Зачем я её там оставил? Одну. Не привыкать. Не пропадёт. Она нигде не пропадёт, тем более без меня. Выпить три бутылки? Глупость. Завязывать надо с водкой. Водка не портится. А вот с вином может быть проблема. Нужно будет искать винодельни. Найдём.

На что тебе жаловаться? Закрывать глаза, посидеть, открыть – и всё вернулось на свои места. Завтра на работу. Или какой сегодня день недели? Может, завтра выходной. Какая тебе нужна свобода? Кто-то ответил на твоё нытьё. Неужели есть там кто-то? Это ещё хуже. Распорядитель хреновый. Нельзя сделать все просто и справедливо. Нужно обязательно через жопу, с загадками. Надоели мне эти загадки. Бывают ли такие длинные сны? Сегодня день водки, вот она для чего нужна. Нет ей в этом равных. Главное – выпить правильное количество. Это искусство даётся не всем. Распорядитель чёртов.

К тому времени, когда вокруг стало совсем темно, он уже перебрал и не был в состоянии это осознать. Он стал собираться. Оделся, нашёл ключи от машины, надел кепку и вышел на улицу. Было мокро, но дождь утих. Он сел в машину,

завёл мотор и повернул голову к соседке. Она, как всегда, смотрела вперёд, освещённая слабым светом панели. Он поправил её растрёпанные волосы и выехал на дорогу. Вокруг была абсолютная темнота. Почти как тогда. И дождь был. Но тогда он сидел тихий и робкий. Он давил на газ. Две линии из отражателей на столбиках по обеим сторонам дороги всё время старались обогнать его. Им это не удавалось, но и пропустить вперед они тоже не желали. Упрямые. Вдруг обе, как по команде, стремительно ушли влево.

*

Они попали в болотистое озерко. Он не сразу разглядел это сквозь мокрое от дождя стекло. Дождь барабанил по крыше. Ещё один дождливый день. Он попытался включить дворники, машина не отзывалась. Потом он вспомнил, что произошло. Он стал осматриваться по сторонам и тогда обратил внимание на свою соседку. На наклон её головы. Чёрт! Он подвинулся поближе, осмотрел голову, взялся за неё двумя руками и попробовал выправить. Руки встретили сопротивление, он прекратил попытки.

Он приоткрыл дверь. Вода. Неглубоко. До берега метров пятьдесят. Он видел столбики дороги и колею на мокрой земле. Машина не заводилась. Болела голова. Он закатал штанины брюк и нерешительно вступил в холодную воду. Передок и крыша машины были сильно помяты. Как он не

забыл пристегнуться? Он с трудом открыл изогнутый капот. Батарея на месте, он потрогал контакты. Или села, или вода в движке. Кто знает. Он закрыл капот. Алиса не смотрела на него, она отвернула голову вправо. За дело в этот раз. Он вспомнил, куда ехал.

Забыл, что у дорог иногда бывают повороты. Идиот. Он не узнавал окрестности. В какую сторону? Вперёд. Он нащупал большую шишку на лбу. Кажется, без крови. Повезло. Как они не перевернулись? Или перевернулись, крыша помятая. Повезло. Он снял кроссовки, выжал носки, опустил штанины и встал. Вперёд.

Он посмотрел на машину. На тёмный силуэт на переднем сиденье. Оставить одну? Она кукла, ничего с ней не случится. Потом заберу. Вытащить на берег, на всякий случай? Машину может засосать. Болото какое-то. Он стал опять закатывать штанины вверх.

Добравшись до машины, он открыл пассажирскую дверь, отстегнул ремни, вытащил куклу и положил себе на плечо. Почему их делают такими тяжёлыми? Болела голова. Он выбрал относительно сухое место на обочине и поставил куклу, оперев о неразрушенную секцию дорожной загородки. Накрыть бы чем-нибудь. Испортится под дождевиком. Голая кукла выглядела совершенно нелепо на обочине просёлочной дороги в дождливый весенний день. Струи воды стекали по формам.

Он вернулся к машине, проверить, есть ли что-нибудь в

багажнике. Ничего. После некоторых колебаний он снял с себя куртку и надел на куклу. Так лучше. Тебе идёт. Он сел на дорогу и громко рассмеялся. Как хорошо. А дождик совсем не холодный. Почти летний. Не растаем.

Им повезло, хотя он был готов идти целый день. Ноша на плече не тяготила. Не такая уж тяжёлая для сильного мужчины. Ближайший посёлок обнаружился в двух километрах. Он увидел его с подъёма дороги и сообщил об этом своей попутчице.

Во дворе одного из первых домов стоял новенький джип, он направился прямо к нему. Машина была закрыта. Он посадил Алису у крыльца и вошёл в дом. Ключи быстро нашлись, бак почти полный, можно ехать. Но сначала нужно позавтракать. Он сварил кофе, нашёл коробку печенья и сел на крыльцо рядом с Алисой под широким козырьком. Тучи уходили, открывая чистое голубое небо, потеплело. Хозяева дома знают толк в печеньях. После кофе он поработал немного над головой куклы. Голова слегка поддалась. Он не решался нажать сильнее. Сойдёт. Повезло. Могли совсем потерять головы. Впрочем, я свою уже давно потерял. Он поднял Алису и осторожно усадил в машину, пристегнув ремнями. Быстро ехать не будем.

Он вспомнил, куда ехал. Это было единственное, что он помнил из вчерашнего позднего вечера. Желание ехать сохранилось. Он только не был уверен, где находится. Они проехали около десяти километров, когда он начал узнавать

места. Вот куда меня занесло. Кто же будет меня останавливать от вождения поддатым? На тебя одна надежда. Твоим подружкам, наверно, всё равно. Не подружки? Почему? Он начал чувствовать себя значительно лучше.

Он заехал во двор, остановился возле крыльца аккуратного домика и выключил машину. Зачем я сюда приехал? А вдруг дома? Открытое окно на втором этаже. Её? Он посмотрел на подружку.

Дверь открылась. Почему все двери незапертые? Она никогда не оставляет незапертую дверь. Дырка в голове от этого осталась. Кто со мной играет? Все двери не заперты. Играют. Одна была закрыта, в городе. Не хотелось разбивать стекло. Он, не останавливаясь, поднялся на второй этаж.

Её окно. Почему открыто? Он сел на убранную розовым одеялом кровать. Действительно твой любимый цвет или твоей мамы? Никогда не понять. Всё должно быть в розовом. Почти. Стоило ли из-за этого раздражаться? Ну, где они сейчас? Где она? Может, там у неё есть папа. Получше меня. Какой из меня папа. Он прилёт на кровать.

Скоро я начну сходить с ума. Можно ли сойти с ума во сне? Всё было. Фотография в зоопарке. Очень устала и не возражала против плеч. Неугомонные ножки. Был не хуже других, да? Маму только выбрал тебе неважную. Можно было бы найти получше, хотя ты со мной не согласишься. Зачем я сюда приехал? Он закрыл глаза. Полежу так, открою глаза, и всё станет на свои места.

И без этого можно прожить. Без всего. Всегда останется невысказанное, неиспользованное, невостребованное. Как ни старайся. Потом сотрётся и обветшает. Забудется. Без всего можно прожить. Без всего. Если только сумеешь разобратся, для чего жить. Свободней не бывает. Обойдутся без тебя, прекрасно обходились. А я? Неужели нужно отобрать всё? Можно ли отобрать то, чего не имел? Он закрыл окно, взял фотографию со стола и вышел из комнаты.

День выправился. Алиса держала голову почти прямо перед собой. Слегка в сторону, как обычно. Он уселся удобнее и пристегнулся.

– Могла быть нашей, не её. Тогда, может, всё было бы по-другому. Мир был бы другой. Не сидела бы вот так с силиконовыми сиськами наружу. Всё могло бы быть по-другому. Почему нужно всё усложнять? Находить то, чего нет. Всегда можно найти, если хочешь. Не замечать того, что есть. Было, не всё сразу, но было. Стало бы больше. Всё было бы по-другому, если бы ты сидела вот здесь, сейчас.

Ему захотелось плакать. Давно не плакал. С похорон матери. Несколько слезинок тогда. Очень давно по-настоящему не плакал.

– Что сидишь так? Думаешь, твоей вины нет? Есть. Больше моей. Что от меня зависит? Ничего. Ты решаешь, что найти, что не заметить. У меня выбора нет. Только перестать быть самим собой. Потерять свободу. Это мой единственный выбор. А твой – молчать, голова в сторону. На меня смотри!

Ему хотелось плакать. Получил, что хотел. Свободу. Свободней не бывает. По такому случаю не грех и поплакать. Когда такое случается с человеком. Чёрт с ними со всеми. Разве было с ними хорошо? Было бы по-другому, лучше ли? В самом деле? Устал немного, головой ушибся. Пить надо меньше и ездить осторожней. Он повернулся к Алисе.

– Хорошо, что ты такая. Такая ты мне нравишься больше. Всё, что нужно, на месте. Больше нечего взять. И спрашивать не нужно. Захотел – взял.

Он отстегнул ремни и притянул куклу к себе.

– Всё самое главное у тебя есть. Сейчас проверим.

Он стал сгибать куклу в поясе и разворачивать задом к себе. Правая нога не поддавалась. Он взялся за ногу двумя руками и попытался подправить, вытянувшись в неудобном положении. Нога вдруг выскользнула, кукла повалилась и ударилась с громким стуком головой о дверь. Чёрт!

Он аккуратно посадил её на сиденье, поправил куртку, пристегнул, пристегнулся сам и завёл машину. Живые гнутся лучше. И охотней. Иногда. С ними другие проблемы.

Он опять повернулся к кукле. Ты меня таким не знаешь. Я себя таким не знаю. Свобода. Немыслимая когда-то сцена. Сгорел бы от стыда. Распустил слюни. Не распустил. Просто поплакал. И покричал. Нелепые слова. Нелепые мысли. Что же тогда «лепое»?

– Домой? Ты всё правильно сделала. Где сейчас твой дом?

От приоткрытой двери веранды веяло жарой. Но кондиционер не работал. Он не включил ничего, кроме холодильника. Доносился мерный шум генератора. Терпимо. Ночью досаждают больше. Привычка. Днём всё равно кажется, что шумнее. Птичий гвалт по-прежнему слышался где-то, хотя никаких там птиц нет. Только генератор шумит. Хорошая вещь. Завёлся с пол-оборота и жрёт, похоже, немного. Холодильник и всё. Даже такому чайнику, как я, по силам. Разложили всё по полочкам. Соедини здесь, прикрути тут, здесь нажми. Толковые головы. Есть такие. Я один из них.

Он удивился лёгкости, с которой отыскал, привёз и установил генератор. Даже немного гордился собой. Не пропаду. Генератор зашумел, и весь дом залился светом. Неуместным в вечерних сумерках. Он прошёл через все комнаты и выключил каждый выключатель. Почему они все включённые? Загудел пустой холодильник. Он сидел и слушал шум генератора. Шум цивилизации. Блестящая отлаженная машина. Сделанная из земли, огня и воздуха. Только это и есть у человека. Голова с руками. Неглупое существо. Почему так устроили всё неважно? Перестарались. Ну их. Нужно со временем научиться обходиться без электричества.

Глаза закрывались. Он лежал на полу в гостиной. Прохладней всего. Занести Алису домой? В машине жарко. Расплавится. Может. Куда я её посажу? В кабинете, всё равно

не захожу туда. Может, машину поставить в гараж? Тогда не расплавится.

Он вошёл в гараж и открыл дверь. Нормально, не очень жарко. Он раскидал в стороны разбросанный по полу хлам, завёл машину и въехал внутрь. Алиса смотрела по-прежнему немного в сторону, в куртке на плечах. Он потрогал её руку. Нагрелась. Лучше занести домой.

Подружки лежали на своих местах. Одна на диване, другая на полу. Он вошёл в кабинет и посадил Алису на большое кресло в углу, предварительно расчистив его от книг. Он никогда не сидит в нём. Он прикрыл голые бёдра и колени пледом. Не запарится, куртку не будем снимать. Она тебе идёт. Алиса смотрела на него. Он сел рядом на полу.

Совсем не похожи. Целая вечность. Всё уже забыл. Как выглядит, забыл. Никак не вспомнить лицо. Только глаза. Теперь уже всё.

Он нашёл вчера письмо с её адресом. Пятилетней давности. Не так далеко от него. Могла переехать. Дочка, муж, кажется. Он бросил письмо на рабочий стол. Так и лежит рядом с макетом. Прочитать? Он потянулся за письмом. Сначала достал фотографию. Немного похожи. Незнакомое лицо. Дочка круглолицая. Он развернул письмо. Аккуратный, мелкий почерк. Целых две страницы. Такие длинные письма просто так не пишут. Почему не прочитал?

– Нет, она была веселее тебя. И не имела привычки смотреть так, в сторону. Только один раз. Когда ничего нельзя

было вернуть назад. Когда всё вдруг оборвалось. И в сердце. До этого она была намного веселее тебя, Алиса. И дочка у неё круглощёкая хохотунья. Он разлёгся на полу и закрыл глаза.

Бессмысленность. От неё никуда не деться. Можно только сделать выбор не верить в неё. Ничего бы не было бы по-другому. Бессмысленность никуда бы не делась. Никуда не отлучается. А вот сейчас она тоже не имеет никакого значения. Сейчас я её, наконец, достал. Нет смысла, нет бессмысленности. Есть Алиса. Нужно отнести её в спальню, трахнуть и оставить там. Там будет её место. Жаль, что из твоего живота не могут появиться беспокойные ножки и ручки. С ними не нужно никакого смысла. Они вне смысла, выше смысла. Они над ним смеются круглыми щёками. Может быть, мы с тобой что-нибудь сумеем придумать? А? Что молчишь? Глупости? Только беспокойных ножек нам не хватает. Ты права. Глупости. Я не буду тебя больше обижать. Ты моя красивая кукла, я буду тебя беречь. Ну их всех к чёрту. Хочешь, съездим к тебе домой? Недалеко.

*

От окна доносились голоса. Шум. Сосед стучит? Открыть глаза? Всё вернулось? Приснилось? Мир шумит. Куда он денется. Если хорошо открыть глаза. Всё на своих местах. Молоток стучит. Хорошо, что не молот. Было и молотом. Сваи

у ручья. Помню, помогал. Для этого и молот. Теперь хорошая беседка. Крышу поставил. Счастливый человек. Ни минуты без дела. Денег куча. В этом, наверно, рецепт счастья. Не давать себе времени думать. Не похож он на счастливого человека, как ни старается. Все они там стараются. Открыть глаза? Шумят. Полный мир людей, и все как один стараются изо всех сил.

Птицы галдят. Почему птицы тоже исчезли? Что я имею против птиц? Галдели бы себе. Мясо. И зверьё. Почему все исчезли? Какая связь? Всё живое? Люди и звери. Одна банда. Открыть глаза? Примут с охотой. Что, нам самим только мучиться? Давай сюда. Вместе веселее. Не очень весело, ребята. Неважно вы всё устроили. Где радость? Да разве мы устроили? Мы только здесь живём. Если бы нас кто-нибудь спросил. Мы бы всё по-другому. Как по-другому? Что бы сделали по-другому? По-другому? Для начала послали бы их всех подальше. Вот и я о том же. Свобода нужна человеку. Про счастье он сам выдумал. Нет такой вещи. Есть только одна вещь – свобода. Вот её-то и нет. Давно её нет на земле. Если была когда-то.

Зачем открывать глаза? Социальное животное? Нужны другие животные. Инстинкты. Врут они всё, ни хрена не знают и выдумывают. Никто никому не нужен. Как так получается, что вместе живём, никто не может объяснить. Да разве это называется вместе живём? Переносим с трудом. Забыли зачем. Плодитесь и размножайтесь. Немедленно лишают

свободы. Плодись и размножайся. Так просто. Непосильная задача. Найди женщину, которая согласится на это. Удержи её. Социальные животные. Каждый тянет в свою сторону. Непосильная задача. Здоровому, крепкому мужчине. Что делать со своей силой?

Расшумелись. С утра. Который час? Что там он делает, в голове звенит? Охренел. Беспокройные ножки. Их уже нет ни в каком мире. Произвести другие? Попробуй найти женщину. Свобода нужна человеку. Про радость сами придумали. Легче найти, чем свободу. Где же мои беспокройные ножки? Что они сейчас делают? Открыть глаза. Примут, не моргнут глазом. Добро пожаловать. Вот уж спасибо.

Да что они там, с ума посходили? Что там творится, почему такой гвалт. Открыть глаза, встать и посмотреть. Меня ещё нет там. Не имею права возмущаться. Хотят – галдят. Присоединяйся, тогда и жалуйся. Не знаю, ребята. Уж больно вы шумные, трудно с вами. И с женщинами вашими трудно. С моими легко. Беспокройных ножек от них не бывает. Может, это и к лучшему. Не знаю, стоит ли открывать. Открывай. Никуда ты от нас не денешься. Каждому охота послать всех подальше. Что же тогда случится? Мир рухнет. Нельзя так. Да, ваш мир рухнет, а мой нет. Мой не может рухнуть. В нём вас нет. Всё остальное неразрушимое. Всё остальное вечное.

Он открыл глаза. Шум прекратился. Тикали настенные часы, разряжая батарейки. В унисон с другими часами. Ути-

хающие звуки мира. Приснилось.

Сколько стоит свобода? Он чувствовал голод. Всухомятку долго не протяну. Нужно налаживать быт. А что есть? Свежего мяса нет. Скоро ничего свежего не будет. Огород придётся заводить. Свобода. Женщину придумали, а про мясо забыли. Нельзя было сделать силиконовую корову? Когда-нибудь в том мире они всё придумают. Получат свободу. Еда и женщины. Каждый сам по себе, вселенная обо всех позаботится. Когда-нибудь они там всё придумают. Ждать только нет времени.

Нужно отправляться на юг. Там всё само растёт. Тропики. Там свежие плоды. Может, живность какая-то водится. Как в тропиках может не быть живности? Сама должна появиться. Эволюция.

Совсем одурел от свободы. Голова болит, в голове туман. Завтра нужно начинать новую жизнь. Ты ещё не начал жить по-новому. Новая жизнь началась, а ты живёшь по-старому. Жратва, вино, женщины. А как по-другому? Куда? Может, там и правда было всё проще, только несчастливо? Это они сами придумали. Дурацкое слово. Несвободно. Я свободный человек. И планета вся моя. Ещё и богатый. Целая планета. И ведь какая. Замечательная планета. Что-что, а планета у нас замечательная. Лучше не придумать. Где-то есть на ней чистейшая вода и песчаное дно. Тысячелетний лес. Высокая гора. Зелёная поляна. Где-то сыплется тончайший песок. И солнце, несравненное солнце. Чудо из чудес. Горячий диск в

небосводе. Встречай утром и провожай вечером. Безрассудно пропускать.

Сию тут совершенно бестолково. Пора в мир. Завтра новая жизнь.

*

Всё готово. Блестящий автодом нагревается каждый день под настоящим летним солнцем так, что нельзя дотронуться. Хотя трогать его незачем. Стоит на дороге напротив дома с полной заправкой, с запасом бензина. Окна немного приоткрыты для вентиляции. Так, чтобы дождь не замочил. Дождя давно не было, значит, случится скоро. Не бывает у нас долго без дождя. Зальёт внутри, придётся ехать за другом.

Выбор автодома занял много времени. Сначала он выбрал самый большой, но раздумал после того, как поездил немного. Несподручно вести. Хотя привык бы, наверно, быстро. Неизвестно, в каком состоянии там дороги без присмотра. Манёвренность может пригодиться. По той же причине он решил прицепить сзади легковую машину. После самого большого он выбрал самый маленький, но тоже передумал. Никаких удобств. Приглянулся один очень симпатичный, но расконсервировать его не удалось. Не хотелось тратить на это время. Чтобы потом обнаружить, что что-то забыто или сделано не так. Он остановил выбор на одном из уже подготовленных, чистеньких, блестящих. Кто-то только купил.

Просторный и управляется легко. С отдельным движком для света, холодильника и горячей воды. Всё готово. Теперь раскаляется днём и охлаждается ночью. Такая у него судьба. Какая ему разница, где стоять? Может, он тоже хочет в дорогу?

Смотря куда я его поведу. Если на север, то станет прохладнее. Но если на юг? Прежде всего, нужно определить, куда ехать, а потом зачем.

С зачем всё ясно. Никогда не решить, сколько ни думай. Незачем. Совершенно незачем. Мир и его чудеса. И загадки. За ними никуда не надо ехать. Вот они, вокруг. Не знаешь, куда от них деться.

Легче решить куда. Должно быть легче. Если на север, то автодому понравится. Но девочки по утрам будут холодные. Сейчас они в самый раз, если не включать кондиционер. А зачем его включать, если можно целый день валяться на полу в подвале. А девочки наверху тёпленькие.

На севере не очень, наверно, поживишься. Только ягоды. Плоды какие-то. Хочется свежего сочного фрукта. За этим нужно на юг. Если не сгорело всё под солнцем. Какая там погода? Приеду – узнаю. В тропиках погода не меняется. Там много всего. Может, живность есть. Как может быть в тропиках без живности? Как на земле без людей. Одинокий зверь, как я, на весь огромный лес? Поймаю и зажарю. Или он меня. Тоже, наверно, мечтает о мясе.

До тропиков далеко. Что там может встретиться? Чего бояться? Малярии? Бананы, ананасы и много всего. Где-нибудь

у моря. На пляже. Восходы и закаты. Тропики всегда неплохая идея. Жарко будет. У моря можно жить.

А если на запад? Там всё так же, как здесь. Прямые дороги и полные магазины. Лето. Яблоки должны быть где-то, груши, персики. Где-то же растут персики. Этого и в округе должно быть полно. Яблок. Который день собираюсь. Жарко. Яблочек было бы неплохо. Сегодня съездить? Куда только, в какую сторону? На юг, на север, на запад? Сначала в библиотеку, там что-нибудь разузнаю. Давай поднимай свой зад.

Он встал. Тело приветствовало движение. Совсем развалился. Нужно прекращать это безделье. Скоро встать не смогу. В подвале полутемно и прохладно. Наверху хозяйничает жара. Он открыл холодильник и взял бутылку воды. Холодная жидкость опускалась на самое дно давно мечтающего о ней желудка. Хорошо. Нет напитка на свете лучше воды. Он почувствовал капли пота на теле. Нет, не сейчас. Пускай жара немного спадёт. Попозже. Сначала в библиотеку, потом за яблоками, если будет время. Или за яблоками завтра. Он спустился опять в подвал.

Нужно решаться. Куда ехать. Бросить монету. Три стороны нужно. Если на ребро, то на запад. Зачем? Решено. Еду. Всё уже готово. Что готово? Пригнал автодом, да и только. Пописал в нём, проверил. Ничего не готово. Себя ещё не подготовил. Проваляешься здесь, пока не одуреешь от безделья. Уже почти. Вот зачем нужно ехать. От безделья. Ну, теперь самое простое – куда. На север, наверно, к прохладе.

Там найдётся чем поживиться. Не очень далеко, туда, где хорошее тёплое лето сейчас. Или к морю.

Он чувствовал, что энергия покидает его. И не только жаркое раннее лето тому виной. Остановился на полном ходу. Нёсся быстро, никогда не знал куда и зачем, но быстро. Очень быстро. И всё в одном направлении, в одной струе, из которой никак не выбраться. Все вместе. Все разобьём головы об эту цель. Кто-нибудь знает, что там впереди, ребята? Нет? Всё равно слишком быстро. Разве что если они её там толстым поролоном обложили. Ведь затормозить не успеем. Можно на них надеяться? Или лучше притормозим? При- тормозишь. Весь мир дышит сзади. Перестал.

Незачем теперь мясо есть. Есть почти не надо. Лежи себе на полу и думай. И думать не получается. Остановился на полном ходу. Или вывалился из потока. Скатился в обочину.

Что теперь делать? Куда? Куда идти? На север, на юг, на запад? На север. Там сейчас прохладней. Тихо, не спеша, оглядываясь по сторонам. На север. Завтра в библиотеку. Нужны карты. Сегодня в библиотеку. Вот спадёт немного жарра. Лучше, когда солнце сядет, взять фонарь, свечей. Есть ли там что-нибудь? А вдруг пусто? А куда они денутся?

В библиотеке было очень душно. Он открыл все двери и маленькие форточки. Кто придумал неоткрывающиеся окна? Кому могла прийти такая идея в голову? Забыл, как быть человеком. Не знал? Как можно придумать окно, которое нельзя открыть? Впустить воздух в жилище. Воздух, свежий

воздух. Не ядовитый газ, а обыкновенный земной воздух, без которого человеку нельзя. Много таких там. С ущербной памятью. Бог с ними.

Разбивать окна очень не хотелось. Никуда не денешься. О... хорошо. От главной двери пришли слабые струи. Он включил фонарь и стал искать, где лежат карты. Что мне ещё нужно?

*

Он проснулся и вспомнил о коробках, оставленных в машине. На улице свежо. Свежее летнее утро. Хороший день для того, чтобы начать новую жизнь. Лучшего дня не найти. На небе ни облачка. Откуда-то пришёл прохладный освежающий воздух. С севера, откуда ещё. Он принёс коробки в гостиную. Ого, сколько набрал. Он продержался в библиотеке очень недолго, нашёл три коробки, в спешке набил их и вышел с облегчением на свежий воздух. Нелюди.

В коробках нашлось всё, что нужно. В библиотеках я всегда ориентируюсь хорошо. В них нет никакой спешки. Много знаний. Спешка от большого незнания. Не в библиотеках.

Атласы дорог, справочники по паркам – пойдёт. А вот и о яблоках. Он открыл книгу. Развернул вкладыш с большой картой и положил его на большую грудь лежавшей рядом на полу подружки. Вот ты ещё на что годишься. Он не прикасался к ним уже несколько дней. Жарко. Подружки покры-

вались пылью. Он никак не мог собраться прикрыть их чем-нибудь. Так веселее.

Всевозможных садов в округе целое множество. Он поместил на карте десяток и стал готовить завтрак. Кофе пил на веранде. Здорово. Это с севера такой воздух. Свежий, прохладный.

Алиса сидела в коротких шортах или трусиках (не разберёшь) и в тонкой короткой майке. Он подобрал ей одежду в магазине. Сидела аккуратно пристёгнутая и смотрела прямо перед собой. Как хорошая девочка. Он не открывал окна с её стороны. Ехали быстро. Неожиданно появились небольшие холмы, потом высокие, они проехали по узкому ущелью и выехали в долину. Он не подозревал о существовании таких мест в округе. Показались сады.

Яблоки ещё не совсем спели, но это его не огорчило. Он радовался обилию зелёных плодов. Придёт их время. Он сорвал яблоко, надкусил и скривился от его кислоты. Затем вернулся к машине, полистал справочник и отправился за черешней.

Долина оказалась очень плодородной. Они нашли черешню, а потом абрикосы. Солнце перевалило на другую сторону, когда он сел в машину с перепачканными и липкими руками. В багажнике несколько коробок с урожаем. Алиса смотрела вперёд. Он поехал осторожно. Когда они вырулили на асфальтированную дорогу, он прибавил немного газа. Воздух прогрелся, но в нём не было утомляющего жара и ду-

хоты. В ущелье он остановил машину и спустился к реке.

В этом месте река ещё набирает силу, воображает себя могучей горной рекой. Там, внизу, меня ждут мои притоки. Посмотрите, какая я.

Он мыл руки, тёр песком со дна. Пятна от черешни не исчезали. Вода быстро обтекала холодные камни и освобождала место для других струй. Ты умеешь спешить. Твоя спешка не кажется бессмысленной. У тебя есть цель, предназначение. Какое? Не знаешь. И ты в бесконечном круговороте. Какая у него цель? Мы с тобой в одном круговороте, у нас одна цель. Ты просто не можешь остановиться и задуматься, как я. Я могу, ты нет. Остановиться и задуматься. Страшно. Но иногда хочется. Наверно, мы с тобой не в одном круговороте. Наверно, у меня свой. Я только не знаю какой, в каком я круговороте. Куда мне втекать, откуда вытекать. Он обтёр руки о шорты.

Подружка не произнесла ни одного слова за целый день. Он поднялся к дороге и сел в машину, усталый и голодный. Нужно было что-нибудь захватить поесть. Он вспомнил о небольшом магазинчике внизу у развилки.

– Ну что, домой? Тут неподалеку твой дом. Заедем? Хорошие места ты выбрала для себя. Или твой муж? Нет, ты. Это похоже на твои места. Троп, наверно, много. Хочешь заехать? Давай, мне интересно, как ты живёшь. Только найдём что-нибудь внизу перекусить. У тебя есть что-нибудь в холодильнике? Не знаешь? Хорошо.

Он нашёл в магазинчике несколько пакетов с орехами, шоколад и воду. Голод отступил, он посмотрел ещё раз на карту и завёл машину.

Солнце почти скрылось за высоким холмом позади тихого дома. В ущелье быстро темнело. Он остановился прямо перед крыльцом. Бесцеремонно. Может, она там больше не живёт. Пять лет прошло. Он повернулся к Алисе.

– Пойдёшь со мной?

Дверь открылась без возражения. Не помню, как у неё было с дверями. Он вошёл в гостиную. На стенах и полках можно было различить фотографии. Он нашёл фонарь.

Мало изменилась. Фотография свежая, дочка подросла. Куда задевались круглые щёки. Муж. Улыбаются. Никогда ничего не понять по фотографиям. Одно мгновение жизни. Что было до него, что стало после него? Он осмотрелся. Уютно. Мне бы понравилось.

Он поднялся наверх и вошёл в большую спальню. Одна. Ничто людей не может удержать вместе. Такая дочка, такой дом. Такая женщина. Попробуй, объясни себе. Защёлкнулась, и всё. Не добратся. Глупо. Как будто ничего не было. Как будто для тебя действительно ничего не было. Что же тогда было? Забыть, выбросить из головы. Навсегда. Могло бы быть всё по-другому.

Всё правильно. Ничего не было. Смешная грудь, глаза и загадка. Неразгаданная. Нельзя с загадками. Их нужно разгадывать как можно скорее. Ты умница. Какие у меня за-

гадки? Я вроде весь на виду. Просветила. В машине у меня всё, что мне нужно. Загадки. Нужно и свои раскрывать. Быть смелым. Или очень глупым. Раскрывать свои загадки.

Он зашёл в маленькую спальню. Ещё одна. Может, только нужно было бы поменяться папами? И было бы всё в порядке. А у нас на стенках рисунки. Ты не рисуешь? А что тебе нравится делать? Постель аккуратно заправлена. Он спустился вниз и вышел из дома.

На улице стало совсем темно. Из укромных тенистых мест пришёл холодный воздух. Он ступил на дорожку, освещая себе путь фонарём. Алиса сидела лицом к своему скрытому в темноте дому.

– Хороший дом. Хорошая дочка. Что же не получилось?

Домой ехали молча, пробивая путь в темноте светом двух фар. Что вокруг? Холмы или равнина? Ничего, кроме внезапно появляющихся и быстро исчезающих знаков и столбиков на выхваченном светом участке дороги. Есть ли там ещё что-нибудь? Кто знает. Есть нескончаемая дорога. Она должна привести нас домой. Там где-то наш дом. Может, его нет в этот момент, но он будет, когда мы доберёмся до места. Образуется из темноты со стенами и крышей. Со всем, что должно быть в нашем доме. А вдруг его уже там нет? Что тогда?

Усталые, голодные мысли. Он снизил скорость. Нужно привыкать не спешить. Никогда не любил ездить быстро, только научился спешить. Научили. Так приятней. Можно

расслабиться и держать руль одной рукой. Можно иногда посмотреть по сторонам. Не сейчас. При свете. Никто больше не смотрит по сторонам. Быстро перемещает себя из одной точки пространства в другую. Глаза только вперёд.

Из дома одинокой женщины в дом одинокого мужчины. Кто бы стал утруждать себя, чтобы придумать такое? Шутник. У меня есть всё, что полагается мужчине, у неё есть всё, что полагается женщине. Настоящей женщине. От нас пошло бы хорошее потомство с пухлыми щеками в веснушках. Кажется совершенно невозможным, недостижимым. Кто мог такое придумать?

Никогда не чувствовал себя настоящим мужчиной. Не знаю, что это такое. Разглядела. Обидней всего. А сама? Как ты внутри себя? Может, настоящая женщина помогла бы мне стать настоящим мужчиной. Они, настоящие, не должны понимать друг друга. Это им вредно. Это им мешает быть настоящими. Они только нуждаются друг в друге, поодиночке им не стать настоящими, не выжить. А мы выживаем. Ненастоящие. Понимать вредно. Понимать невозможно.

Настоящий мужчина. Насмешка. Ты настоящий мужчина? Докажи. Откуда ты знаешь, что это такое? У меня есть руки, ноги, голова. Мышцы. Есть пенис. Пойдёт? Этого хватит? Должно хватать. Больше ничего нет в настоящем мужчине, не должно быть. Никаких других частей. Кто мог всё это придумать? Зачем? Зачем так сложно?

Наконец дома. Нужно оставлять маленькую лампочку у

двери. В доме должен гореть огонёк. Маленький. Жизни. Он отнёс Алису на своё место, вернулся и открыл багажник. Красота. Он запихал коробки в холодильник и пошёл в ванную отмываться. День прошёл хорошо.

После душа он приготовил быстрый ужин и съел его на тёмной веранде под звёздным небом. На кухне горела одна свечка. Он открыл холодильник, набрал плодов, помыл и выложил в чашку. Теперь вино.

Он сидел на веранде. Замечательно. Нужно следовать за летом. Многие вещи придуманы совсем неплохо. Мякоть сладкой черешни растворялась в терпком вине. Вот это неоспоримо. Не подвергается сомнению. Зачем и для чего неуместны. Бессмысленны. Если непонятно зачем и для чего – не трогай, оставь другим. Это всем понятно. Он лёг на спину. От одного бокала вина. Почему оно так на меня действует? Приходится водку пить. Терпеть не могу водку. Но разве мужчина может опьянеть от одного бокала вина? Может. Тогда он не настоящий мужчина. Хотя бы выпил всю бутылку.

*

Девочки лежали рядом плечом к плечу, слегка приподняв свои силиконовые зады. Ненахально, но не без задумки. Тихо, не поворачивая голов. Он смотрел не отрываясь на зады и не понимал, что происходит. Стоя в дверях спальни, в ко-

тору ю перебрался поздно ночью, после того как очнулся, замёрзший, на веранде. Он хорошо выспался и встал, чтобы встретить день как полагается. Его появления ожидали.

В гостиной его ожидали два солидных зада, один к одному, приподнятые не без намерения. Они пользовались минутой для отдыха, было похоже, что им нужен отдых, но они готовы ко всему. На той, что обитает на диване, не было прозрачной майки. Давно потемневшей от пыли и грязи. Майка лежала, небрежно брошенная, на диване. Она нуждалась в срочной стирке.

Он присел, не понимая поднимающихся в нём чувств. Он осмотрел комнату. Затем прошёл в прихожую и осмотрел входную дверь. Закрыта, но не заперта. Ничего не заперто. Все окна открыты. На улице отличная погода. Он зашёл с опаской в кабинет. Алиса сидела на диване без одежды, раздвинув свои согнутые ноги. Майка и шорты валялись на полу. Он невольно наморщился.

Он присел рядом с Алисой. Фонарик? Что это за шутки? Со мной играют. Он не решался говорить вслух. Обнаружить свои мысли. Всё равно как на ладони. Открыты. Входи, смотри, подслушивай. Как на ладони. Для того, кто знает. Никакого труда для того, кто знает.

Он чувствовал огромную усталость. Ничего не изменилось. Не могут оставить в покое. Не может быть никакой свободы. Никогда, нигде. Он обратил внимание на поле боя. Генерал снова без головы. Его голова на поднятой сабле солда-

та. Нет, офицера. Давно так с ней не обращались. Лет двадцать пять. Война давно закончилась, они уже давно все ветераны, и война им только снится по ночам. На сабле своего офицера. Вражеской нет под рукой. Врага не видно, он давно затаился. Не было под рукой сабли врага, когда генералу оторвали голову. Ему не впервой, с ним это случалось. Много раз. Давным-давно. Голову легко насадить обратно. Это было в привычках древнего врага – непременно оторвать генералу голову. Коварный, безжалостный враг. Но война кончилась давным-давно. Война никогда не кончается. Поэтому у генерала приставная голова, для удобства. Но с ним этого уже давно не случалось. Он много лет не видел врага, позабыл его лицо. Враг здесь. Не отрывают генералам головы просто так. На сабле своего офицера.

Он прикрепил голову на место, на шею. Ничего не изменилось в осанке генерала. Сучьи дети! Он вскочил и принялся осматривать двери и окна. Не ожидая ничего обнаружить. Всё открыто. Спал не просыпаясь. Могли подмешать что-нибудь в вино. Никогда не оставляют следы.

Он вернулся в гостиную и осмотрел девочек. Не побрезговали. Ничем не брезгают. Никогда. Всех до единой. Ни одной не пропустили. Сучьи дети! И до неё тоже добрались. Прости, Алиса. Я не знал. Должен был. Не знаю, как получилось. Прости. Забыл, с чем имею дело.

Или ты не возражала? Напрасно я так переживаю?

– Кто здесь! Выходи! Оторву подлую голову. Посажу на

кол. На толстый кол, чтобы всем было видно. Выходи! – последнее слово угасло во рту. Не выйдут. Никогда не выйдут. Никого там нет.

Он обратил внимание на винтовку. Не тронули. Не боятся. Могут прийти и уйти когда захочется. Безнаказанно. Кто остановит? Кто накажет? Теперь никто, кроме меня. Всегда так было. Никто, кроме меня. Подонки. Не побрезговали. Никогда не брезгают.

*

Он нервно вёл машину. То ускоряясь, то замедляясь. Винтовка лежала неуклюже между передними сиденьями. Он не обращал внимания ни на что – ни на дорогу, ни на окрестности.

Они провели целый день в душных магазинах. Он не обращал внимания на духоту. Девочки молчали. К концу дня машина была забита до отказа, девочки сзади притихли, закрытые товаром, Алиса не видела перед собой ничего, кроме коробок. Не всё поместилось. Придётся вернуться ещё раз. Магазины были довольно далеко. Зато есть всё, что хочешь. Он чувствовал небольшое удовлетворение.

Приехав домой, он перенёс девочек в спальню, усадил вдоль стенки, наскоро перекусил и принялся за дело. Руки чесались по капкану. Он вынул из машины самую большую и тяжёлую коробку, поставил на землю и открыл. Медве-

жий. Неуклюжее приспособление переместилось из коробки на землю. Он присел на корточки. Красные наклейки. Опасность. Может нанести серьёзные увечья. Руки переломать. Это нам и нужно. Обломать руки. Раз и навсегда. Чтобы никуда больше не совались. Залезть внутрь. Бесцеремонно, как к себе домой.

Он сел на землю. Капкан лежал перед ним, угрожающий и беспомощный. Себя покалечишь. Идиот. Кого захотел поймать в такой капкан. Сам попаду. Какая глупость. Ловушка. Кто попадётся в такую ловушку? Хитрый, как самый хитрый зверь, коварный, как самый коварный. В такой капкан его. Себя поймаю. Отвезти в магазин или выбросить подальше? Он положил капкан в коробку и, обессиленный, лёг на траву.

Бесполезно. Никогда не избавиться. Не убежать. Подкараулить с ружьём. Застрелить? Расхрабрился. Хорошо бы. Кто там был с фонарём? Знал, что я наверху? Нужно открыть глаза и проснуться. Это не свобода. Не та свобода. Зачем они здесь? Что будем делать? Устанавливать датчики? Зазвонит. И что? Придут, когда меня нет. Отключат. Зайди за дом и выключи генератор. Вот тебе и вся сигнализация. Целый день выбирал. Медвежий капкан.

Они куклы. Да. Только они мои куклы. Не мои. Ничьи. Всё ничьё. Нет хозяина. Какой из меня хозяин? Себе не хозяин. Этим куклам нужен настоящий хозяин. Они с радостью уйдут к нему. Все. Алиса только. Алиса им не по зубам. Алиса никому не по зубам.

Когда я, наконец, проснусь? Разве это свобода? Нет свободы на свете, нет счастья. Что же тогда есть? Всё остальное. Неважно всё придумано. Вернуться к Большому взрыву.

Поставлю датчики. Чтобы знали, что они мне здесь не нужны. И мир их не нужен. Вы там хозяева. А здесь я хозяин.

В дорогу нужно. Имитация свободы. Её можно имитировать. Очень близко. Еду куда хочу. Да ты же всё время на одном и том же месте. Нет, я еду куда хочу. Мир и его чудеса. Куда от них деться.

Поеду. Если здесь нет ничего для меня, то нигде нет. Мир и его чудеса. Куда? На север, на юг, на запад? Завтра решу. Ставить датчики? Хорошие игрушки.

*

Они ехали на запад. На запад ехать дальше всего. Нет, на юг, наверно, дальше. Но какие там дороги? На юг ещё успеем. И зачем ехать на север, если лето здесь? На север едут за холодом. Пускай едут. Он ехал на запад. По привычке. В самом безопасном и проверенном направлении. Меньше неожиданностей и неизвестного. Впереди ожидаются прямые широкие дороги, полные всякой всячины магазины. Бензин на каждом углу. Так будет до самой большой воды. Можно ожидать, что именно так и будет. Этого нельзя ожидать от севера и юга. Там приближаешься к холоду или к жаре. К экстремальности. Непонятно, что там. Какие там

дороги, есть ли бензин? Что в магазинах?

Зачем мы едем на запад? Некого спросить. Алиса не скажет, а кому интересно, что скажут девочки? До них далеко. Нужно остановиться и пройти внутрь. Не стоит из-за этого останавливаться. Пускай сидят себе. Тихие.

Не за неожиданным и не за неизвестным. Не за чудесами мира. Зачем за ними куда-то ехать? Не знаешь, куда от них деться.

За свободой. За ощущением свободы. За имитацией. Когда быстро меняются картинки перед глазами, когда мозгу некогда замедлиться и задуматься. Ни в коем случае не замедляться и не задумываться. Тогда кончается свобода. Ощущение свободы. Имитация. От одной картинке к другой. Не зная, что тебя ждёт впереди. Какая именно картинка.

Но для картинок нужно ехать на юг или на север. Дороги на запад очень скучные. Ничего на них не меняется, только столбики и знаки. Чтобы что-то менялось, нужно съехать с магистрали, на дороги поменьше. Но там больше неизвестного. А мы едем на запад. За свободой, за имитацией свободы. За ощущением. Чудеса мира. Не знаешь, куда от них деться.

Он уже съезжал с магистрали несколько раз и останавливался. Первый раз возле речки с прозрачной водой, недалеко от роскошных садов. На походном столике под большим деревом выросли груды ранних яблок, переспелой черешни и жёстких персиков. Мыл их в быстрой воде и ел с аппети-

том. Ночью шум реки приносил успокаивающее ощущение полноты и отдалённости мира. Днём он купался в освежающей воде. Лето. Лето приносит ощущение свободы. Зачем далеко ехать?

В другой раз они заночевали на смотровой площадке вблизи длинного перевала. Проводили и встретили солнце. Солнце у нас на всех одно. Не нужно двух. Одного хватит на всех. Чудо из чудес. Чужеродное и совершенно родное. Круглое, нестерпимое солнце. Он смотрел на него сквозь свои самые тёмные очки. Оно задержалось в его голове маленьким пятном на всю ночь.

Первые несколько дней дороги он регулярно смотрел в боковое зеркало. Никто за ними не ехал. Не будут гоняться. Не их стиль. Дождутся, когда сам вернусь. Знают, что вернусь. Никуда не денусь. От них.

Нечего мне там больше делать. Закрытая страница. Самая длинная, единственная страница моей жизни. Длиннушая. Давно нужно было закрыть. Начать новую. Давно нужно было сделать. Знать бы только как. Вот так. Сесть в машину и поехать на запад. А что там? Там запад. Ты там уже был, уже видел. Не как хозяин. Чудеса мира. Куда от них деться? Их нужно хотеть, если мечтаешь быть хозяином. Для того они и есть, чтобы их хотели. Сильно хотели. Больше всего на свете. Они не оставят в покое, если их не хотят. Они таких не любят. Никогда не оставят в покое. Если не хочешь быть нашим хозяином, уступи место другому. Не занимай пространство,

не дыши нашим воздухом, не пей нашу воду. Нам не нужны попутчики, товарищи по несчастью. Так мы сами можем.

Не могу. Не хочу. Только глупцы живут желаниями. Только они ничего не видят вокруг себя. Что позади вас, что за туманом, что в истоке? Ничего. Только глупцы гоняются за миражами. Вы сами ничто больше. Просто миражи.

Я желаю быть оставленным в покое. Это моя новая страница. В ней вас нет. Никого нет. В ней есть кусок мяса. В ней будет не хватать куска мяса. Есть силиконовые сиськи, силиконовые зады и губы. Есть солнце, свежий воздух и прозрачная вода. И свобода. В ней должна быть непременно свобода. Самая большая редкость в мире. Если её нет, то я лучше стану большим одиноким камнем. Как этот вот. Скоро должны показаться большие горы. Это всегда хорошо.

*

Он не подумал о ботинках. Для троп. Каменистых горных троп. Тропа, широкая и вытоптанная, вызывала мысли о подходящей обуви. Хотя и началась совершенно безобидно – утоптанная, благоустроенная дорожка сразу после мостика через горную реку, местами даже с вырубленными и укрепленными ступеньками. Однако было в ней что-то уже безошибочно горное. Даже для неопытных глаз. Возможно, что оглушающий шум и свирепость реки наводили на такие мысли. Он отметил её силу, когда переходил через шаткий

мостик. Его внимание было обращено вперёд. С первых минут пробуждения.

Он добрался до лагеря в полной темноте после долгих блужданий. Блуждания начались с того, что он повернул не в то ущелье и понял это, только когда кончилась дорога. Пришлось возвращаться. Выезжая из ущелья, он почему-то опять повернул не в ту сторону и тоже не сразу сообразил. Его мысли были где-то в других местах вчера вечером. Развернувшись, он ещё раз чуть-чуть не промахнулся с ущельем, в этот раз по причине темноты. Луна почему-то отсутствовала. Во время долгого подъёма он не был уверен, что едет правильно, и обрадовался, когда увидел ворота с вывеской.

Он запарковался прямо на дороге, поужинал, налил себе рюмку коньяка по причине холодного воздуха и вышел на улицу. Появились звёзды. Множество звёзд. Он вглядывался в тёмные очертания вокруг. Путеводитель обещал незабываемые виды. Он долго смаковал свою рюмку, сидя на раскладном стуле, пока не почувствовал сильную усталость. Захотелось ещё одной рюмки, он ругал себя за то, что не захватил сразу бутылку. Вставать со стула не было сил. Он смотрел на звёздное небо.

Есть что-то в сильной усталости. После длинного тяжёлого дня. Это у мира хорошо получается. Это он иногда умеет. Утомить тело, расслабить, замедлить мозг. Не чрезмерно, но сильно. Без такой усталости не задуматься никогда человеку

о счастье. С чего бы? Больше такой мысли неоткуда появиться. О счастье. Но устань сильно, чтобы замедлились мысли, и одна из них вдруг потеряет свою силу. Они всегда быстрые и неудержимые, тревожные. Как мир. Замедли одну из них, и она вдруг совсем перестанет быть тревожной. Обычная мысль, только замедленная.

Приятная усталость длинного, тяжёлого дня. Перед погружением в сон, после сытного ужина и рюмки коньяка. Когда легче верится в чудеса мира. Когда появляются мысли о счастье. Древние мысли о счастье, образовавшиеся в первый раз в уставшей после тяжелого дня голове. Из замедленной, потерявшей форму обычной тревожной мысли. Тогда-то она и появилась – мысль о счастье. Откуда ещё? С тех пор обитает в головах. Из поколения в поколение. Беспомощная мысль о счастье. Бывшая тревожная мысль. В сильно уставших после долгого дня головах. Когда легче верится в чудеса мира. Он пошёл спать.

Утром его ожидало настоящее чудо. Он не отрывал от него глаз. Макушка высокого белого пика в глубине ущелья. Куда ведёт его тропа. Он отправился в дорогу сразу после спешного завтрака. Он старался смотреть под ноги, но широкая тропа не требовала пока много внимания.

Он никогда ещё не был в горах. В настоящих горах. Хотя знал, что такое скалы. Они облазили все скальные выходы возле их дома. Их первого дома. Множество выходов, коротких и длинных. Им не разрешалось к ним подходить. В

этом приключении они были на равных. Почти на равных. Он лазил лучше брата. Он знал, что лазил лучше. Но никогда не услышал признания. Наоборот. Но в признании почти нет необходимости, когда соперник всегда позади. Это было непросто, но он лазил лучше. И радовался, что ещё столько скал, которые нужно покорить. Когда они были на равных.

После развилки тропа сузилась, стала круче и более каменистой. Он тяжело дышал и потел. Вершина временно скрылась за гребнями, утихла внизу удалившаяся речка. Он слышал своё дыхание, проскальзывающие кроссовки. И мысли. Приглушённые шумом дыхания и проскальзывающих кроссовок. Мысли возвращались к вершине, одинокому белому пику, закрытому крутым склоном впереди. Он не знал, зачем идёт туда.

Окружение становилось всё менее привычным. Он касался руками острых углов скал незнакомых ему пород и форм. Чувствовал усиливающийся холод спускающегося сверху ветра, нарастающую силу солнца. Признаки приближения вершины, к которой он шёл не останавливаясь уже много часов.

Крутая тропа вывела в небольшую долинку с молчаливым ручьём и зелёной травой. Он остановился отдохнуть на больших тёплых камнях, обтекаемых прозрачной тихой водой. В карманах куртки нашлось два пакета с орехами и две шоколадки. Он съел одну шоколадку. После этого снял кроссовки и носки и помыл в холодной воде ноги.

Только острая верхняя часть вершины была белая. Широкая нижняя часть, открывшаяся из долинки, загораживала всё ущелье. Гора потеряла изящную остроконечность. Огромная тёмная масса скал с высокой белой шапкой. Он не знал, почему он хочет туда. Он надел носки и кроссовки.

Долинка упёрлась в ещё один крутой каменистый склон, по которому стекал быстрый ручей. Он стал подниматься по узкой, но хорошо различимой тропе. После этого крутые склоны чередовались с тихими долинками, гора то приближалась, то удалялась. Он уже основательно устал, но не думал о том, чтобы повернуть назад.

Солнце перевалило зенит, когда за поворотом ущелья он увидел вдали очертания цирка горы. Оттуда приходил лёгкий холодный ветерок. В воздухе стояли незнакомые запахи.

Ещё через два часа, совершенно усталый, он неожиданно увидел хижину среди камней. В стороне от тропы. Он вполне мог бы пройти мимо, не заметив её, если бы не оказался у развилки. Нижняя тропа указывала в сторону хижины. После некоторого раздумья он пошёл по ней.

Войдя в хижину, он осмотрелся и развалился на одном из лежаков, продолжая разглядывать вершину через мутноватое стекло одного из трёх маленьких окон. Он вспомнил, что хижина упоминается в путеводителе как базовая ночёвка перед восхождением на вершину. По-прежнему яркое солнце уже меняло свои краски и готовилось покинуть ущелье. Он задремал в теплом воздухе залитой светом хижины. Уста-

лость длинного, тяжёлого дня. По лицу блуждала улыбка.

Проснувшись, он обнаружил очаг, газовую горелку, котелок и вышел за водой к ручью неподалеку. Зашедшее солнце окрашивало кусок неба за высоким гребнем. Стало холодно, начерпав воды, он поспешил в тепло хижины, вскипятил воду на горелке, нашёл чай, мясные консервы и галеты. После ужина он вспомнил о бутылке коньяка внизу. У очага лежали дрова, но решил не разжигать огонь. Принесены с самого низа. Для более серьёзного случая.

Скоро в ущелье и в хижине стало совершенно темно. Он вышел ещё один раз наружу – посмотреть на звёзды, быстро вернулся, укрылся всеми обнаруженными одеялами и вскоре заснул. Позже в ущелье появилась луна и преобразила всё вокруг. Осветила белую шапку вершины, огромные валуны вокруг хижины. Тропу. Настало хорошее время выйти на тропу, чтобы успеть подойти к вершине до восхода и заpastись длинным летним днём для восхождения. Для такой горы очень хорошо иметь в запасе длинный, летний день.

Он проснулся рано, до восхода, и посмотрел в окно. Ни одной тучи на посветлевшем небе. В хижине было холодно, он надел висевшую на гвозде возле двери выдавшую виды пуховую куртку. Затем вышел на улицу и набрал воды в ручье, покрывшемся местами коркой льда. Руки мёрзли, после недолгого поиска он нашёл в хижине также рукавицы и шапку. В хижине стало немного теплее. Он пил чай, мечтая о кофе, и рассматривал вершину сквозь окно. Белая макушка

уже засветилась в первых лучах. Там сейчас должно быть хорошо. Сколько отсюда до подножья? Он пытался вспомнить. Пару часов, не больше. Он съел банку консервов и полпачки галет. Хорошее мясо. Он рассмотрел этикетку. Нужно будет найти такие внизу. Где их производят? Нигде. Сквозь одно из окон открывался вид на долину. Безлюдную теперь долину. В которую ведёт дорога из другой большой безлюдной долины. Никто там ничего не производит.

Куртка, рукавицы и шапка сильно помогали. Только ноги немного подмерзали. После того как он подмочил кроссовки, перепрыгивая через ручей. Но солнце вот-вот уже должно показаться. Он возлагал на него большие надежды. Ручей пришлось переходить несколько раз. Тропа уходила то влево, то вправо. Терялась, находилась и опять терялась. Её нельзя уже было назвать тропой – едва различимые следы среди камней. Она вывела его к леднику у подножья горы. Первый раз в жизни он увидел ледник живьём. Всё, что было вокруг, он видел в первый раз. Он чувствовал себя хорошо. Среди камней, огромных валунов, окружённый скальными стенами цирка. Один на почерневшем от пыли и камней леднике. Он чувствовал себя очень хорошо.

На него смотрел гребень, тянувшийся к белым полям шапки. Логичный путь наверх. После того как он потратил больше одного дня, чтобы добраться сюда.

Он осмотрел ещё раз цирк. Здесь ничего не изменилось, наверно. Так же тихо, как всегда. Птицы, наверно, летали.

Звери были. Жили ли здесь звери? Кому они помешали? Кому плохо от зверей?

Солнце набирало силу. Он сидел босой на камне, разложив для сушки носки и кроссовки. Основательно подмокшие на леднике. Гребень начинался в двадцати метрах от него, ледник внизу слепил незащищённые глаза, он отворачивался в сторону скал. Он видел перед собой некрутое нагромождение скал, закрывшее его от вершины и остальной части гребня. Вершина не казалась далеко. Всё вокруг излучало безмятежную тихую радость. Скалы, лёд, особенно солнце. Он чувствовал радость внутри себя. Он чувствовал себя очень хорошо и ждал, когда солнце согреет ноги, носки и кроссовки. Сильное горное солнце.

Сначала пришлось пробивать путь среди огромных камней, обходя их или переваливаясь через них. Его скалолазные навыки не требовались. Через час он очутился перед настоящими скалами. Не очень крутыми, но однородными. Он оглянулся назад – ледник всё так же слепил. Он повернулся к скалам.

Он не тратил время на размышления, куда идти. Впереди всегда оказывался один самый логичный путь наверх. До тех пор, пока не оказался перед первой крутой стенкой. Смущала не столько её крутизна, сколько высота. Он подошёл к широкому камину и начал подъём. Он давал себе слово не оглядываться назад. Как делал давным-давно, когда ему нужно было быть непременно впереди. Не оглядывайся. Только не

оглядывайся.

Он оглянулся наверху стенки. Ледник далеко внизу. Ого! Я в самой гуще действия. Высоко, на крутом гребне, ведущем к вершине красивой большой горы. Временами он качал головой, пытаясь очнуться от сна. Здесь ли я на самом деле?

Он не подумал о консервном ноже. Помятая со всех сторон от ударов камнями, банка так и не поддалась. Он поранил руку, отложил банку и стал жевать молча галеты. Потом он съел оставшуюся шоколадку. Хотелось пить, но вода ещё не встретилась. Наверно, выше, ближе к снегу. Он чувствовал усталость. Усталость длинного, тяжёлого дня.

Во второй половине дня самым большим его желанием было найти воду. Неужели здесь не бывает воды? Как так может быть? Столько снега и льда вокруг. Наконец он наткнулся на глубокую расщелину с остатками грязного лежалого снега. Он вытащил грудку снега и положил на гладкий камень. Полуденное солнце не спешило её расплавлять. Он положил в рот кусок снега, предварительно очистив от грязи и мелких камней. На зубах захрустело. До захода оставалось несколько часов. Он вдруг понял, что уже много времени. Он не имел представления о том, где находится. Давно уже пора показаться шапке. Где она? Он уже очень высоко. В какую сторону самый короткий путь к воде? Наверх.

Он поднялся к шапке при свете убывающей луны. Наступала тихая ночь. Ни звука, ни ветерка, только шум его шагов.

Он присел на камень. Становилось холодно. Он не чувствовал ни голода, ни жажды. Только усталость. Он не был уверен. Подниматься на ноги не хотелось. Никакой воды вокруг.

Он поставил ногу на подмёрзший снег шапки, сделал шаг и поставил вторую ногу. Ноги проскользнули, он упал. Не подняться. Он опять сел на камень. Что теперь? Какая панорама. Какая яркая луна. Никогда не видел такой. Он поднялся выше всего в округе. Кроме вершины. Туда не добратся. Слишком скользко. Воды нигде нет. Как они здесь выживают? Приносят с собой. Хочется пить. Он вытащил из кармана открытый пакет и положил в рот несколько орехов. Воды. Без воды не идет. Красота-то какая. И спокойствие. Такое ничем не нарушить. Встать и закричать громко. Зачем? Кто-нибудь услышит. Что теперь? Вниз. Здесь замёрзну. Он повернул обратно.

Первая стенка озадачила его. Неужели я поднимался здесь? Он осмотрелся по сторонам. Где-то здесь. Где ещё. Стена казалась очень крутой. Её основание скрывалось в темноте. Высоко. Поэтому не нужно никогда оглядываться. Только вперёд. Он развернулся лицом к склону и начал спуск.

После первой стенки вскоре показалась следующая. У её основания он сел совершенно обессиленный. Не страшно, только совсем нет сил. Никакой силы в руках и пальцах. Что-то ещё осталось в ногах, но здесь необходимы крепкие руки и пальцы. Крепкие, как мои. Только им нужно отдохнуть.

Устали. Замёрзну без движения. Он поднялся.

Вдруг он оказался рядом с гротом. Как я его раньше не заметил? Не здесь я шёл. Он поднялся к гроту и лёг на ровное дно. Через некоторое время он вытянулся во весь рост. В гроте было немного теплее. Или только казалось?

Он очнулся от холода. Пальцы ног ныли в промёрзших носках. Он подумал о том, чтобы снять кроссовки и растереть пальцы, но подняться не было сил. Примёрз к скале. Он безрезультатно попытался повернуться на бок. Примёрз.

Ну, что теперь? Дадите умереть? Это вам не шутки. Не всё вам. Шутники. Пришла моя очередь шутить. Я вам не пешка. Освободили. Что хочу, то и делаю. Очень холодно только. Устал, очень устал. Попить бы горячего кофе. Другого выбора у человека нет? Нельзя всё устроить по-другому? Или там, или здесь? Хрен вам. Оставьте меня в покое. Вы всё равно ничего не понимаете. Что нужно человеку. Сам разберусь. Замёрзну здесь.

Ему удалось повернуться на бок лицом к выходу. Совершенно темно. Ушла луна. Не примёрз. Есть ещё силы. Завтра пригреет солнце. Спускаюсь вниз. Нужно, чтобы руки отдохнули. Устали. Жаль, что не дошёл до верха. Дошёл бы в хороших ботинках. С шипами. Без них нельзя. Можно было бы попробовать на четвереньках. Нет, слишком скользко. Нет там простых маршрутов. Самая высокая гора в районе. Для серьёзных ребят. Дошёл бы. Совсем немного осталось.

Он пошевелил пальцами рук. В порядке. Не так уж холод-

но, просто ноги сырые. Нужно их растереть. Зачем? Ничего не нужно делать. Просто лежать. Завтра придёт солнце и всё согреет. Может, и меня успеет.

Не для меня это всё. Не для таких, как я. Для тех, кто хочет всего. Всё, на что положат свой глаз. Для таких всё устроено, не для меня. Где вы были, когда раздавали ненасытность? Почему мне не досталось? Бессмысленную, смешную ненасытность. Только на ней держится мир. Неужели я отказывался? А что я тогда понимал? Вы-то должны были знать. Что без неё незачем появляться на свет. Без бессмысленной, эгоистичной, неисчерпаемой ненасытности. Раздавят, затопчут и не дадут оглянуться. Нужно было и мне её дать, всучить, как я ни отказывался. Я умный, как самый глупый человек на земле. Нужно было всучить без вопросов. Вместо того чтобы шутить. Не надо со мной шутить. Я этого никогда не любил, даже когда делаю вид, что люблю. В гробу видал я ваши шутки. Теперь вот примёрзну здесь к скале.

Утро принесло тучи. Он открыл глаза и увидел, что падает снег. Через некоторое время он вытащил одеревеневшее тело из грота. Ветра почти не было, только несильный мокрый снег. Он осматривался по сторонам, пытаясь определить, в какую сторону идти.

Тело согрелось после первого крутого участка. Он чувствовал себе вполне хорошо. Прошла головная боль, а главное, ожили пальцы ног. Они ему нужны. Он уже не удивлялся крутизне скал, только разворачивался к ним лицом и

включался в работу. Внизу снег перешёл в дождь, он быстро вымок до нитки. Останавливаться нельзя, только вперёд. Он воодушевился, когда наткнулся на небольшую лужу в выемке скалы и напился воды в первый раз за два дня.

Ледник приближался, но за каждым крутым участком он находил следующий. Он наткнулся на помятую банку консервов и посмотрел на неё с сожалением. Хотя бы маленький ножик. Он столкнул банку вниз и быстро потерял её среди снега и скал. Ещё очень высоко. Он продолжил путь.

В ущелье пришла темнота, а он всё продолжал преодолевать один участок за другим. Дождь закончился, одежда немного просохла, только тучи никуда не уходили. Или это уже ночь? Тогда где же звёзды, где моя луна? Ещё одну ночь здесь? Хочу в хижину. Там тепло, горячий чай и мясные консервы. Остались ли консервы? Целая коробка. Сколько дней уже прошло?

Он очнулся, лежа на чём-то очень жёстком. Больно давило в бок. Он попытался подвинуться или повернуться. Ничего не помогало. Он пытался раскрыть глаза, но ничего не видел. Где я? Правая рука нащупала поверхность скалы с мелкими камешками на ней. Упал? Почему так темно? Он чувствовал себя совершенно опустошённым и не способным ни на какие действия. Где я? С этим у меня всегда проблема. Где я? Где-то. На камнях. Упал, наверно. Почему ничего не видно? Глаза открыты? Где я? Где-то. Какая разница? Ничего не болит, в боку только неудобно. Эй, кто там рядом? Подвинь-

тесь, дайте немного места. Никто ничего не видит? Совсем голова поехала. Должно быть, ночь. К ночи дело шло. Где я?

Как глупо всё. Абсолютно глупо. Как ни старайся, всё только глупости. Приехал. Ничего не болит, ничего не беспокоит. Только не знаю, где я и что вокруг. Ничего нового.

Но это я сам решил. Не может быть, что решили за меня. Не может такого быть. Не имеет никакого смысла. Зачем? Кто знает? Им нельзя доверять. Этому шутнику нельзя доверять. Мог всё подстроить.

Сам. Только хотелось взойти наверх. И нужно было не останавливаться. На четвереньках. Ногтями и зубами. Больше ничего другого нет. Кроме свободы. Распорядился.

Может, я просто не знаю. А беспокойные ножки? Оставил их одних. Ничего не знаю. Нет, это за меня никто не решил. Это я решил сам. Какой глупый способ умереть. Глупее других? Любой из них глупый. Умирать глупо. Так же как и жить. Зачем? Кто это придумал? Тяжело умирать, когда не знаешь, где ты. Так и не узнав, где ты. Так умирать ещё глупее. Глупее не придумать.

Есть здесь кто-то? Никого нет. И меня тоже. Где я? Кто-то оторвал генералу голову. Может, я сам? А Алиса? Я не был пьяный.

Пускай. Теперь всё равно. Здесь им меня не достать. Я где-то, где меня уже никто не найдёт. Только бы не давило в бок.

Нашли. Он смотрел на висевшую на гвозде пуховую куртку. Пасмурный день. Постепенно приходило ощущение тела. Заболело в боку. Он попытался повернуться, в боку неприятно отдалось.

Не приснилось. На стуле рядом с ним стояла кружка. Есть в ней что-нибудь? Хочется пить. Нет, хотелось пить. Очень хотелось пить. А сейчас не хочется. Сколько я здесь пролежал? Теперь не узнать. Не дадут. Попробовать встать? Зачем?

Так же болело в боку. Упал, наверняка упал. Полный покой, повторял доктор. Нужен полный покой, незачем вставать. Да, так же болело. Мама плакала. Всё досталось брату. Больного не трогали. Ему здорово досталось тогда. Как только дотащил меня домой. Один дотащил. Это он может. Упрётся как баран. Я был без сознания. Всё досталось ему. Напоминал. А может, и не досталось, может, наврал. Когда я очнулся, всё уже утихло. Только мама иногда плакала. Покой, теперь полный покой.

Опять дотащил? По этим тропам намного труднее. Он может. Упрямый. Что там в кружке? Если вода, то это он. Всё равно. Я решил сам. Никто за меня не решил. Даже если и дотащили. Это его обязанность. Ничего с ним не станет. Он крепкий. Никто меня не тащил. Никого нет. Никто за меня ничего не решил.

В следующее пробуждение было совсем темно. Но он пом-

нил, где находится. На лежаке под вонючими одеялами. Мочевой пузырь заявлял о себе, он заснул с мыслью, что нужно встать и выйти на улицу.

*

Два дня уже прошло. Если не считать дней, которые провалялся в полудрёме. Тех уже не сосчитать. Плохая привычка. Почему не носить часы? Знаешь когда и где. Зачем? Всё равно не знаешь когда и где.

Он уже был вполне на ногах. Ходил, прихрамывая, но твёрдо. Силы вернулись. Спасибо консервам. Опухоль на ноге уменьшилась. Пора вниз. Как там мои девочки? Проверили их опять без меня, гады. Этого они не могут пропустить. Ничего отмоем, будут как новенькие. Хорошо, что силиконовые.

Вершина светилась в окне. Но уже не манила. Знаем. Много скал, холодно и нет воды. И ботинки нужны с шипами. Забрался бы. Ничего там нет. Консервов нет, воды. И холодно. Завтра пойду вниз. Может, сегодня? Нет, уже поздно. Быстро не получится. Почти целый день шёл.

Он обжился в хижине. Тепло, есть еда, есть вода. Только кофе нет. Как же я буду без кофе? Нужно узнать, портится ли оно. Как узнать? По дате на упаковке? Что они знают? В библиотеке порыться. Ну узнаю, что портится, что тогда? Всё на свете портится рано или поздно. На мою жизнь бы

хватило. Знаешь, сколько будешь жить? Вечно.

Непогода ушла. Он провалялся оба дня, выходя иногда на небольшую веранду. На горное солнце. Что-то в нём есть. Не такое, как внизу.

Горы понравились. Вернуться сюда ещё раз. С подходящими ботинками, одеждой, рюкзаком, фляжкой с водой. Взойти наверх. Страшно будет, второй раз будет страшно. Всё. Доказал.

Кому доказал? Никого нет. Себе. Нечего доказывать. Сам добрался. Куртка на гвозде? Просто не помню. Никого здесь нет. Никого мне здесь не надо. Даже беспокойные ножи. Оставил их одних. Выросли, с гладкими коленками и недоверчивой поступью. Нет никого. Только силиконовая Алиса. Сам спасся. Не помню просто. Смутно. Тропу в лунном свете. Стул подвинул.

С веранды открывался замечательный горный вид. Под заботливым солнцем и лёгким прохладным ветерком. Почему не жить здесь? Хотя бы летом. Далеко таскать. Вертолёт найти, вон площадка. Осла или лошадь. Кому мешали животные?

Для чего жить? Ничего не изменилось. Для чего жил. Прорылся утром, мылся, пил кофе. Ни для чего. Хочется. Иногда да, иногда нет. Пока хочется. Накапливается. С годами всё чаще нет. Всё равно хочется, только радость исчезает. Мало-помалу. О счастье мечтается. Когда исчезает в никуда радость. Нет его, не бывает. Выдумки усталых людей. Сво-

бода и радость. Беспричинные. Потеряешь – тогда всё. Конец жизни. Только вопросы без ответов.

Чтобы выпить утром кофе. Пробежаться на закате в парке. Солнце увидеть. Запах свежеебнажённого женского тела. Есть в мире интересные вещи. Алиса есть. Спустишь вниз и трахну. Для этого её создали. Шутник наверху. И там никого нет. Только я есть. В долгом, бесконечном сне. Не хочу просыпаться. Я-то знаю, что там меня ждёт. Там я уже был. Не стоит просыпаться. Начну здесь сначала. Спустишь вниз и трахну Алису. Мой мир, построю его как хочу. Я могу. Могу. Не нужно со мной шутить. Я вам не пешка. Лишили свободы. А что взамен? Беспокойные ножки? Где они? Нет их уже нигде. Никто не учил. Как знать? Оставил их одних. Не навсегда же. Да? Одна секунда – вечность. Когда тебя оставляют одну. Не выбраться из этой секунды.

Хорошо. Воздух какой. Спустишь вниз и первым делом трахну Алису. Положу на спину, раздвину ноги и возьмусь за грудь. Молодцы. Хорошо придумали. Потому что всё просто. Без сложностей. Две руки, две ноги, туловище, голова и дырочка между ног. Просто, без сложностей.

Может, они и раздавали. Только я постеснялся, умный был? Брат за двоих работал, а мне можно было поглядывать на него свысока. Нет, не может быть, что поровну. «Я на целых пять минут тебя старше. Когда ты только высунул голову, я уже проверял руками сиськи акушерки. Ты пацан по сравнению со мной». Нет, не поровну. Но и мне досталось.

Только очень немного.

Поедем на запад. Пока не упрёмся в океан. А там посмотрим. Океан живой. Земля тоже живая. Посмотри вокруг. Крутится, как будто так нужно. Без всякой цели. Меня не обманешь. Я сам такой. Никакой цели у тебя нет. Спешись. Выпадешь где-нибудь дождём. Или испаришься на солнце. И опять в тучу. Важная какая. Меня не обманешь. Я тоже делаю это каждый день. Всё. Никакого притворства. Нет никакой цели. Не может её быть. Только эта минута и та, которая за ней последует. Если повезёт. Может, и не последовать. Когда-нибудь она не последует. Следующая минута. Никакого обмана. Никакого притворства. Спустишь вниз, трахну Алису, выпью кофе и поеду на запад. Без цели намного легче. Несравненно. Только без неё и легко. От неё все проблемы, неизвестность. Для чего жить? Чтобы выпить утром кофе, трахнуть Алису и увидеть заход. Мало? Понапридумали. Сложнее нельзя. Прогресс. Понастроили, понапридумали, расплодились. Беспокойные ножки. Только нужно быть всегда рядом с ними. Даже когда пьёшь кофе, трахаешь Алису и наблюдаешь восход. Напридумали. Сложнее нельзя.

На пол веранды легла холодная горная тень. Заявил о себе прохладный горный ветер. Что у нас сегодня на ужин? Мясные консервы? Эх, бутылка моя внизу. Завтра. Спустишь, трахну Алису, а потом ужин и коньяк. И кофе.

Он отдыхал на камне после долгого и тяжёлого спуска и разглядывал обломки моста. Левая нога болела, он очень устал и сидел удивлённый и разочарованный.

Отсутствие моста обнаружилось, разумеется, сразу же по прибытии на берег. Только обломки на каждой из сторон. Картина чрезвычайно его огорчила. Раздумывая о неожиданном препятствии, он вдруг заметил, что дорога на другом берегу вся покрыта грязью, ветками деревьев и кустов. Затем пришла мысль, что на дороге стоял его автодом. Тогда он присел на камень.

Все постройки лагеря стояли нетронутые на крутом склоне ущелья на безопасном расстоянии от реки. Строители наверняка знали о такой опасности. В путеводителе тоже об этом, кажется, упоминается. Теперь уже поздно. На том берегу есть удобная постель и продукты. Нужно только туда как-нибудь добраться.

Отдохнув, он спустился немного вниз, надеясь увидеть свой автодом. Ничего, кроме обломков и грязи. Он оставил эту затею. Так или иначе, сначала нужно перебраться на другую сторону.

Придётся опять идти вверх. Он старался вспомнить, как далеко до первого притока и какая там сила реки. Не помню. Тропа большей частью проходит в стороне от реки. Он ещё раз оглянулся. Еда и удобства на другом берегу. На этом берегу только хижина у ледника. Дурак. Пожил бы в ней ещё

несколько дней, подлечил ногу. Нога болит. Торопился.

Он не был уверен, что не придётся подниматься опять так же высоко, чтобы перейти через речку. Она довольно бурная. Неужели придётся подниматься к леднику? Поторопился. Делать нечего.

Вскоре он остановился на ночлег в полуразрушенной хижине, на которую наткнулся чуть-чуть выше лагеря. Темнело, подъём вдоль реки оказался несравненно тяжелее, чем по тропе, он быстро отчаялся и обрадовался неожиданному относительному комфорту. Усталый и голодный, он лёг на полу под сохранившейся частью крыши. Громычала река, сквозь дыры в крыше виднелись звёзды, становилось холодно. Усталость в конце концов одолела его.

Утром он решил вернуться на тропу и подняться к первой тихой долинке, где мыл ноги. Это было ближайшее место, где он знал наверняка, что сможет перебраться на другую сторону. Продвижение по берегу оказалось невозможным, он промёрз за ночь и хотел уйти подальше от шума реки к солнцу, которое ожидалось не скоро в узких теснинах. На тропе нога перестала болеть, он поднимался довольно быстро, подгоняемый голодом.

Ему повезло: на другой стороне реки была большая тропа, которая перешла затем в дорогу. Перейти через речку удалось намного ниже долинки, как только с тропы открылось подходящее место. Переход не доставил проблем, но, как оказалось, он принимал за основное русло один из боль-

ших притоков. Преодолев его, он затем перешёл через основное русло, до прибытия свежей воды с ледника. Он осторожно ступал между скользкими камнями, не обращая внимания на ледяную воду. Он был голодный и злой. Именно в этом состоянии он наконец добрался в середине дня до склада в лагере, где нашёл в избытке свои любимые мясные консервы и галеты. Ещё обнаружился спирт, газовая горелка и кофе. Вскоре после этого, сытый и напоенный, он заснул на полу склада на горе спальных мешков. В последней перед забытьём мысли он согласился, что гор с него достаточно.

*

Автодом стоял на колёсах, заваленный с одного бока ветками, камнями и ещё каким-то мусором. Сквозь разбитое переднее стекло виделось пустое пассажирское сиденье. Машину протащило около двухсот метров по идущей вдоль берега дороге. По-видимому, перевернуло несколько раз, пока не ударило о большой валун, возле которого автодом задержался. Крышу и передок сильно помяло. Во время одного из переворотов Алису, наверно, выбросило наружу. Девочки, конечно, внутри. Он ещё не заглядывал. Просто туда не забраться. Разве что через разбитое окно.

Он был занят поиском Алисы. Лихорадочным поиском до самого вечера. Поиск прервался на полчаса для перекуса и закончился в темноте. После этого он расположился у костра

неподалеку от автодома, на не тронutom водой месте, и ужинал принесённой с собой едой. Он хорошо подготовился в этот раз, прихватил также спальный мешок и коврик. Он так и не заглянул внутрь автодома, но был уверен, что девочки внутри. Куда они денутся. Потрёпанные, наверно, но внутри.

В тёплой одежде, ботинках, у костра, после сытного ужина и нескольких глотков спирта, он чувствовал себя почти комфортно. Можно устроиться с удобствами и в горах.

Он знал, что проведёт следующий день опять в поисках. Он знал, что не найдёт Алису. Откуда он мог это знать? Ведь всякое бывает. Может, она лежит где-то совсем рядом, придавленная камнями и глиной. Или ветками. Он встанет утром и сразу увидит её в лучах первого солнца. Может, он обнаружит её где-то подальше, внизу, к концу дня, усталый и разочарованный. Она будет тихо сидеть, терпеливо дожидаясь его. Может, он найдёт её на следующий день или через неделю. Она ведь будет ждать столько, сколько потребуется. Она очень терпеливая, его Алиса. Он должен искать её до тех пор, пока не найдёт. Она будет его ждать.

Он знает, что так не бывает на свете. Не бывает таких историй. Не бывает настоящих историй с хорошим завершением, настоящих земных историй. С мужчиной и женщиной. С обычным мужчиной и обычной женщиной. Разделённых тем, что обычно разделяет обычного мужчину и обычную женщину. Не бывает с ними хороших историй. Когда они теряют то, что даётся лишь один раз. Что возможно лишь один

раз. Да и не даётся никем. Образуется внезапно из ничего. Только один раз. В не заполненном ещё пространстве. После этого оно никогда не бывает уже незаполненным опять, это пространство. В нём больше ничего не может образоваться.

Алису унесла река. Река знает, что делает. Перекатила её через каждый камень. Глупую куклу. Вздумала представить себя женщиной. Настоящей, живой женщиной. Глупая кукла. Унесла далеко в большую реку. Бросила на дно.

Он будет её искать. Он-то живой настоящий мужчина. По крайней мере живой. Он будет её искать. По крайней мере несколько дней, до тех пор пока не станет совершенно очевидным то, что уже очевидно сейчас. Он должен это сделать. Есть такие вещи, которые необходимо делать. Он должен её искать. На тот случай, если она где-то рядом. Ждёт его. Терпеливо ждёт его. Под камнями, ветками и глиной. Его Алиса. Если она не далась реке. Не позволила себя унести. Заклинила свою ногу между камнями и удержалась. Ведь такое тоже может быть. Всё может быть на этом свете. Только не случается.

Догорал костёр. Река тоже утихла. Он прилёг на расстеленный на камне коврик и посмотрел на небо. Алиса. Закрытая страница. Недочитанная. Что мне делать теперь? Неужели всё вращалось вокруг тебя? Неужели был выход, было спасение? Всё вокруг тебя? Вокруг твоих спокойных глаз. В них очень трудно заглянуть. Мне никогда не удавалось в них заглянуть. Спокойные, всё знающие глаза. Что ты знала та-

кое? Откуда? Ничего невозможно знать в этом мире. Ничего наверняка. Ничего не наверняка. Что ты такое знала? Не захотела объяснить. Неужели всё так просто и глупо? Всё вокруг тебя? Мягких губ. Очень мягких, когда касаешься их своими губами. Неожиданно мягких, невозможно мягких. Когда касаешься их своими губами. Молчаливыми. Не хотела объяснить. Не умела? Потому что нечего объяснять. Нет ничего более достойного объяснения. Нет достойного объяснения. Есть твои глаза, твои губы. Их не нужно объяснять. Они есть. Спокойные глаза и мягкие губы. Их не нужно объяснять. Есть твоя грудь. Полновесная грудь. Немного смешная. Такая, которую хочется мять в ладонях, как резиновый мячик. Сжать, отпустить и снова сжать. Потрогать губами, потрогать зубами. Полновесная, гордая собой грудь. Немного смешная. Не пугающаяся крепких больших рук. Готовых разорвать её на части. О, Алиса. Тебе не нужно ничего объяснять. Ты есть. Я чувствую тебя с закрытыми глазами. Телесный запах. Не знающего ещё молока соска. Заострившегося в жадных губах. Что можно объяснить этому жадному телу? Жадным рукам, губам, жадному пенису. Они всё знают. Больше нечего объяснять. Больше нечего объяснять. Они всё знают. Они ничего не знают. О, Алиса. Прижаться щекой к твоей груди и заснуть. Распластанным на твоём животе, на ложбине между ног, на гладких коленях. Проснуться и отведать губами её плотную мякоть. Отведать губами. Поглотить тебя всю, растворить в себе. Обхватить руками ягодицы и

растворить в себе. Ощутить основанием пениса. Разрядиться, неистово и неудержимо. И заснуть, положив щеку на твою ароматную грудь, не знающую ещё молока.

На небе светили и падали звёзды. Показалась луна. Ущербная, стеснительная луна. Неужели всё вращалось вокруг неё? Вращается. Нет другой оси. Никакая другая ось не имеет смысла. Так же как и эта ось. Но она есть. Только она и есть. Всё на свете просто и глупо. Налить ещё спирта? Завтра будет болеть голова. Завтра искать целый день. И послезавтра. Пока не свалюсь с ног. Пока не найду. Не найду. Нельзя найти то, чего нет. Всё время ускользает. Не скажешь, что не искал. Искал. Всё время ускользает. Всё время не даётся в руки. Моя ось. Вокруг неё всё вращается. Вот-вот в руках. Всё время ускользает. Потому что её нет. Не бывает. Есть Алиса. Мягкая женщина с полновесной грудью. Немного смешной. Другой оси мне не найти. Всегда знал. Никогда не верил. Всё на свете просто и глупо. По-другому быть не может. Не найду. Нельзя найти то, чего нет. Алиса есть. Унесла река. Река знает, что делает.

Утром после завтрака он с трудом открыл дверь автодома, вытащил девочек наружу и положил на развёрнутый спальный мешок рядышком под лучами утреннего света. Через некоторое время он сел пить кофе. Предстоял целый день поиска.

Больше валить не на кого. Никого не осталось. Никого нет. Не было. Самый простой эксперимент. Вот тебе и простой ответ на вопрос. Для чего это всё? Вот тебе и ответ. Кто может это всё выдержать? Зачем? Этот мир для ненасытных. У которых не случаются вопросы. Жадных. До абсолютно всего. Им неплохо в этом мире. До тех пор пока не становится невыносимо тяжело. Им не до вопросов. Ничего бы не пропустить. Ненасытность движет миром. Пока вдруг не станет невыносимо тяжело. Это мы давно смирились с нашей тяжестью.

Почему решают по-другому? Нет под рукой пистолета? Нашёлся бы, всегда можно найти пистолет. Ничего не хочется делать, когда вдруг невыносимо тяжело. Непривычно тяжело. Просить, отвечать на вопросы. Не у всех такой сосед. Где бы я нашёл пистолет? Мир, люди вокруг. Каждый совсем один. Может, желание, чтобы было видно прямо из двери. Вот он я. Посмотрите на меня, несчастного. Зато крови нет. Только синяя полоса на белой шее. Нет, так лучше.

Мне легче. Стало совершенно невыносимо – эка невидаль. Мне, наверно, легче, я привычный. Вдруг, ни с того ни с сего. Совершенно здоровый. С виду такой же, как всегда. Только синяя полоса вокруг шеи. Да, наверно, поэтому. Лучше, чем дырка в голове и лужа крови. В удобном месте напротив двери. Специально для этого придуманном месте. Только подставь табуретку, и всё готово. Обязательно шат-

кую, на трёх ногах. Да, потому. Всё можно достать, если есть нужда.

А мы лучше с дыркой в голове и с лужей крови. Никого всё равно нет. Каждый совсем один? Ну уж нет. Столько неугомонных. Нет у них для этого времени. Стало совсем невыносимо. Вдруг, ни с того ни с сего. Всё вдруг потеряло смысл. Лаконичность. Больше слов не нужно.

Почему я так долго продержался? Некогда было. Думал. Много занимает времени. Иногда целую жизнь. Всё потеряло смысл. Только не вдруг. Врёшь. Было и твоё время. Ненасытности. Короткое. Ненасытность какая-то неуверенная, оглядывающаяся, неокрепшая. Моё ли это? Может, ещё кто-то сзади стоит? Стоят. Как раз поэтому нельзя терять время, чтобы оглядываться. Врёшь. Не такой он был. Казался сильным. Долго я ещё буду так сидеть?

Он вынул ствол пистолета изо рта и расслабил напряжённые руки. Он ещё не решил, каким пальцем спустить курок, поэтому пистолет был на предохранителе. Он не знал, есть ли внутри патроны, но не хотел проверять. Сосед никогда не держит оружие незаряженным. Правило у него такое. Есть, одна пуля там есть. Больше не надо.

В подвале было почти темно. Нет фонаря. За ним нужно зайти домой. Он решил не терять на это время. Зачем? Для чего свет? Пистолет нашёлся, больше ничего не нужно. Только нажать на курок. Подрагивали руки. Он чувствовал усталость. После трёх дней непрерывной езды. Может, по-

спать сначала. Он чувствовал, как закрываются сами глаза. Заснуть здесь, на полу, а завтра закончить дело на свежую голову. Всегда любил делать всё на свежую голову. Зачем спешить? Зачем гнал тогда без остановки? Не знаю. Зачем?

За последние три дня он спал не больше чем несколько часов. Один из них случайно, заснув на короткой остановке. Потом вспомнил, что забыл отлить. Мочевой пузырь не забыл. Зачем нужно было гнать домой? В лагере было оружие. Хотел своим пистолетом. Не твой это пистолет. Нужно было всё сделать там.

Он искал Алису три дня. После теснин, которые заканчиваются чуть ниже лагеря, вода разлилась широко. Ищи сколько хочешь. Он искал. Пока наконец не понял, не согласился. Впереди ничего нет. Всё. Ищи не ищи. Конец дороги. Всё потеряло смысл. Только не неожиданно. Никогда не имело смысла. Нет, имело. Но робко как-то и неуверенно. Почти не считается.

Закончишь поиск – останется последнее дело. Не нужно ехать ни на какой запад. Ни на север, ни на юг. Нечего там делать. Приехали. Где, как не дома? В подвале у соседа. Любимым пистолетом. Оставляет ровную дырку. Очень удобный для такого дела. Нужно только знать, куда направить. Сосед всё знает, всё, что касается оружия. Приходили ли такие мысли к нему? Кто знает? Никогда не знаешь. Денег много, малышка, жена с большой грудью. Никогда не знаешь, что у человека в голове. Он и сам не всегда знает.

Ну, правым или левым? Правым удобней. Почему он говорил, что нужно левым? Может, путаю? Какая разница? Хочешь аккуратную дырку в голове? Нужно всё делать по правилам. Сосед знает, что говорит. Может, сам готовился. Всем нам нужно быть готовым. Где они сейчас? Там ничуть не лучше. Не раздумывай. Наоборот. Почему так долго тянул. Была надежда. Нет людей – нет проблем. Последняя надежда. Всё, теперь валить не на кого.

Болела правая нога. Перегрузил. Целый день ходьбы до въезда в ущелье. Крутой спуск, хоть и по дороге. Ещё километра два по ровному до посёлка, до первой машины. Потом три дня нажимала на педаль. Устала. Ничего. Ещё совсем немного, сейчас всё исправим. Он устроился поудобней и взял пистолет в руки ещё раз. Правым. Правым удобней. Откуда он знает, сволочь? Ну, выдох, вдох. Другого выхода нет. Может, патронов нет. Может, и нет. Правый палец согнулся.

*

Ну, что теперь? Он рассматривал пистолет. Стрелял ты или нет? Как узнать? Как-то узнают. Не пахнет. Чем-то пахнет. Сколько я здесь провалялся? Левая рука лежала на большом ярком пятне из лучей низкого солнца. Утро. Только утром сюда попадают прямые лучи. Пустая гильза под оружейным шкафом. Он потянулся и достал её. От пистолета?

Сколько ты там лежала? Холодная. Он увидел под шкафом ещё одну. Их тут полно. Малышка любит с ними играть. Стрелял ты или не стрелял? Дырки нет. Не похоже, крови нет. Не мокро. Или засохла? Сколько я здесь провалялся? Пощупать голову? А вдруг там дыра. Холостые патроны? Легко проверить. Пальнуть в окно. Соседу не понравится. На улицу нужно выйти. Сколько осталось в магазине? А что, если полный? Какая разница? Нет у меня дырки в голове. Не похоже. Свежая. Долго спал. Ночь и день. Когда я вернулся? Днём. Было солнце. Что же случилось? Нажал на курок? Заснул? Помню, как нажал. Правой рукой. Он поднес к глазам большой палец. Ты нажал или нет? Хватило смелости? Вид у тебя глуповатый. От тебя можно всего ожидать. Нажал. Отдали приказ, и нажал. Дурень. Почему нет дырки в голове? Или есть? Голова какая-то странная. Слишком лёгкая. Из-за дырки? Какая херня. Холостые патроны. Сейчас подремлю немного и выйду на улицу. Там проверю. Холостые. Оглушило, наверно. Неужели нажал? Решился? От него можно всего ожидать. Дурной какой-то. Толстый, грязный. Речная грязь. Унесла река. Не там оставил. Откуда же мне было знать? Не нужно было оставлять одну. Их никогда нельзя оставлять одних. Проверено поколениями. Умный, думаешь много. Нужно ещё немного поспать. Голова какая-то странная. Свежая и лёгкая. Нужно ещё поспать и решить всё на свежую голову. Не такую лёгкую. Нажал, дурень. Взял и нажал. Приказ был. Это же был последний приказ. Где я? Что происходит?

Нужно ещё немного поспать. День и ночь.

*

Он проснулся среди воды. Солнце стояло высоко. Заснуть в первую ночь в открытом море оказалось непросто. Обеспокоенное сознание отпустило его глубоко ночью, совершенно обессиленным. Лёгкий плеск воды. Чувствовалась сонливость. Не выспался как следует. Продолжить? Повернуться на бок и заснуть опять. Не получится. Возвращался вчерашний страх. Не получится. Нужно посмотреть, что делается вокруг. Он поднялся, вышел из кабины и осторожно сел на корму.

Вода, вокруг только вода. Ничего неожиданного. Он повернулся спиной к солнцу и всмотрелся в линию горизонта. Вода. Берег где-то там, напротив солнца. Не должен быть очень далеко. Не видно. Только вода вокруг. Он чувствовал на лице приятный ветерок.

А что, терпимо. Путешественник. Это всего лишь вода, прозрачная вода. Глубокая. Какая здесь глубина? Он наклонился над бортом и посмотрел вниз. Глубоко, мне хватит. Неужели там ничего нет? Хоть одна рыбина. Одинокая на весь океан, как я. Взять и прыгнуть. Искупаться. Сон сразу снимет. Он перегнулся через борт и опустил руку в воду. Тёплая. Приятная вода.

Может, осилю? Мореход. Страх не казался таким страш-

ным, как вчера. Совсем не такой. Он разглядывал линию горизонта, как её следует разглядывать. Для этого она и существует. Чтобы её именно так разглядывали. Для этого её и придумал давным-давно кто-то с хорошим сердцем. Линию горизонта. Надежда плоских людей на плоской земле. Её следует рассматривать с любопытством и надеждой. Она не для того придумана, чтобы её разглядывать со страхом. Ровная непрерывная линия. Большой воды, целого океана воды. Живого как жизнь. За ней непременно что-то есть, она ещё никого не обманывала. Нельзя прожить жизнь, не заглянув за линию горизонта. Пугающую и манящую. Не стоит так её прожить, свою жизнь. Размечтался. Ничего там нет. Только вода. А правда, что там есть? Откуда мне знать, что там есть? Решил, нечего больше обсуждать. Вперёд, за линию горизонта.

Осילו. Что я раскис так вчера? Берега стало жалко. Вчерашний день удивил его. Ничего не боюсь? Насмешил. Распустил слюни, как маленький мальчик без мамы. Ничего не боюсь. Даже себя никогда не узнать до конца. Как можно на себя полагаться? Если не знаешь наверняка, что там внутри. Ничего не боюсь. Умные люди осторожны с такими словами. Такие слова не для нас, не для людей. Хочется ничего не бояться. Как было бы легко ничего не бояться. Не для нас такие слова. Всегда готовы бояться. Если повезёт – не потеряв лица. Это нам, возможно, по силам. Ничего не боюсь. Насмешил весь свет.

Вчерашний день завершил долгую беспорядочную вереницу дней, последовавшую за вторым, окончательным пробуждением на полу подвала рядом с молчаливым пистолетом и вызывающего вида пустыми гильзами. Дней колебаний, решений и приготовлений. Всё. Решил и приготовился. Теперь только вперёд. Ничего не боюсь.

Он проснулся в подвале, ощущая все неудобства сна на покрытом тонким ковром прохладном цементе. Всегда удивлялся, почему сосед не придумал ничего поудобнее для своей малышки. Любили сидеть вместе, играть с оружием.

Проснулся, наверно, после долгого сна, чувствуя, что утолил многодневную жажду. Выспался. Пистолет лежал рядом, так же как и пустая гильза. И ещё одна под шкафом. Её не было видно из-за полумрака, но она была там. Он всё вспомнил. Он смотрел на большой палец правой руки. Смотрел с удивлением. Он его плохо видел. Как же ты решился? Приказ был? Кто отдал приказ? Я не отдавал такого приказа. Или отдал? Не найти виновных. Почему? Можно найти. Проверить магазин для начала. Зачем? Он взял пистолет в руки. Темно. Нужно выйти на улицу. Который час? Не похоже на утро. Он сел на пол и растёр больное плечо.

Солнце перевалило через зенит. Дома всё было как обычно, за исключением пустого холодильника. Об этом он как-то забыл. Ничего, сейчас съездим в магазин. Пришло время позаимствовать джип соседа. Но сначала помыться. Он положил пистолет на столик в гостиной и пошёл включать

генератор, бросив взгляд на запылённые тонкие трусики на диване.

Вечером он сидел на своей веранде в лучах закатного солнца, окружённый посудой и пакетами с едой. Три бутылки водки стояли ровным рядком в стороне. Он всё никак не мог решиться открыть первую. Пил пока пиво. Вполне сохранившееся, добротное пиво. Нужно пользоваться, пока есть.

Он чувствовал себя хорошо. Для потерявшего весь мир, свою куклу, нажавшего на курок человека. Впрочем, на курок нажал палец. Он немножко придурковатый. Оправдывается тем, что был приказ. Это теперь некому подтвердить.

Он чувствовал себя хорошо и не знал почему. Как по-дурачки всё устроено. Не знаешь, почему тебе хорошо, не знаешь, почему плохо. Как же знать, что нужно делать? Чтобы было всегда хорошо. Так не бывает. Он допил пятую бутылку пива. Нет, водку сегодня не буду. Сегодня не хочется отрубаться. Какая-то свежесть, ясность в голове. Может, там у меня действительно дырка? Пощупать?

Вот так всё устроено. Зашёл вроде в тупик, всё – дальше дороги нет. Осмотришься по сторонам – какой тупик? Ты никуда не шёл, как ты мог заблудиться? Здесь всё время, на одном месте. Здесь родился, здесь умрёшь. Тупик? Какой тупик? Закусывать надо. Вокруг пустота.

На смену приятной теплоте летнего дня пришла ещё более приятная прохлада вечера. Дома тоже хорошо. Зачем ку-

да-то ехать? Запад, юг. Буду вот так валяться на веранде, пока не придут холода. Потом зайду внутрь и буду валяться на диване.

Почему я не схожу с ума? Почему не кричу? Не бьюсь головой? Ничего не произошло. Просто они все исчезли. Или я от них спрятался. Наверно, так. Спрятался. Не хочу, чтобы нашли. Или хочу? Пора просыпаться. Никуда не денешься. Другой жизни никому не дано. Одна, какая есть. А это что? Хрен его знает. Почему я не схожу с ума? Ничего не произошло. Просто я от них спрятался и не хочу, чтобы нашли. Они обрадуются. Только не те, кто надо. Где ты пропадал? Давай, вот твоё место, впрягайся. Ребята, а куда тянем? Есть ли новости? Что-нибудь прояснилось? Какие новости? Там узнаем, хватит болтать, впрягайся. Со мной не полегчает, ребята. Я ведь никогда по-настоящему не тянул. Только притворялся. Давай, давай, не разговаривай. Все такие умные. Никто не тянет? Зачем тогда всё это? Мне надоело. Мне скучно. Мне не радостно. Это нас не касается. Каждый сам себя развлекает. Кто как может. Скучно тебе? Смотри, сколько баб нетраханых вокруг, сколько водки не выпито, закуски не съедено. Некогда скучать. А я не умею, не знаю как. И бабу не могу удержать в руках, и от водки у меня болит голова. Давай впрягайся, научим. Дело простое, только умничать не надо. Да что я, вчера родился? Не умею, не знаю как. Скучно мне, нерадостно. Да ну его, ребята, пускай сидит в своей норе, а то и нам грустно станет.

Зачем забрали Алису? Почему нужно обязательно убить всякую надежду? Кому она мешала? Сам прошляпил. Не учишься. Должен уже запомнить раз и навсегда. Их никогда нельзя оставлять одних. Не можешь удержать женщину в руках, даже силиконовую. Взяться руками за груди и никогда не отпускать.

Брат не держался. Сами шли в руки. И жить ему было не скучно. До тех пор пока всё вдруг не потеряло смысл. Я даже этого не сумел. Нажал на курок, и всё равно впустую. Нет, это не я нажал, это палец. Он придурковатый. С этим получилось нескладно. Не знаю, что на меня нашло. Алису потерял. Завтра поеду и привезу другую. Лучше. С прямой шеей. Хорошая идея. Надо привезти девочек завтра. Как бы их не растащили всех. На таких всегда найдутся охотники. Завтра утром и поеду.

Никуда не нужно пока уезжать. Дома лучше. Подождут. Мир и его чудеса. Придёт их черёд. Хватит пока приключений. Забрался почти на самый верх. Совсем немного осталось. Были бы ботинки с шипами. Почти до верха дошёл. Там тоже ничего нет. Камни и холод. Одиночество. А за ним не нужно никуда ходить. Оно везде, вокруг. Солнце ещё было, чистый воздух и тишина. Хорошо там было, зачем наговаривать? Дома. Просидишь всю жизнь дома. И просижу. Умников много. Знающих правду. Просидеть всю жизнь дома. А почему нет? Мне здесь хорошо. Привычно и спокойно. Что ещё нужно больше? Зачем стремиться ещё к чему-ни-

будь? Как можно так растрастить свою жизнь? Дома? А почему нет? На что-то её нужно растрастить? На что-нибудь полезное, нельзя же просидеть всю жизнь дома. Можно, мне можно. Сидеть дома, есть, пить пиво, смотреть, как выходит и заходит солнце. Не будет потом жалко утраченного времени? Бесполезно прошедшего времени? Его ведь не вернуть. Да, не вернуть. Никакого времени не вернуть. Полезного и бесполезного. Будет жалко, что бы ни делал. Ушедшее время всегда жалко. Почему не провести его дома, попивая пиво и наблюдая солнце. Есть ли на свете большее чудо, чем солнце? Яркий горячий диск на небе. С ним хорошо. В ясный тёплый день. Что бы ни было, с ним хорошо. Есть ли на свете большая загадка, чем солнце? Почему оно появляется и исчезает каждый день? Есть ли большее чудо на свете, чем восходы и закаты? Все краски мира берут от них начало. Конечно, солнце – замечательная вещь на нашей планете, но есть много других замечательных вещей. Как можно их не посмотреть, не испытать? Каких вещей? О, их великое множество. Неужели не видишь? Посмотри вокруг. Мир полон чудес. Наверно, но есть ли одно, способное затмить солнце? Посмотрите на него. Чудо из чудес. За ним никуда не нужно идти. Сиди дома и наблюдай. Не такое оно и чудо. Обычная звезда. Каких мириады во вселенной. Сгусток раскалённой материи, атомов и частиц. Да, верно, сгусток, как всё остальное вокруг. Нет на свете никаких чудес. И незачем за ними гоняться. Нет, не может быть так. Не для того нам дана

жизнь. Оглянись вокруг. Как много всего. Нетраханых баб? Для чего нам дана жизнь? Объясните, пожалуйста. Только не вытаскивайте из жопы. Не выдумывайте. Докажите. Я вам охотно поверю. Я с удовольствием поверю. Убедите, пожалуйста. Только не выдумывайте. Докажите. Так, чтобы разумному человеку стало ясно как дважды два. Вот он, смысл, аккуратно расставленный по полочкам. Выбирай на вкус. Я охотно поверю. Помоюсь чисто в душе, надену чистые штаны и рубашку и выйду в свет. Пить пиво, жрать закуски, трахать баб. Отправлюсь за чудесами света. Только убедите. Как тебя можно убедить, если у тебя закрыты глаза? Открой глаза и посмотри вокруг. Открыты, больше некуда. Болят. Ничего не вижу. Да и вы ничего не видите. Вытаскиваете всё из жопы. Из своей жопы. Вы не зрячие, вы слепцы. Благодарите за это кого хотите. Вашей заслуги в этом нет. Такие вам выпали карты. А мне другие выпали. Я зрячий. Благодарите за это кого хотите и оставьте меня в покое. Так всем хорошо – и вам, и мне. А то вдруг тоже прозреете. Плохо вам станет, лучше не пробовать. Очень плохо. Я привычный, я родился таким. Нам тебя не убедить, если ты сам этого не захочешь. Выбор твой. Ты не знаешь, как много теряешь. Я-то знаю. Это вы не знаете, что имеете. Держитесь за него и держитесь от меня подальше. Я зрячий, я смелее вас, но много несчастней.

Он спал на веранде, укрытый тёплым одеялом, на своём любимом шезлонге, ровном и широком, как кровать. Он на-

ткнулся на него случайно в магазине и поразился его роскошности. О, это для меня. На нём я буду спать на своей веранде. Больше такие ему никогда не попадались. Жалко, что не взял сразу два, про запас. Ничего, он добротный. Странный шезлонг, непонятно кем сделанный. Из далёких мест. Широкий, ровный и крепкий. На века. Ему хорошо спалось под своим тёплым одеялом, тоже не с нашей планеты. Лёгким, тёплым одеялом, сделанным умелыми заботливыми руками. Тщательно, на века. Оно будет греть кого-нибудь на этом шезлонге, даже когда те умелые руки исчезнут навсегда. Может, они уже исчезли.

Давно спряталось солнце. Появились звёзды среди редких облаков. Мириады солнц делились своим светом. Он крепко спал, неразличимый сгусток материи, затерянный среди света далёких звёзд.

*

Он встал рано утром, позавтракал и отправился за девочками. Всю ночь снились. Хорошее, свежее утро. Соседский джип не тянул. Он давил на педаль до отказа, но скорости не прибавлялось. На мосту в машину вошёл свежий воздух океана. Ему вдруг захотелось к большой воде. После моста он сразу встал на ведущую к гавани дорогу. Девочки подождут.

Он подъехал как можно ближе к набережной по пешеходным дорожкам и мостикам небольшого парка, остановился,

вышел из машины и направился к воде.

Начинался превосходный день. Ветер приносил свежесть. Закрылись глаза. Здесь мне надо бывать почаще, а не на веранде. Океан живой, не бывает ничего живее. Шум неспокойной воды, шум ветра. Сюда надо приходиться. Для чего-то всё образовалось. Как может быть иначе? Из океана вышло. Так говорят. Откуда им знать. Никогда не узнать наверняка. Есть что-то в этой воде. Наводит на мысль. Живой.

Он открыл глаза и невольно прищурился. От света, ветра и брызг. Когда-нибудь придётся вернуться. Не может человек один. Не может? Всегда один. Не всегда. Один не имеет никакого смысла. Опять о смысле? Сколько можно? Со смыслом уже всё ясно.

Ладно. Чего ты хочешь? Не так уже тебе хорошо дома на веранде. Хреново тебе. Хреново. А когда не было хреново? Неужели нельзя ничего придумать? Неужели всё так безнадежно? Давай, думай. Нужно было поехать за девочками и домой. Сейчас съездим.

Чего ты хочешь? Я знаю, чего хочу, только этого нет на свете. Ну да. На свете всё есть. В одном только случается иногда недостаток. В ненасытности. Неуёмной, бездумной, безграничной ненасытности. На ней держится мир. Да, знаю, её несправедливо делят. И пусть. Она так же бессмысленна, как и всё остальное. Хватит об этом. Нужно решить, что делать с этим экземпляром. Он будет жить, это ясно. Он будет жить, пока есть солнце, пиво и океан. С ним что-то нужно

делать. Он не хочет возвращаться. Ну их всех. Тогда не нужно ничего делать. Пей пиво, наблюдай солнце и океан.

Да. Устал. Закрывать глаза и залечь, ни о чём не думая. Год, два, три. Сколько понадобится. Чтобы ни одной мысли не осталось. Чтобы выветрилась самая последняя, самая глубинная. Все до одной. Ни одной нельзя доверять. Устал. Чтобы ни одной мысли. Они все опасные, в каждой что-то таится. Расслабишься, а она тебя тут же по голове. Все опасные, все до одной. Лечь камнем на дно океана. Устал. Нужно убираться отсюда. На другую планету, в другую галактику. Куда? От себя не убежишь. Никогда не пробовал. Нельзя убежать от себя. Людям удаётся. Куда? На север, на юг, на запад? На восток? За линию горизонта. Что там? Притвориться, что не знаю. Зачем притворяться? Не знаю. Что там за линией горизонта? Другой берег, другая вселенная? Откуда мне знать? Любопытство – осторожная сестра ненасытности. А вдруг там всё по-другому? Другие мысли, другие порядки, вдруг там радостно? Откуда мне знать? Из книг, карт, географии? Откуда они знают? Они там были? Нет, они там не были. Там никто не был. Там ничего сейчас нет. Ничего нет у нас, кроме линии горизонта. Что за ней?

Устал. Так больше нельзя. Отправлюсь. Смотри, как дразнит. Как будто что-то видно, тёмное, продолговатое. Корабль, баржа. Ничего нет. Только вода. Играет со мной. А за ней ещё вода. Но в конце концов что-то должно быть. Она ещё никого не обманывала. Не знает как. Надо за горизонт.

Иначе опять придётся разбираться с пальцем. А может, решить сразу, и дело с концом? Нет, это не для меня. Это тоже очень и очень глупо. Когда всё ещё есть солнце, пиво и океан. Рискованное дело. Прикончит меня океан. Тогда и взятки гладки.

Нужно найти такую же лодку. Лучше не найти. Ему она не помогла. Значит, ничего нельзя было сделать. Лучше мне не выбрать. Точно такую же. Ему не помогла. Зачем он туда отправился? Звал. Почти согласился. Ну да, почти. Тянул, тянул и отказался. Знал, что не соглашусь, но тянул до последнего. В лодке для тебя есть место, он сказал. Примирительно. Это он умел. Зачем было затевать? Заглянуть за горизонт. Всегда чуть-чуть впереди меня. Может, он там меня ждёт? Устал. Приеду домой и выпью все три бутылки. Чтобы только голова не болела.

Из-за горизонта возникали волны, прокатывались мерно, подталкивая друг друга, и ударялись с шумом об укреплённый берег. Весёлые, игривые дети большой воды. Чувствуешь нашу силу? Это ещё что, ты не знаешь наших старших сестёр. Они не играют здесь. Здесь им мало места.

По возвращении домой он первым делом принялся искать письмо. Оно оказалось там, где он ожидал – в небольшой металлической коробке в ящике рабочего стола. Он вытащил из конверта фотографию. Большая, справлюсь ли? Он смог, я тоже смогу. Ушёл за горизонт. Кто знает зачем. Звал, значит, не было планов не вернуться. Хорошо звал. Он это

может. А что, если ждёт меня там? Большая. Попробуем. В ушах всё ещё стоял шум океана. Он вспомнил, что забыл о девочках. Всё к лучшему. Он перечитал все подробности о лодке. Не нужно будет далеко ездить, найду где-нибудь в гавани. Зачем он выбрал такую большую? Может, есть лучше, подороже? Полистать журналы. Лучше его не выбрать, сам знаешь. Завтра попробуем.

За ужином он налил в любимую кружку пива, выпил до половины не останавливаясь, и посмотрел на водку. В голову пришла весёлая мысль. Он поднял бутылки с пола и поставил на перила. Где пистолет? Пистолет нашёлся на диване, он взял его, вернулся на веранду и сел в кресло. Сейчас всё проверим.

В магазине не хватало одного патрона. Неужели холостые? Он вставил магазин обратно и снял пистолет с предохранителя. Только бы не промазать, сосед засмеёт. Он навёл прицел на среднюю бутылку, затаил дыхание и медленно спустил курок. В ушах звенело, бутылка осталась на месте. Чёрт! Холостые. Конечно холостые, как иначе? Он прицелился ещё раз и спустил курок. Бутылка разбилась вдребезги. Он нажал на курок ещё два раза. Стараться нужно меньше. Так нужно поступать с водкой. От неё только болит голова. Он налил себе ещё пива.

Когда я смотрелся в последний раз в зеркало? Должна быть дырка в голове. Пощупать. Зачем? И так хорошо. С ней явно легче. Прошлась через самые тревожные участки моз-

га. И ничего. Теперь они не тревожные, их больше нет. Разбросаны по подвалу. И ничего, функционирую. Кому может прийти мысль, что нас кто-то создал? Идиоты. Создать такое существо. Для чего? Для мучений. Такого создателя не почитать нужно, а думать, как до него добраться и рассчитаться за всё. Да с дыркой намного лучше, нужно попробовать её расширить. Что там меня ещё тревожит? Вроде ничего. Пока. Нам ничего не страшно. Грозитесь сделать дырку в моей голове? Пожалуйста. Я её сам сделаю. Как насчёт дырки в сердце. Там тоже должно быть несколько участков. Без них меня нужно было сделать. По такому случаю можно было и спросить. Вам какого сердца? Не знаю, только не этого. Что-нибудь попроще, чтобы качало себе кровь, да и только. Создатель. В морду ему за такую работу.

Пьянею. Храбрость пришла. Хорошая идея. Почему я не согласился? Работа? Смешно. Не хотел сидеть с ним в одной лодке. Как с самим собой. Не осилить. Почему он не вернулся? Он не зря это сделал, у него всё по плану. Ждёт меня там. Давно нужно было отправиться за горизонт. Вслед за ним. Всегда чуть-чуть впереди.

*

Искать, действительно, долго не пришлось. Он обнаружил две лодки уже у самого первого причала. Обе в отличном состоянии. Качаются на воде рядом с совершенно шикарными.

Вот что теперь можно купить за деньги. Как всё изменилось. Он не стал отвлекаться.

Навыки медленно, но возвращались. Поначалу даже мотор вздумал не заводиться. Обыкновенный, вонючий мотор. Чихал, покашливал, притворялся. Не на того напал. Сначала на упрямстве, затем на возрастающей уверенности ему удалось привести лодку в движение. Через полтора часа он был под полным парусом в гавани, чувствуя большую усталость и свежесть чувств.

Это было их второе, после скал, совместное увлечение. Тоже по принуждению. Родители согласились помочь с одной лодкой. У них самих таких денег тогда ещё не было. Одна лодка на двоих. На родительские деньги. Вдвоём, понятно, намного легче. Почти каждые выходные на воде. Они сделали несколько отличных путешествий. Было о чём рассказывать. Пока работа вдруг не приобрела важность. Брат стал плавать в одиночку, пока не потерял лодку где-то в шторме. Родители поклялись, что больше не потратят на это ни гроша. Но к тому времени они уже сами научились разменивать время на хорошие деньги.

В лодке не до соперничества. Нужно работать вместе. Они работали, у них хорошо получалось. Родители очень на это надеялись. Лодки уже тогда были дорогие. У них была очень хорошая лодка. Утопил её где-то, мерзавец. «Нужно было отправиться со мной, если так жалко. Вдвоём, может, спасли бы». Его искали тогда два дня, стоило кучу денег родителям.

Но нашли, целым и невредимым. Не то что во второй раз.

Они сложились на свою вторую лодку. Шикарную. Брат выбирал, у него всегда находилось для этого время, хотя его время тогда стоило дороже. Везде успевал, ненасытный. А потом взял и уплыл за горизонт. Может, он там меня поджидает? Что нужно брать с собой за горизонт? Серьёзное дело. Придётся перечитать письмо, писал, кажется, подробно.

Он заметил, что вышел из гавани, когда почувствовал холод ветра. Ого! Он развернулся обратно и стал искать в кабине что-нибудь из одежды. Ничего не нашёл, кроме начатой бутылки виски. Он сделал большой глоток и закрыл бутылку. Ветер охлаждал спину. Настойчивый ветер из-за горизонта. Что ты там видел? Там холодно? Почему ты такой серьёзный?

*

Почти всё необходимое нашлось в остальных лодках у причала. Он пошарил ещё по нескольким причалам. Письмо содержало множество полезных подробностей, пропущенных когда-то. Обстоятельства ему не занимать. Даже три бутылки любимого виски. На спиртное у него уникальный вкус. Эту гадость никто больше не пьёт. Двух хватит? Возьму три, может, у него там кончилось. Столько времени прошло. А то придётся выслушивать.

Последние дни перед отплытием он жил на лодке. Ста-

ла мучить самая большая проблема. Куда? В письме ничего об этом не говорилось. Из гавани, понятно, а потом? Никто не знал куда. Поэтому и нельзя было искать. Уплыл, хорошо, что родители не дожили. Не знаю куда. Где потеплее, север отпадает. Он рассматривал карты со странным чувством. Есть там всё это? Откуда они знают. Нарисовали линий. Там ещё никто не был. Там ещё ничего нет. Только горизонт.

*

За день до отплытия он решил поехать за девочками. Может, никогда больше не увижу. Взять с собой? Место есть. Нет, не такое путешествие. Или живую, или никакую. Плавать с силиконовой. Погода портилась, небо закрылось тучами, запахло дождём. Завтра в поход. Завтра другая жизнь.

В магазине нечем было дышать, но у него уже накопился опыт. Он открыл входные двери настежь и направился вглубь к задней двери. Всегда есть задняя дверь. Он открыл её, подождал, пока сквозняк принесёт свежего воздуха, и вошёл внутрь. В длинном коридоре фонарь высветил надпись на одной из боковых дверей. Он открыл её и направил фонарь внутрь.

Заказы. Для тех, кто не желает доставки домой. Он стал заглядывать в коробки. Алиса обнаружилась в третьей, на полу. Популярная модель? Остальные коробки почему-то стояли. Он присел рядом.

Привет. Он не был готов к такому обороту дел. Луч фонаря освещал то туловище, то ноги, но не доходил до лица. Ничто в природе не пропадает, не исчезает. Круговорот. Забрала река в одном месте, и вот, пожалуйста, объявилось в другом. Долго плавала? Он посидел немного, закрыл коробку, встал и вышел из комнаты.

Закрыв за собой главную дверь, он сразу вспомнил, что забыл закрыть заднюю. Эх... оставить? Нехорошо, он вошёл обратно в магазин, закрыл дверь и опять оказался на улице. Пошёл бы дождь, чем эта тяжесть. Или лучше пришёл бы ветер и разогнал всё это безобразие. Завтра отплытие. Выйду в любую погоду. Ну да. Выйду, что тянуть? Отправиться сейчас, всё готово? Он ехал не спеша по мрачным и неприветливым прямым улицам. Заехать на работу? Посидеть в своём кресле. Как в старые добрые времена. Соскучился. Ещё немного – и буду вспоминать со слезой.

Невозможно в себе разобраться. Непосильная задача. Самая главная задача человека ему не по силам. Здорово придумали. Одному не прожить. Какой глупый эксперимент. Кто его придумал? Кто же, кроме тебя? Одному никак.

Отправлюсь за горизонт. Ничего, кроме горизонта, у нас нет. Мысли всегда впереди, но и они не за горизонтом. А там, куда никто никогда не попадает. За горизонт нужно добратся самому и посмотреть своими глазами, пощупать. Устал от мира? Размечтался! Ты же его не знаешь, не видел. От себя устал. Здоровый с виду мужчина, а внутри пустота. Ка-

ким сделали. Меня не спросили. Теперь уже поздно. Прозрел. Как можно этого не видеть? Ничего вокруг нет. Всё придумано, высосано из пальца. В лучшем случае. Ладно, проехали.

Ты всё правильно сделала. Правильно вычислила. Определила. Только права у тебя на это не было. Права участия. Не знаешь, как это невыносимо – быть определённым. Может, знаешь, может, уже познакомили. Тогда жестоко. Думал, что пластилиновый. Думал, смогу быть всем. С тобой я мог бы быть всем. Остался самим собой. Ты правильно сделала. Мне тоже нелегко с собой. Думал, что смогу быть всем. Была надежда.

Ты, конечно, всё правильно сделала, но у тебя не было права. Появилась надежда. Неожиданно. Ты всё могла. Ты бы смогла. Смешную грудь вперёд. Конечно, она не смешная. Настоящая грудь. Может, с этого всё рухнуло? Но с ней хотелось играть, как с резиновыми мячиками. Немного смешная всё же. Что плохого в смешной груди? Полновесной. В ней будет много молока. Хотелось увидеть её полной молока. Сделать так, чтобы она стала полной молока. Но ты всё правильно сделала.

В одиночку тяжело, в одиночку невозможно. Вдвоём, вместе. Одной большой кучей. Живые, мёртвые и те, кто придёт. Все вместе, может, одолеем, в одиночку невозможно. А что, если и вместе невыносимо? Скучно, тяжело, бессмысленно? Тогда в одиночку. Тогда плохи твои дела.

Где ты, моя Алиса? С тобой всё казалось возможным. Рядом с твоими смешными грудями. Казалось важным, есть на свете важные вещи. Наполнить молоком эту грудь. Она хорошо пахнет, свежееобнажённая. Телесный запах, быстро уходящий. Важные вещи, над которыми не нужно задумываться. Ни в коем случае не задумываться. Нельзя. Над ними можно не задумываться. Простые вещи. Их нужно делать, их нужно испытывать. Такие простые, что не нужно задумываться. Ни в коем случае не задумываться.

Мягкие губы. Обыкновенные женские губы. Их много вокруг, они все мягкие. Эти мои. Отзываются. Их нужно испытать. Их лучше испытывать не задумываясь. Как почти всё остальное на свете. Мы в странной игре. Вот тебе разум, постарайся не давать ему много воли, постарайся держать его под контролем. Заберите. С ним трудно. С ним невозможно. Не отдашь, никто не отдаёт. И мягкие губы. Оценили, не отозвались. Тоже при разуме. Я такой же мужчина, как все. Всё у меня есть, было. Пошло бы хорошее потомство. И другие вещи, которые нужно делать не задумываясь.

Нужно было тебя не спрашивать. Захватить, овладеть. Откуда тебе знать, чего ты желаешь? Никто не знает. Я такой же мужчина, как все. Ничуть не хуже. И я не знаю, чего хочу. Оказалось, что тебя. Хочу тебя, твои мягкие губы и смешные груди. Я знаю, что обманываю себя. Таких губ и грудей вокруг море. Но что мне остаётся делать? Нельзя прожить не обманывая себя. Я хочу тебя, Алиса. Хочу наполнить мо-

локом твою грудь, хочу испытать твои мягкие губы. Их нужно испытывать не задумываясь. Ты могла научить меня этому. Не захотела. Что ты там могла вычислить? Глупости. Не нужно было спрашивать. Овладеть. Да... Мы себе этого не позволяем больше. Не принято. Вот и ходим порознь. Откуда ей было знать, что я её самая лучшая защита? Я и сам не знал. Не понимал. Но мы себе этого теперь не позволяем. Сами себя создаём. Сами умные. Но лучше не получится. Лучше не может быть. Разве что через миллионы лет. А мне нужно сейчас, меня тогда не будет. Упустил. Нужно было не спрашивать.

Он повернул в сторону океана. В конце совершенно прямой улицы небольшой скверик, а за ним океан бьётся о высокий берег. Разогнаться до предела, проскочить через скверик – и в океан на полной скорости. Нельзя, невозможно, не дадут. Подумали уже об этом. Там в конце дороги врыты бетонные столбы. Не пустят, размажусь о них. Хочешь разбиться – пожалуйста, а в океан нельзя.

Он надавил на педаль акселератора. Машина неуверенно отозвалась. Не похоже на соседа, не следить за техникой. Он давил на педаль до отказа. Машину стало трясти, он держался за руль двумя руками. Совершенно прямая улица. Рациональная, неестественная. Если попадётся яма, даже небольшая, выбросит. Нет на ней ям. Он смотрел не отрываясь вперёд. Показалась темная линия скверика, там, в конце её, столбы. С самыми лучшими намерениями. Нельзя. Он убрал

ногу с педали, машина начала терять скорость. Перед столбами пришлось притормозить.

Прокатались. Из всего бессмысленного на свете эта – самая бессмысленная идея. Завтра в путешествие. Рассуждаю о свете, а сам не знаю о нём ничего. Нужно за горизонт. Там нет ничего, что нарисовано на картах. Откуда им знать? Там ещё никто не бывал, никто, кроме меня, не может побывать. Но я-то должен. Завтра в путешествие. Кто это со мной играет? Неужели я сам? Я же не игрушка. Ничего не изменилось. Просто стало немного легче. Без них, без мира. Не прибавилось смысла, просто стало легче. А смысла без них не найти. Его ведь нет, не может быть. А одному тем более не найти. Одному уже нет совершенно никакой надежды. Только легче немного. Совсем немного.

Вдвоём. Вдвоём есть надежда. Витала надежда. Появилась вдруг откуда-то и исчезла там, куда уходят все надежды. Вдруг появилась. Под просвечивающими глазами. Откуда было знать, что они оценивали? Думал – познают. Открывался. Вдвоём. Вдвоём никогда не пробовал. Вдвоём может получиться. Была надежда на смысл. О чём она думала? Поди узнай. Не нужно было спрашивать. Откуда ей знать, что она хочет? Никто не знает. Была надежда, не нужно было спрашивать.

Расклеился. И всё из-за куклы. Отвернула голову точь-в-точь. Уплыла, нет её больше. А у этой шея ровная. Ещё не успели. Вернуться и трахнуть. Не задумываться. Вытащить

на улицу и трахнуть на тротуаре. Такие вещи мы себе ещё можем позволить, слава богу. Он завёл мотор.

*

К утру погода выправилась, он этому не удивился. Он проснулся рано, но растянул завтрак. Солнце сушило подмокшую за ночь лодку. Город засветился ярко-жёлтым отражённым светом. В такие моменты он почти похож на убежище людей. Время надеть тёмные очки. Он допил кофе и пошёл заводить мотор.

Через час он уже был на полных парусах, бушпритом в сторону восходящего солнца. Путешествие началось. Устойчивый ветер отдалял его бодро от берега. Он смотрел вперёд, туда, где ничего не было видно, кроме, соединённых, воды и неба. Он ждал, когда уйдут овладевшие им с утра чувства.

Ему стало страшно. Как только он проснулся в яхте с самой первой мыслью, что сегодня в дорогу. Непонятный, нелогичный страх. Из самых стойких. На который не действовали ни замечательное солнце, ни попутный ветер. Он приготовился его перетерпеть, делать это становилось всё трудней и трудней. Берег исчез, и он остался один на один со своим страхом. Он был уверен, что не повернёт обратно, но легче от этого не становилось. Позади ничего нет. Там тоже нет никакого спасения. Там нет ничего, ничего не осталось позади. Только вся его жизнь. Ничего не осталось в пустом

городе, лишь исчезающие следы его жизни и других. Ветер развеял, растворил в воздухе без следа. Как будто не было. Остались лишь предметы всех видов. И за них тоже взялись. На них нужно больше времени. И только. И их развеет. Позади ничего нет. Нет там никакого спасения. Он смотрел вперёд. Ничего у нас нет, кроме горизонта. Там ещё никто не бывал. Мне нужно туда добраться.

Он обернулся назад, только чтобы проводить уходящее солнце. Он ничего не ел целый день и очень устал. Ветер стих, он ждал приближения ночи. Ужин закончился в полной темноте. Он лёг спать с большой надеждой на глубокий сон. Его надежды оправдались.

*

Ничего не происходило. Кроме того, что всходило и заходило солнце. Непонятно откуда берущаяся рябь на воде. Движение воздуха, которое не намеревалось стать ветром. Редкий всплеск воды о качающуюся от его редких перемещений лодку. Делать было совершенно нечего. Последний ветер затих много дней назад. Кажется, на второй день после отплытия. Он не знал, где находится. Несколько десятков километров от городского берега, сотня, тысяча. Он ещё не потрудился определить. Что объяснят координаты. Точные координаты. Чего, где? Никакие координаты ему не помогут. Он, наверно, в другом измерении. В каком другом? Не знаю.

Там, где приборы беспомощны. Вот это какое путешествие. Приключение. Которое хотелось сделать давным-давно. Всегда хотелось. На него нет никогда времени. Время никогда нельзя остановить, замедлить. Но можно направить в другое измерение. Выйти из вечного, бессмысленного течения. Направить в другое измерение. А что там? Другое измерение. Там я. Там слышен мой голос. Там я хозяин. Ну что, это моё измерение? Красота.

Неподвижность мира одолела его, усыпила, подавила. Ничего не происходило. Большую часть времени он смотрел в ту сторону, откуда приходит солнце. Оно исправно приходило и уходило. Никакого ветра, кроме движения воздуха, которое не решалось стать ветром. Трудно поверить, что оно вызывает даже эту лёгкую рябь. Кроме солнца, на небе ничего больше не появлялось. Никаких облаков, ни лёгких, ни тяжёлых. Ночью появлялись звёзды, но он в это время спал. Звёзды из другой игры. Глупо рассматривать звёзды посередине безмятежного океана, неизвестно где. Звёзды из совсем другой игры. Не показывайте мне их. У меня и без этого хватает загадок. Мне хватает солнца на небе. И луны. Куда подевали луну? Он ещё не видел луну. Как так может быть? Может, днём не замечаю в ярком солнце? Луна ночью хорошо. Куда подевали луну? Серебристая дорожка на воде. Такая может куда-нибудь привести. Лунный след.

Он часами всматривался в глубину. Большая вода лежала под ним неподвижная, беззвучная, голубая. Ни рыбки,

ни водорослей. Где я? В течении? Никаких признаков движения воды. Их не может быть. Всегда в каком-нибудь течении. Поднял глаза – и не узнаёшь ничего вокруг. Всегда куда-то несёт.

Он опустил руку в воду. Тёплая. Неужели там тоже ничего нет? Даже на самом дне. Ни одной рыбки, ни одного живого существа? Кого спрашиваю? Самого себя?

Всё. Конец дороги. Полный штиль. Только течение несёт неизвестно куда. Хоть какой-нибудь ветер. Я тоже не знаю куда. Куда-нибудь, за горизонт. Откуда мне знать? Кто я? Что я знаю об этом мире? Спрашивайте у того, кто всё это заварил. А мне дайте ветер. Я хочу туда, за горизонт. Здесь меня никто не ждёт, я никому не нужен. Да, убегаю от самого себя. А что остаётся делать? Невозможно? А что возможно? Что об этом говорить? Я хочу за горизонт. Дайте мне ветер!

Рука произвольно водила по воде. Взмутить волну. Высокую шумную волну. Разбудить большую воду. Океан тоже мёртвый. Ничего там нет? Даже на самой глубине. Не приготовили для меня ничего? Огромную рыбу? Кровожадную. Пускай придёт и прикончит меня. Чего вам ещё нужно? Всё отдал, ничего у меня больше нет. Ничего не было. Что ещё осталось? До чего ещё не добрались? Мои мысли, мои поступки, вся моя жизнь – всё ваше. Ничего нет моего. Моё тело? Руки, ноги, голова? Кровь? Хотите моей крови? Берите. Он вытащил из кармана свой складной нож. Пиратский, разбойничий нож. Оттягивает карман. Всё равно приятно. Та-

кой нужно носить на поясе. Карманный. Он нажал на кнопку. Кровожадная форма. Пройдёт без труда через человеческую ткань. И ты туда же? Берите. Он потрогал пальцами лезвие. Острее быть не может. Всё умение цивилизации в одном лезвии. Изгиб, наточка. Острее не бывает. И ты тоже хочешь моей крови? Хоть чьей.

Он провёл лезвием с силой по своей ладони и стал смотреть на мгновенно выступившую кровь, не чувствуя боли. Только обильная кровь. Она растеклась по ладони. Первая капля упала на лодку. Он опустил руку в воду, по-прежнему не чувствуя боли.

Он устал водить по воде рукой. Она свисала, неподвижная, по запястье в воде. Кровавые мутные сгустки расходились в разные стороны, опускались вниз. Не хватит моей крови, чтобы замутить такую воду. Проглотит и не заметит. Растворит. Не нужно никаких чудовищ. Только очень много воды. Неразличимый сгусток материи. Зачем столько шума? А что, уйти тихо, беззвучно? Попробуйте сами? Неужели нет охотников на мою кровь? Кто там прячется? Выходи. Забирайте. Зачем было её давать? Выходи, кровожадная тварь. Вот он я, вот моя кровь. Не отказывай себе ни в чём. Придумали. Члены вам за это поотрывать. Такие глупости.

Потеряю сознание и свалюсь в воду. Нет, не свалюсь. Начну разлагаться на солнце. Есть ли микробы? Начну ли разлагаться без микробов? Найдут способ. Подвинуться поближе к краю?

Не пускают за горизонт. Никому туда нельзя. Ничего там нет. Всё. Глупые надежды. Эти оптимисты мира. С чем вы приходите сюда? С тем же, что и я. Надеждами, глупыми надеждами. Даже на чудовище не хотят потратиться. Акулу. Где акулы? Приходите, разорвите на части. Погуляйте за мой счёт. Всё какая-то польза. Нет, это слишком драматично, слишком по-человечески. Не вы здесь заправляете. У нас свои порядки. Хреновые у вас порядки. Устроители мира. Не разобраться в них. Не говорите, что не старался. С самого рождения. С самой первой мысли. Не разобраться. Только подумаешь, что нашёл, вот он – мой угол. Моя позиция, моя жизнь, моё счастье. И сразу что-нибудь появится всё исправить. Какая-нибудь мысль, какое-нибудь отклонение. Кому от этого весело? Мне не весело. Я положил на вас всех. Устроители. Члены вам поотрывать. Чтобы сгнули. Вместе со мной. Я не слабак. Я просто не дурак. Давай впрягайся, тяни со всеми. Или ты слабак? Не можешь как все? Все тянут, никто не жалуется. Дураки, потому и впряглись. Я не слабак. Я сильнее вас всех. Вы слепые, а я зрячий. И всё равно столько тяну. Не знаете, что это такое. Слепые. Столько тяну. Это, думаете, вам было бы по силам? Столько тянуть.

Всё, хватит. Источник надежд иссяк. Всё, что там было. Надежд больше нет, конец жизни. Откуда они берутся, надежды? Есть где-то их источник? Туда бы добраться. Тогда можно жить вечно. Надеждами живём. Иссяк, больше ничего нет. Несправедливо разделили. Может, был расточителен?

Держаться за них нужно было. Откуда силы? Держаться. Наверно, я слабак. И зрячий. Неудачная комбинация. Биологически бесперспективная. Возьмите меня, раздерите на части. Насытитесь моей кровью. И больше таких не делайте. Не жильцы.

Исчезла рябь. Он обратил внимание на совершенно гладкую поверхность воды. Стало ещё тише. Значит, был всё же какой-то шум. И тот утих. Шум моих мыслей. Ладонь пощипывало. Он вынул её из воды. Кровь почти перестала сочиться. Морская вода. Или вытекла вся? Ладонь начала болеть. Он держал её здоровой рукой и осматривался по сторонам. Что-то изменилось. Стало ещё тише. Воздух застыл.

Нужно делать что-то с рукой. Отрубить, чтобы не болела. Он залез в каюту и достал аптечку. Он долго возился, и, когда снова вышел наружу с аккуратно обработанной рукой, солнце подготавливалось к заходу. Оно скроется сегодня немного раньше. На горизонте появилась тёмная полоса. Он смотрел на полосу не отрываясь. Подошло солнце и стало в ней исчезать, растрачивая невозможные краски. Он провожал солнце как в последний раз.

Через несколько часов чернота закрыла широкую полосу звёздного неба. Задул ветер. Он увидел вспышки света.

*

Он готовился к шторму так, как следует готовиться к са-

тому настоящему шторму. Он знал, что идёт самый настоящий. По-другому не могло быть. У него нет никакого опыта подготовки. На него идёт его первый в жизни настоящий шторм. Можно ли прожить всю жизнь, не дождавшись такого шторма? Можно прожить всю жизнь. Безмятежно прожить. Неужели это возможно? Без настоящего шторма. Безмятежно. Нет, так не бывает. У каждого есть свой шторм. И мой идёт, самый настоящий.

Его беспокоило, что приготовления получились короткими. Первым делом он перечитал инструкцию. Ему обещали, что лодка непотопляемая. Нужно только правильно её загерметизировать. Закрыться наглухо. Он закрыл все иллюминаторы и люки. Не пропустил ни одного, проверил несколько раз. Хорошо, что лодка маленькая. Их совсем немного. Раздва и обчёлся. Неужели это всё? Такой шторм идёт. Он перечитал инструкцию несколько раз.

Остался только входной люк. Для него ещё не пришло время. Он убрал парус и вещи с палубы. На всё ушло слишком мало времени. Он немного беспокоился. Что ещё? Идёт большой шторм. Самый большой шторм в его жизни. Самый первый. Что ещё нужно делать? Ждать. Непотопляемая. Он на это рассчитывал. Больше рассчитывать не на что. Только положиться на тех, кто задумал и построил мою лодку. Надеюсь, что каждый из вас сделал свою работу честно, ребята. Больше мне надеяться не на что. Не на себя же. Одному не справиться. Уверены, что построили что-то, что сможет вы-

держат такой шторм? Всем штормам шторм. Устоит против неудержимой силы? Она ведь правит всем. Неужели сможем, ребята? Непотопляемая? Мне сейчас нужна абсолютно непотопляемая лодка. На вас только надежда. Одному не справиться. Я знаю, что должен выполнить свою часть. Я сделал, всё сделано, как вы велите. Закрыто, убрано. Последний люк остался, но для него ещё рано. Неужели сможем?

Он беспокоился, что больше нечего делать. Только ждать. Ветер усиливался, приходили всё более сердитые волны. Показались вспышки молний. Он пока не слышал грома. Есть время. Что ещё можно сделать? Только ждать. Непромокаемый плащ защищал от усиливающихся брызг. Только лицо принимало воду без страха. Он радовался своему лёгкому беспокойству. Оно лёгкое, о нём не нужно беспокоиться. Я не боюсь. У этих ребят умные головы и умелые руки. Она непотопляемая. Сколько бы ты ни бесился. Нечестно? Один на один? Посмотри на меня, посмотри на себя. Одному мне не справиться. Не выжить. У этих ребят умные головы и умелые руки. Посмотрим, кто сильнее.

Всё равно я тебя не боюсь. Разбей мою лодку о дно, расколи на части. Я тебя не боюсь. Бездумная, безжалостная сила. Ты не моей породы. Я тебе не пешка. Нет в моём сердце для тебя места. Мы с тобой разной породы. Придёт время, и тебя одолеют. Я тебя одолею сейчас. Неси свой шторм. Всю свою бездумность и бесцельность. Я её поглощу без остатка. Я не пешка. Я сильнее тебя. Разнеси меня в щепки. Придёт вре-

мя, и тебя одолеют. Я сильнее тебя. Мне бы только научиться жить. Научиться быть счастливым. Поговорить с ребятами, которые сделали мою лодку. У них умные головы и хорошие руки. Они моей породы. Нужно найти тех ребят.

Пришли устрашающие волны. Он лежал, пристёгнутый, в закрытой наглухо кабине, мысленно осматривая каждый шов, каждую прокладку лодки. Непотопляемой лодки. Он чувствовал, что волны поднимают его выше и выше. Это только начало. Через какое-то время пришла первая волна, которая опрокинула его с лодкой вверх дном. Они вернулись в нормальное положение в ожидании следующей такой же волны. Затем пришло время, когда он не знал, где верх, где низ. Лямки крепко держали его тело, но не могли удержать мысли в его опустошённой голове. Мысли отправлялись в другие далёкие места и возвращались обратно. После неожиданно сильной встряски, падения, рывка. Волны нарастали раз за разом, безжалостные. Это я смогу выдержать, это ничего, можете мотать меня так сколько хотите. Это ничего. И вдруг обрывается сердце и падает вместе с ним на дно ещё более глубокой пропасти. Господи, если ты есть. Мысли всё чаще уходили в другие, отдалённые места.

Наконец он очнулся и поверил, что шторм достиг самой высокой точки. Всё, хуже не будет. Тужится, но не может больше. Так уже было. Так меня уже бросало. Приглушённая радость приготавливалась овладеть его телом. Он ничего не боится. Слабо добавить? Лодка вертелась и качалась во

все стороны, падала вниз, поднималась вверх. Его непотопляемая лодка. Она будет так держаться до скончания веков. Сделанная ребятами с умными головами и умелыми руками. Почему я не знаю этих ребят. Где они? Вместе они обладают большой силой. Такой шторм, всем штормам шторм.

Он держался из последних сил. Я самое слабое звено моей обороны. Моё тело нельзя так долго болтать из стороны в сторону и сверху вниз. Я самое слабое звено. Не знаю, какие ребята меня спроектировали. Они многое упустили. Он чувствовал тошноту, пустоту в голове, боль от удерживающих лямок. Он не знал, что чувствовал. Мысль о том, что шторм ослабевает, приходила и уходила как второстепенная, одна из многих. У него не было сил её поддерживать. Не было сил для подъёма духа. Всё равно. Пускай бесится сколько хочет. Никакого спасения нет. Быть не может. Один шторм уйдёт, придёт следующий. Не успокоятся, пока не опустят на дно, пока не потопят, не захлебнут в солёной воде. Нет никаких сил. Когда всё это кончится. Всё должно кончаться когда-то.

*

Было невыносимо душно. Он открыл глаза и сразу попытался встать. Лямки удерживали с болью. Он неловко растегнул их и встал. Духота. Он начал открывать входной люк. Дело двигалось не так быстро, как требовало изнурённое тело. Он задыхался от жары, наружный свет слепил сквозь ил-

люминаторы. Наконец люк поддался. Прищуривая глаза, он вышел наружу, вдохнул свежего воздуха и присел.

Вокруг было спокойно. Свежий ветерок приносил мелкую волну. Безжалостно светило на чистом небе солнце. Его многочисленные отражения слепили глаза. Он вернулся в душную каюту за тёмными очками. Намного лучше. Он глубоко дышал, ожидая, когда рассеется туман в голове. Последние остатки шторма.

На лодке не было видно никаких повреждений, ни снаружи, ни внутри. Он не знал, конечно, что делается под водой, но и там должно быть всё в порядке. На плаву. Он почувствовал жажду и голод, зашёл внутрь приготовить что-нибудь поесть и с жадностью набросился на свои припасы.

Вкус завершившей еду чашки кофе вернул ощущение реальности. Он начал с привычного вопроса и сразу почувствовал огромную усталость. Где я? Сонливость навалилась на него с неожиданной силой. Он не смог бы ей сопротивляться, даже если бы хотел. Спать. Через открытые люки доходил шум и свежесть океана.

Он проснулся ночью по необходимости. Его ждал большой сюрприз – начинающаяся луна. Он радостно поприветствовал её и вернулся обратно продолжить сон.

Проснувшись утром, он не помнил никаких сновидений, только ощущение чего-то волнующего и тревожного. Привычное ощущение. Он поднялся, вышел наружу и не сразу удивился, увидев перед собой берег. Совсем недалеко. Пес-

чаный пляж, а за ним густой тропический лес. Не город. Город в другой стороне, далеко от тропического леса. Суша. Через некоторое время он вспомнил о бинокле.

От бинокля оказалось немного пользы. Лес слишком густой, пляж и так хорошо видно. Вдали возвышались холмы или горы. Устойчивый ветер нёс лодку к берегу. Вскоре её нос врезался в песок. Он вступил в воду и увидел рыбу, вспугнутую шумом его шагов. Сердце учащённо билось.

После долгого поиска на границе пляжа и леса он нашёл подходящий кол, вбил его в песок, привязал лодку и сел. Шум океана перекрывал шум леса позади. Лес тоже шумит, он слышал его, когда подходил близко. Похоже на птичьи голоса. Куда его занесло? Сколько длился шторм? День, два? Я был очень голодный и усталый. По крайней мере два дня. Может, от страха проголодался? Долгий был шторм.

Свежий бриз смягчал жар солнца. Он лёг на песок. Солнце стояло высоко в белой дымке неба. Всё то же солнце. Солнце всегда одно и то же. Одного хватит всем.

Куда меня занесло? Он был уверен, что приборы не помогут. Он там, где ещё никто не был. Нет на картах этого места. За горизонтом? Неужели приплыл? В воде плавает рыба, в лесу шумят птицы. Приплыл куда хотел? Сильный был шторм. Мог разбить в щепки, утопить. Принёс сюда. А может, он не смог, может, у него не хватило сил? Меня так просто не возьмёшь. Расхрабрился. Привязал себя к лодке. Хорошо хоть в штаны не наделал. Никакой моей за-

слуги нет. Просто попалась непотопляемая лодка. Спасибо ребятам. Когда-нибудь их нужно будет найти и поблагодарить. Без них я ничто. Нужно к ним присоединиться. Больше нам не на что рассчитывать. Только держаться вместе. Почему мне ещё никогда не встречались такие ребята? Которые знают, как одолеть самый большой в жизни шторм. Как построить непотопляемую лодку. Нужно много знать и много уметь.

Жажда и голод вернули его опять к реальности. Он открыл глаза. Нужно только не забыть не бояться жить. Ни на одну минуту, ни на одну секунду. Там в воде плавает рыба, в лесу кричат птицы. Пора отправляться на охоту. Он встал и огляделся. Начнём с рыбы. Он направился к лодке за гарпунным ружьём.

Стайки подходили близко и затем уносились в стороны, отпугнутые тенью лодки. Он ждал крупной рыбы. Через некоторое время он спрыгнул с лодки и пошёл вдоль берега к выступающим из воды камням. Среди камней он подстерг достойную добычу. Третий выстрел оказался удачным. Он вытащил гарпун из трепыхающейся рыбины и вернулся к лодке. Через час рыба поджаривалась на огне костра. Ветер уносил дым в сторону леса. Он следил за жаркой и поглядывал на лес. Какие там ждут его опасности, какие чудеса? На сердце было спокойно. Он вдыхал вкусный запах жирной поджаренной рыбы.

Рыба была очень вкусная и почти без костей. Он облизы-

вал пальцы. Зря поймал такую большую. Он отбросил остатки в сторону и вдруг подумал – где же чайки? Какой океан без чаек? Он пошёл к воде помыть руки.

Вода обтекла щиколотки и отошла. Он ждал следующей волны, чтобы домыть руки. Очень жирная рыба. На песке много разного рода рачков. Обыкновенный морской берег, обыкновенная солёная вода. Почему нет чаек? Он обернулся в сторону леса. Что там? Пришла большая волна и замочила его ноги до колен. Он отмыл последние жирные пятна.

До вечера ещё много времени. Не было никаких причин откладывать знакомство с лесом. Он не допускал никакого страха. Нужно идти в лес. Он вернулся к лодке, чтобы приготовить.

Ружьё соседа не входило в стандартное снаряжение лодки. Ребята почему-то думали, что плавать нужно без ружья. Странно думали. Для ружья оказалось не просто найти место. Нашлось. Откуда я знал? Он надел кроссовки, взял ружьё, патроны, бинокль, фляжку с водой и спрыгнул на песок. Лес зазвучал громче по мере удаления от воды. Он вступил в него.

Растительность не была такой густой, как казалось со стороны. Он поднимался по некрутому гладкому и широкому гребешку к тому, что казалось вершиной большого холма. Он вспугнул несколько птиц, разного вида и размеров. Мясо есть. Он не видел ничего живого на земле, и это его совсем не беспокоило. На некоторых деревьях висели незнакомые

плоды. С этим делом нужно быть осторожным. Он намеревался добраться до верха холма.

С высоты холма открылась длинная полоса берега. Он неожиданно увидел в бинокль большие стаи птиц у воды. Чайки. Вот они где. Там, где много рыбы. Длинный берег заканчивался в одну сторону тёмной полосой непонятного происхождения, в другую сторону был закрыт изгибом высоких утёсов. Обыкновенный, банальный прекрасный морской берег. Он испытывал облегчение и лёгкое разочарование.

По дороге вниз он услышал шум воды и обнаружил довольно большой ручей. Он напился свежей прохладной проточной воды и наполнил фляжку. Хорошо. Он решил спуститься по ручью и узнать, куда он впадает, но быстро оставил затею из-за густоты растительности. В океан впадает, куда ещё. Пройдусь по берегу и найду. Будет хорошее место для лагеря. Он взобрался опять на гребень и спустился по нему к лодке. Путешествие заняло несколько часов, он чувствовал усталость.

На ужин он поймал и зажарил ещё одну рыбу. Появились чайки. Он стал бросать им остатки своей еды. Закончив с рыбой, он сварил кофе на свежей воде и сразу почувствовал разницу. Солнце скрылось за холмами. Он воткнул рядом с удерживающим лодку колом ещё пару кольев для надёжности, вытащил спальные принадлежности и расстелился на песке под большим одиночным камнем.

Он укрылся с головой покрывалом от ветра, от мира и сра-

зу заснул с непривычным спокойствием на сердце. Завтра проверю приборы. Это место, наверно, есть на карте. Сосед уже ищет своё ружьё и машину. Придётся долго объясняться.

Ему слышался нежный голос. Волнующий женский голос. Который не может обмануть. Всё есть на самом деле. Всё, что он обещает. Звучный, ласкающий сердце. Влажные губы, волнистый волос, мягкие линии бедра, груди, овал гладкой щеки. Всё в этом голосе, в его тонах и вибрациях. Исходящих с влажных, женских губ, обдуваемых солёным морским ветром.

Над ним светила нарастающая луна. Над одиноким чувствующим существом. Затерявшимся. Появились такие с некоторых пор на этой планете. Откуда они пришли. Зачем? Они растут в числе. Новая сила во вселенной? Они хрупкие и уязвимые. На что можно рассчитывать в этом мире, если ты не сделан из самого прочного материала, неразрушимого. Нет ничего неразрушимого в мире. С этим луна соглашалась. Нет ничего неразрушимого, но есть очень прочные вещи. Они думают, что они тоже неразрушимые. Что огонь их души не погаснет. Как мой свет. Луна светила своим ровным, вечным светом. Дерзайте, стремитесь, если вам так нравится. Я буду светить вам до тех пор, пока могу, пока время не разотрёт меня в мелкую пыль. Нет ничего вечного на свете. В этом его самая большая грусть и самая сильная надежда. Ищите. Только на вас надежда. Может, вам это

удастся, хрупкие, уязвимые существа. Может, вы откроете самую главную истину – зачем? Зачем всё это? Возможно, вам это удастся. Только хочу вас предупредить. Может, эту истину нельзя открывать. Потому что за ней больше ничего нет.

Пришёл прилив и выпрямил лодку. Накатывающиеся волны размывали песок вокруг трёх кольев. Вскоре и сами колья раскачивались на воде вместе с лодкой и морской пеной. Потом вода начала уходить.

*

Море безжалостно слепило. Он вытирал слёзы и продолжал всматриваться в серебристо-блестящую рябь. Он тяжело дышал и присел, чтобы отдохнуть. Лодки нигде не было видно. Он всматривался в каждую тёмную точку на горизонте. Реальную или вымышленную. Нет. Нет нигде. Унесло течением? Он повернул голову в сторону соседнего холма. Часа два, не меньше. Придётся идти. Нужно спешить. Он ещё раз осмотрел открытое с его высоты водное пространство, торопясь и со всей внимательностью, на которую был способен. Нет, отсюда её не видно. Нужно идти на другой холм. Он быстро зашагал. Перед самым верхом путь преградили крутые скалы, он полез, не оглядываясь назад. Скалы закончились, он вышел на ровную макушку холма и внимательно огляделся вокруг. Поторапливая и сдерживая себя.

Лодки нигде не было видно. Волны, чайки, ветер, и свет не так слепит. Солнце поднялось высоко. Пересохло в горле и подсасывало в пустом желудке. Он сидел на высоком камне в усталой нерешительности. Ещё на один холм? А вдруг? Может, она там, за теми холмами? Ветер дует к берегу. Не могла уйти в море. Нужно идти.

По дороге к третьей точке наблюдения он пересёк ручей и утолил в нём жажду. Фляжки-то нет. Фляжка в лодке. Обзор с вершины холма оказался до обиды ограниченным. Мешали близлежащие высокие холмы. Нужно туда, на тот холм. Ещё пять-шесть часов. Если удастся обойти низом два холма перед ним, то, может, быстрее. Надо идти.

Наступала темнота. Еле передвигая ноги, он спустился к ближайшему ручью и напился воды. В животе бурлило от плодов, которые он, наверно, напрасно съел. Но живот не сильно беспокоил. Для беспокойства не оставалось сил, он очень устал. Стало совсем темно, только слабое свечение неба. Он отыскал вслепую ровное место, набросал на него мелких веток и листьев, всё, что мог нащупать руками, и лёг на приготовленное ложе. Последней была мысль о том, что ночь тёплая.

Ему снилось, что они вдвоём в своей лодке. Начинался превосходный день на воде, такой, который грех провести по-другому. День солнца, ветра и простора. Они ещё не решились, где остановятся. Брат настаивал на причале, возле известного на всём побережье ночного бара. Там мы обязатель-

но подцепим какую-нибудь парочку. Можно и больше, если есть желание. Он думал об Алисе, но не высказывался вслух. Впереди целый день в их лодке, в их мире, понятном и простом. Он вдыхал свежий воздух. Один из редких дней, когда они ладили, почти терпели друг друга.

Глубокой ночью брат уступил ему лодку и отправился со своей подружкой на пляж, бросив последний долгий взгляд на зад его подружки. Завтра он будет о ней расспрашивать. У них своя лодка, свой мир. Простой и понятный.

Проснувшись утром, он сразу забыл свой сон, осталось только приятное ощущение, которое быстро вытеснялось страданиями усталого, голодного тела, обнаружившего себя на жёстком неудобном ложе малообещающим утром. Затем пришли мысли о еде. Он сидел на примятых ветках и прислушивался к голосам птиц. Наконец он встал, подошёл к ручью, напился, умыл лицо и увидел в воде серебристую рыбу.

Через несколько часов он нашёл свою постель под камнем и подумал о подводном ружье и защитных очках. И о многом другом, унесённом с лодкой. Растяпа. Он принёс с собой немного воды в скорлупе плода. Мучил голод. Вскоре он поджаривал на костре пойманную его первым копьём рыбу. Копьё оказалось одним из самых его удачных. Отличный баланс, прочное остриё, заточенное пиратским ножом. Человек с ножом нигде не пропадёт. Он с жадностью набросился на рыбу и съел почти всё, бросив чайкам лишь жалкие остатки. Им не следует рассчитывать больше на его щедрость. В

усталой голове было мало мыслей. Тем более мыслей о будущем. Он не умрёт от голода и жажды. Нужно, прежде всего, хорошо отдохнуть. Было довольно светло, когда он искупался голый в океане, подсох на приятном ветерке, лёг в постель и укрылся с головой. Он не ожидал никаких снов. Усталое тело просило только об отдыхе. Ночью его опять навестила благосклонная луна.

*

Она стояла у края воды спиной к нему. Он увидел её сразу, как только открыл глаза. И замер, ещё не замеченный, в необычном волнении и смущении, ощущая под одеялом свою наготу. Она наклонилась и подобрала что-то с берега. Его глаза не отрывались от её загорелых бёдер. Она наклонилась ещё раз молодое тело вперёд, подобрала с песка что-то и положила в небольшой мешок, который держала в другой руке.

Он не был уверен, что это сон. Это мог быть только сон. Ветер развевал её длинные волосы. Только они прикрывали нагое тело. Он не знал, что делать, и искал глазами свои шорты. Он не мог вспомнить, где разделся.

В лицо дул приятный тёплый ветер. С самого момента, когда он открыл глаза, он ощутил свежесть и силу в теле. Он сразу всё вспомнил, все свои вчерашние приключения, но ни огорчение, ни тревога не последовали. Он чувствовал себя

хорошо. Благодатный, банальный прекрасный берег. Гостеприимный. Если бы только не собственная глупость. Ничего. Лодка отыщется. Ветер всё время к берегу. Почему-то всё время к берегу. Значит, в открытое море не унесло. Нужно искать вдоль берега. Знать бы, в какой стороне. Ничего, их всего две. Он как раз раздумывал о том, с какой стороны начать поиск, когда увидел силуэт на берегу и понял, что ещё не проснулся.

Недалеко от него была занята своим делом молодая нагая женщина, какая может появиться только на пустынном песчаном берегу. Во сне. Обдуваемая тёплым морским ветром под лучами ласкового утреннего солнца. С развевающимися на ветру волосами. Она была занята чем-то важным, она что-то собирала в небольшой мешок. Раннее солнце, отражённое волнистой водой, слепило его глаза. Тело женщины то утончалось, то совсем исчезало в игре света, то появлялось во всей полноте. Её голова несколько раз повернулась в его сторону. Возможно, она уже знает о его присутствии.

Он лежал в растерянности. Где моя одежда? Оставил у воды? Наверно, тоже унесло отливом. Растяпа. Это же сон. Он слегка приподнялся, чтобы лучше осмотреться. Он искал свою одежду. Женщина повернулась лицом к нему, их глаза встретились. Он неожиданно для себя резко вскочил. Незнакомка испуганно вскрикнула и побежала прочь.

Через некоторое время он побежал за ней, удивляясь скорости своих ног. Он побежал не сразу, он растерялся сна-

чала и продолжал искать свои шорты. Затем он увидел, что она уже далеко, что она уже скрылась за изгибом берега. Он побежал вдогонку. Побежал легко и свободно. Не торопясь. Никуда она от него не денется. Одинокая нагая женщина на пустынном берегу. Он её ни за что не упустит. Некоторые участки его мозга продолжали верить, что это сон, другие участки начинали сомневаться. Остальным частям его тела было всё равно. Он бежал, вдыхая бодрость морского воздуха, оставляя глубокий след в песке. Крупного, мускулистого мужского тела. Он бежал быстро, преодолевая сопротивление ветра.

За изгибом открылась бесконечная, почти прямая песчаная полоса и одинокая фигура на ней. Расстояние между ними, казалось, не сократилось. Он прибавил скорости. Никуда она от него не денется. Он заметил, что она оглядывается. Устаёт. Они оба бежали вдоль кромки воды, по плотному мокрому песку. Под его ногами слышался хруст ракушек. Иногда он наступал на что-то твёрдое, причиняющее боль. Он не обращал на боль внимания. Всё его внимание на фигуре впереди. Он прибавил скорости, чувствуя, что тоже устаёт. Ему никак нельзя её упустить. Это будет самой большой неудачей в его жизни. Он здоровый крепкий мужчина. Никакой женщине от него не уйти.

Она вдруг изменила направление и побежала от воды. Он ринулся ей наперерез. Ноги вязли в мелком сухом песке, он удивлялся выносливости своей добычи. Она бежала так же

быстро, как он. Ветер поддувал им в спины.

Она ошиблась с переменной направления. Путь в лес преграждали высокие крутые скалы. Женщина упёрлась в них и повернулась к нему лицом. Они оба тяжело дышали. Он был рад неожиданной удаче, начав терять уверенность. Он остановился в десяти шагах от неё. Она продолжала держать в руках свой мешочек. Она смотрела не отрываясь на него. Он видел страх в её глазах. Никуда ты не денешься от меня. Он сделал шаг вперёд, она сорвалась с места и побежала вдоль скал. Он настиг её, когда она пыталась обогнуть преграждающий её путь огромный валун, и схватил за руку. Она вскрикнула и повалилась на песок. Из её правой руки выскользнул большой камень. Он отодвинул камень ногой в сторону.

Они оба не произнесли ни одного слова. Что из того, что они умеют говорить? Словами ничего не прояснить, ничему не помочь. Словами ничего не передать. Ни чувств, ни ощущений. Слова ничему не могут помочь. Мужчина настиг женщину. Они как на ладони друг перед другом. Одно слово может перевернуть всё вверх ногами.

Она сидела у его ног, опираясь руками в податливый песок. Он опустился на колени и встретил сопротивление её рук своими руками. Он повалил её на песок и развёл её руки в стороны.

*

Болела голова. Он открыл глаза и ничего не узнал вокруг. Через некоторое время он понял, что находится в пещере, в которой много света. Одна сторона пещеры ярко освещалась прямыми солнечными лучами. Он повернул голову в сторону источника света и увидел арку широкого проёма, сквозь который виднелось чистое белесоватое небо. Он приподнялся, в голове отдалось. Он нащупал на лбу повязку, но не решился надавить на неё сильнее. Под ней болело. В пещере вкусно пахло.

Затем он увидел женщину. Она заметила его движение, подошла и присела рядом. Они смотрели друг другу в глаза. Он всё вспомнил. Он не помнил, почему болит голова. И как он оказался в пещере. У женщины были красивые спокойные глаза. Она протянула ему небольшой сосуд. Он понял, что это вода, и почувствовал сухость во рту и в горле. Он сел, взял сосуд из протянутых рук и большими глотками опустошил его. Она забрала сосуд из его рук. Её глаза спросили, хочет ли он ещё. Он отрицательно покачал головой. Она поднялась и отошла в дальний угол пещеры, вернувшись быстро с чашкой, наполненной чем-то вкусно пахнущим. Он почувствовал голод. Он следил за женщиной не отрываясь. Вот чем пахнет в пещере.

Она сидела рядом на коленях и смотрела, как он ест. Он давно не ел такой вкусной еды. Возможно, никогда не ел. Они смотрели друг другу в глаза. У неё очень красивые глаза. Он почти всё помнил. Встречу, погоню. Как настиг её у

валуна. Он не помнил, как оказался здесь и почему болит голова. Она тоже всё помнила, он видел это в её глазах. В них было так приятно смотреть, он часто отрывался для этого от еды. Они всё помнили. Они знали, почему у него болит голова и как он оказался в пещере.

Он чувствовал необходимость в словах. Он не знал, какие произнести слова. Не знал, поймёт ли его хозяйка пещеры. Он боялся слов. Слова могут перевернуть всё вверх ногами. Слова очень опасная штука, когда дело касается мужчины и женщины. Она сидела рядом с прекрасными выразительными глазами. Может, больше ничего не нужно.

Он съел всё и отложил чашку в сторону. Она догадалась, что он больше не хочет. Они молчали. Он помнил всё. Он не жалел о сделанном. Наоборот. Воспоминания были приятными. Он только хотел и боялся произнести слово.

Необходимость заставила его встать. Она поднялась вслед за ним, смотря вопросительно. Он направился к проёму и замер в шаге от него. Внизу был отвес. Он развернулся лицом к хозяйке. Она указала на небольшую нишу в стене пещеры.

Ниша вела к ступенчатому скальному спуску. Осторожно выбирая, куда поставить ноги, он через несколько минут оказался на пляже и узнал большой валун. Он обошёл валун и вдруг обнаружил, что на нём нет никакой одежды. Он обратил внимание на одинокий камень на песке. Со следами крови. Он догадался, чья это кровь, и бросил камень на песок. Он осмотрелся вокруг. Начинался день. Сколько он провёл

без сознания? Неважно.

Поднимаясь обратно в пещеру, он удивлялся, как ей удалось занести его наверх. Может, он был тогда в сознании. Хозяйка встретила его у входа. Наверно, наблюдала за ним всё это время. В освещённой части пещеры вокруг большого камня, служившего столом, стояли три служившие стульями камня поменьше, каждый покрытый чем-то похожим на рогожу. Чувствуя слабость, он сел на один из стульев. Хозяйка села рядом. Она вела себя, как будто у неё нет сейчас никакого другой заботы, кроме ухода за ним.

Он осмотрел уютную пещеру. Повсюду висели, видимо для сушки, всевозможные плоды и травы. В глубине виднелось ложе. Вдоль стен лежали разные предметы из дерева, камня и грубой ткани. Он задумался. Хозяйка сидела молча перед ним. Они разглядывали друг друга без стеснения.

Она была незнакомых ему кровей. С крепкой полной грудью и немного широкими плечами. Тёмными длинными волосами. Но её лицо казалось ему совершенно знакомым. Овал, округлость щёк, мягкие линии губ. И глаза. Совершенно знакомые глаза. Всё знающие и понимающие глаза. Её глаза помнили, что произошло вчера. А может, не вчера, может, позавчера или раньше. Он не знает, сколько он провёл в пещере дней. Он, наверно, никогда не узнает. Каждая минута молчания уменьшала необходимость в словах. Скоро эта необходимость сойдёт совсем на нет. И никогда больше не возникнет между ними. Слова могут перевернуть всё

вверх ногами. Такая их сила. Их лучше произносить внутри себя. Каждый свои слова, своего языка. Их лучше произносить внутри. Когда достаточно того, что уже снаружи. В них нет необходимости. Опасные слова. Они могут перевернуть всё вверх ногами.

Снаружи были глаза. Они всё помнили. Они не сердились, они не прощали. Они здесь. Они видели большое сильное мужское тело. Они видели боящиеся слов глаза. Они не сердились. Они знали, что найдут место для такого сильного мужского тела. Пригодного для стольких многих полезных вещей. Они были готовы заботиться об этом теле. Её прекрасные глаза. Молодой крепкой женщины. С округлыми линиями и мягкими руками. Они были готовы заботиться об этом мужском теле. Боящемся слов теле. Нуждающемся в заботе теле.

Она меняла повязку на его голове. Для этого она повела его в освещённую часть пещеры и посадила на циновку. Возле него стоял сосуд с водой, которой она обмывала рану. Рана болела. Когда он открывал ослеплённые ярким светом глаза, он видел её груди. Немножко в разные стороны, немножко смешные груди. Он чувствовал запах её тела. Жар её тела. Полуденное солнце разогревало их тела. Рана щипала, но он не пытался её потрогать. Он доверял этим рукам. Мягким, заботливым рукам. Он прислушивался к запаху её тела. Громкому запаху.

Она закончила работу. Он открыл глаза и увидел улыбку

на её лице. Он улыбнулся в ответ. Своей женщине. Он знал, что это его женщина. Раз и навсегда. И ничего здесь изменить уже нельзя. Они повязаны навечно. Он наклонился и прикоснулся губами к её груди. Капелькам пота на гладкой коже. Он погрузил в неё свой нос и вдохнул глубоко её запах. Запах своей женщины. Он подвинулся и бережно положил её на циновку. Солнце нагревало их тела.

*

Через несколько дней он отправился в свою первую вылазку. Алиса проводила его, стоя у проёма пещеры. У него была цель. Он отправился за своей одеждой. Больше всего его интересовали шорты. И не потому, что нагота тяготила его. Он чувствовал себя очень свободно вместе со своей нагой женщиной. В кармане шорт должен быть его разбойничий нож. Нож должен непременно пригодиться.

Алиса уже отлучалась из пещеры несколько раз и возвращалась с добычей. Мелкой птицей и один раз со зверьком. Вероятно, из ловушек. По пещере после этого расходился запах вкусно приготовленного мяса, он набрасывался на него с большим аппетитом. Она вкусно готовила. Он не отказывался от разнообразных незнакомых ему плодов. Но что может сравниться со вкусом мяса? Это будет его делом. Охота. Это должно быть его делом. Он вспомнил о своём ноже.

Он нашёл быстро одежду и постель, нетронутую, припо-

рошённую песком. Он вынул из кармана шорт нож. Разбойничий нож. Теперь для тебя найдётся подходящая работа. Рядом лежало его копьё. Самое удачное копьё в его жизни. Откуда он мог это знать? Он подержал копьё в руке. Он отправился довольный домой.

Дома его ждал сюрприз. Алиса отрицательно закачала головой. Она была против ножа. Большое острое лезвие не произвело на неё ожидаемого впечатления. Даже когда он перерубил им для демонстрации толстую палку. Она качала отрицательно головой, её глаза были ещё выразительней. В них был испуг. Нет, нет – говорили они. Он был удивлён и разочарован. Он спрятал нож в карман шорт и сложил всё в сторону. Постель была принята намного благосклонней. Алисе понравилась мягкость и гладкость материи. Она потрогала её руками и удивлённо посмотрела на него. Постель была отложена в сторону вместе с одеждой. Он не возражал. У него не было таких мыслей. Он полностью доверился своей женщине. Это давалось ему очень легко. Он доверился полностью.

Как можно было ей не довериться? Этой прекрасной женщине. Неизвестно откуда взявшейся. Кто она и почему живёт здесь? Одна? Он, наверно, никогда не узнает ответы на эти вопросы. Глупые, никчёмные вопросы. Для них нужны слова. Которые могут перевернуть всё вверх ногами. Ему не нужны ответы. Она живёт здесь. Это он откуда-то взялся. Он сам не уверен откуда. Как он сможет объяснить себя? Это

невозможно. Ей не нужны его объяснения. Она здесь живёт. Может, она всё это время дожидалась его. Как хорошо, что он появился. Что-то по-настоящему хорошее случилось в его жизни. Первый раз. Настоящее счастье. Он чувствовал его приближение. Оно уже здесь. Он вдыхал его вместе с запахом своей женщины. Он взял её на руки и бережно положил на циновку. Свою прекрасную нагую женщину.

*

На следующий день он отправился вместе с ней на охоту. Алиса бесшумно передвигалась по лесистым холмам. От ловушки к ловушке. Он следовал за ней, стараясь производить как можно меньше шума. Ученик, телохранитель, носильщик. Он чувствовал себя прекрасно в любой роли рядом со своей женщиной. На его плече висели две птицы, подвязанные за ноги грубой верёвкой. Одна из птиц довольно крупная. Они нашли её ещё живой, Алиса ловко свернула ей шею.

Он не чувствовал неудобства из-за наготы. Напротив – необычную свободу и лёгкость движения. Они передвигались как два очень умных животных. Чутких, осторожных и решительных. Даже когда во время одной из остановок он положил свою подружку на мягкое ложе из опавших листьев, они предавались своим желаниям так же бесшумно и осмотрительно. Никто не должен знать, что они в лесу, никто не

должен их слышать.

Они могли остановиться на ночь в любом месте. Остановиться надолго, навсегда. Развести костёр, приготовить еду, приготовить ложе под густым деревом и заснуть в объятиях друг друга. Лес принимал его теперь совсем по-другому. Гостеприимный, заботливый лес. В нём есть всё, что им нужно. Алиса находила плоды. Они пробовали их, срывали и складывали в мешок, который тоже висел на его плече. Удивительно много всего было в этом лесу. Они пересекали ручьи, некоторые с рыбой. К его удивлению, Алиса не считала рыбу добычей. Он должен будет её этому научить. Впрочем, ей незачем учиться. Он будет ловить рыбу за двоих, он будет охотиться за двоих. Где-то должна быть крупная живность, достойная настоящего охотника. В их большом и гостеприимном лесу.

Они, конечно же, возвращались в свою пещеру. В их дом, в их мир. Не разделённый ни с кем мир. Под защитой толстых скал, открытый солнечному свету и свежему морскому воздуху. Трудно себе представить более удобную для человеческого жилья пещеру. В которой могут построить свой мир мужчина и женщина. Защищённые и отдалённые от всего, что им не нужно в их мире. Они проявляют благоразумность, не забывая об осторожности. Не бывает чрезмерной защиты, ни одно расстояние не может быть достаточно безопасным. Столько разных сил и течений в мире. Желаний, страстей, необходимостей. Бесконечное множество. Ничего

им не стоит смести на своём пути осмелившихся построить свой мир мужчину и женщину. Они проявляют благоразумность, не забывая об осторожности.

Дома Алиса ловко приготавливала еду. Он помогал, как мог. Разделявал добычу удобным ножом с каменным лезвием и деревянной ручкой. Очень умело изготовленным ножом. Он думал о его происхождении. Он был уверен, что это не Алиса, кто сделал его. Такой нож могут сделать только руки, специально обученные передаваемому из поколения в поколение ремеслу. Нужно знать, как выбрать правильный камень, правильное дерево. Нужно знать, как всё подогнать и скрепить. Удивительно удобное орудие. Не чета, конечно, его разбойничьему ножу, в который не вложено столько умения. Впрочем, возможно, в его нож много больше вложено. Он почти забыл про него. Пускай себе лежит. Он не хотел вызывать испуг на лице Алисы. Обойдёмся.

В один день они отправились к океану, собирать рачков и ракушки. То, что Алиса делала в день их первой встречи. Он прихватил своё копье и удивил подружку ловкостью, с которой поймал две крупные рыбы. Вечером их ожидало лакомство. Он осматривался по сторонам, вспоминая о своей лодке. Он не знал, что будет делать, если вдруг увидит её. Он опасался, что она испугает Алису ещё сильнее. В ней не было ничего из того, что ему было нужно. Разве что кофе, о котором он вспоминал иногда по утрам, и нескольких бутылок виски, о которых он вспоминал иногда по вечерам, по-

сле сытного ужина.

Вместо вечернего виски у них были проводы солнца. Иногда из пещеры, чаще на берегу океана. Огромный красный диск. Всегда одинаковый и всегда разный. Алиса склоняла голову и произносила что-то очень тихое и невнятное. Песню, молитву? Он лежал у ног своей подруги, слышал её голос и смотрел на заходящее солнце. Солнце у нас одно. Одно на всех. Нельзя придумать другое солнце. Мы все под одним солнцем, оно светит нам всем одинаково. Кто ещё есть на свете? Наблюдает за этим солнцем? Наверно. Он не имел никакого представления о том, где находится, в какой точке планеты, какой планеты. Он был счастлив. Он знал, что счастлив потому, что с ним рядом эта женщина. Она сделала этот мир гостеприимным. Лес, море, ветер, солнце. Она знает, что нужно делать и что нельзя. Чего нужно бояться, чего нужно избегать. Как строить свой мир. Нагая женщина с упругим смуглым телом, мягкими руками, мягкими губами и прекрасными, всё понимающими глазами. Он бережно укладывал её на песок.

Когда Алиса показала ему все свои ловушки, он стал отправляться на охоту один. Ему это очень нравилось – быть одному. В безлюдном лесу. Сначала он ходил по маршрутам Алисы, проверял ловушки. В них попадалась живность. У неё всё устроено умело и рационально, у этой женщины. Кто-то научил её этому. Может, это лес создал её и обучил? Все-му, что она знает. Она много знает и умеет, его женщина. На

неё можно положиться. Кто-то научил её всему этому. Он никогда не узнает кто. Для этого им нужны слова. Они оба опасаются слов, которые могут перевернуть всё вверх ногами. Он просто ходил по маршрутам Алисы. Вытаскивал добычу, свернув ей предварительно шею. Мелкой птице, мелкому зверьку. Как раз на сытный ужин одному мужчине и одной женщине. У женщины стал вдруг разыгрываться аппетит.

Он ловил рыбу своим любимым копьём. Никогда у него не будет лучшего копья. Такое бывает только одно в жизни. Идеально сбалансированное по его руке. Копьём намного интересней, чем удочкой. При таком обилии непуганой рыбы. Он ловил рыбу чаще всего в океане. Вдыхал свежий воздух и всматривался иногда в линию горизонта. Она его не манила. Далёкая линия между водой и небом. Не манила. Все обещания здесь, с ним. Там нет ничего, что он может желать. От неё можно ожидать только прихода нежеланных вестей. Она не манила. Тонкая линия.

Иногда он уходил далеко по берегу. В одну из сторон. Несколько раз он увлёкся и вынужден был остановиться на ночлег. Не светила луна. Каждый раз он ругал себя за неосмотрительность и устремлялся домой с первыми лучами солнца. Алиса встречала его горячей едой.

Лодка исчезла без следа. Он стал о ней забывать. Через некоторое время он перестал уходить далеко. Его мир уже и так достаточно широкий. Во все стороны простирается бес-

конечный песчаный пляж. Со стороны суши их защищает высокая горная гряда. Она видна с близлежащих холмов. Высокая скалистая гряда. Он иногда спрашивал себя, знает ли Алиса, что за ней. Он раздумывал о том, что никогда не узнает всего того, что знает Алиса. Может, им начать использовать слова? На каком языке она говорит? Смогу ли я понять её язык? Сможет ли она понять мой? Что толку от непонятного языка? Им лучше обходиться без слов. Слова могут перевернуть всё вверх ногами.

Но чаще всего они отправлялись за добычей вдвоём. Тогда необходимость в словах никогда не возникала. Алисе нравилось нагружать его добычей. Она смотрела на него с любовью, как на послушное вьючное животное. Очень удобное в хозяйстве. Она кормила его и заботилась о нём. И гордилась его силой и выносливостью. И он гордился умением нести на себе много груза и не отставать от быстроногой подружки. Он мог, при необходимости, погрузить и её поверх всего.

Они отправлялись в незнакомые места. Незнакомые ему. По Алисе трудно сказать: она как дома в любом уголке леса. Это её лес, он, наверно, создал её. Для себя. Из жирной земли, чистой воды, свежего воздуха. Смуглую, умелую женщину. Хозяйку леса. Такой она представлялась ему, когда он следовал за ней по незаметным тропам, чувствовал запах её тела, смотрел на её гибкую спину, подвижные ягодицы и крепкие бёдра. Созданные из жирной земли, чистой воды,

свежего воздуха. Она вызывала в нём желание. Такое, которого он никогда не знал. Он не желал так никогда никакую женщину. Он знал, что только так нужно желать женщину. Для этого её создал лес. Надёжную, прочную, крепкую женщину с прекрасными всепонимающими глазами. Её необходимо догнать, попробуй, догони её, быстроногую, умелую. Как дома в любом уголке леса. Догони, докажи, что ты можешь догнать и совладать с ней. Тогда она твоя. Она твоя с головы до ног. Он догонял её, поднимал в воздух и бережно укладывал на мягкую землю.

Однажды он увидел козла. Он уже сомневался, что в лесу водится крупная живность. Козёл пасся на небольшой лужайке, затем, почувствовав что-то, скрылся в кустах. Алиса осталась к большому зверю равнодушной. Она остановилась, увидев его первой, и указала рукой. Они наблюдали за зверем, пока тот не исчез из вида. В лесу есть настоящая, достойная охотника добыча. Настоящего охотника. Это событие воодушевило его. Он всё чаще стал думать об изготовлении лука. Непростая задача. Он не имел представления, с чего начать. Какое выбрать дерево, как изготовить тетиву, стрелы. Он должен всё, прежде всего, хорошо продумать. Он не может показать Алисе какой-нибудь неумело сделанный лук. Смешной. Это должен быть настоящий лук охотника, который не стыдно показать. Алиса, возможно, никогда не видела лука, но это ничего не меняет. Она сможет отличить настоящую вещь от неумело сделанной игрушки. Он старался

вспомнить всё, что знал о предмете. Совсем немного, практически ничего. Он обращал внимание на деревья вокруг, подбирал и осматривал попадающиеся на пути палки. Нужна хорошая гнутая сухая палка. У него было уже несколько на примете. Затем он наткнулся на прямые сухие ветки кустарника, из которых должны получиться хорошие стрелы. Он был также уверен, что сможет подобрать подходящие заострённые камешки для наконечников. В перьях не было недостатка. Тетива заботила его больше всего. Волокно, из которого Алиса плела циновки, казалось для этого непригодным. Толстое и непрочное. Он подумывал о сухожилиях и коже крупного животного. Козла. Задача представлялась непростой. Он не был уверен, что Алиса одобрит добычу козла. Им не нужно столько мяса. А что, если сухожилия и кожа козла окажутся непригодными для лука? Зачем тогда убивать зверя? Он был уверен, что Алиса не одобрит. Но мысли о луке не оставляли. Особенно когда он отправлялся на охоту один. Он представлял себя древним охотником. Какой охотник без лука? Может, сделать ловушку для козла? Это должна быть большая, прочная ловушка. Яма? Он знал, что Алисе понравится яма в её лесу. Эти мысли затихли, потому что козлы ему больше не попадались. Может, им только померещилось.

Но изготовление лука и стрел не остановилось. Он выбрал в конце концов палку и занялся её обработкой. Обстругал, сделал насечки для тетивы. Нарезал и заточил стрелы. Для

этой работы он украдкой брал с собой свой нож. Очень приятно отправляться на охоту с ножом. Как настоящий охотник. Вот ещё бы лук. Он сделал хорошие наконечники для стрел из камней и нашёл способ насадить их на стрелы. Он тихо удивлялся себе и гордился своим умением. Но не решился пока поделиться с Алисой. Он покажет ей готовый лук. Настоящий лук охотника. Он должен ей понравиться. Дело оставалось за тетивой.

*

Алиса занялась изготовлением новой подстилки. Она посвящала этой работе несколько часов каждый вечер. Она тщательно выбирала для неё самые тонкие и нежные волокна из сухих стеблей. В пещере постоянно есть большой их запас. Алиса всегда приносит новые стебли из каждой вылазки в лес. Она раскладывает и развешивает их для сушки по всей пещере. Волокна стеблей хороши для изготовления подстилок, из них изготавливались подстилки всех размеров и назначений. Маленькие под посуду, побольше для сиденья, ещё больше для постели. Алиса сделала большую подстилку для их расширенного ложа. Она любила это занятие.

Алиса опять взялась за изготовление подстилки. Она любила петь свои песни за этим занятием. Едва различимые песни. Может, она говорила сама с собой? Она всегда улыбалась и издавала тихие мелодичные звуки, когда изготов-

ливала подстилки. Звуки казались мелодичней и тише, чем обычно. Он едва их различал. Алиса была поглощена своим занятием. Время от времени она оглаживала тонкую ткань и прикладывала её к своей щеке. Она ещё никогда так не делала. Эту ткань было приятно прикладывать к щеке. Он тоже прикоснулся к ней. И удивился её мягкости и нежности. Алиса выбирала для неё самые нежные волокна. Она ткала необычную подстилку. Это занимало у неё много времени. Дело продвигалось небыстро. Она пела свою тихую песню. Подстилка медленно увеличивалась в размерах.

В один вечер Алиса прервала свою работу, положила руку на живот и посмотрела на него. Он понял то, о чём уже, наверно, знал. Им будет нужна маленькая кровать. Он улыбнулся Алисе, она ответила тихой улыбкой. И принялась за работу. Он смотрел на неё, удивляясь спокойствию своих чувств. Он уже другой человек. Приснилось ли ему его прошлое? Было ли оно? Его не могло быть. Он тоже появился на свет в этом лесу. Созданный лесом для женщины. Нельзя создать женщину и не создать мужчину. Может, его создал океан? Он пришёл из океана. Встретить свою лесную женщину. Его память играет с ним шутки. Он не может быть тем человеком. Он совсем другой.

Он смотрел на живот Алисы. Да, увеличился в размере. Он уже давно заметил это, просто не осознавал. Он осознал теперь, когда она положила руку на свой живот и посмотрела на него. Им нужна будет маленькая кровать. У них по-

вяются беспокойные ножки. Он не отлучится от них никогда. Беспокойные ножки. Когда-то они у него уже были. Нет, у него не было беспокойных ножек. У него есть только память о них. Другого человека. Зачем ему эта память? Он не знал. Ничего на свете не делается зря. Эта память ему зачем-то нужна. Не стоит загружать этим голову. Завтра он займётся изготовлением кровати.

Он сел рядом с Алисой и положил руку на её живот. Её глаза светились. Прекрасные, всепонимающие глаза. Она ткала тонкую, нежную ткань из самых нежных волокон. Скоро ей понадобится много такой ткани. Укрывать, умывать маленькое тело с беспокойными ножками. Он держал руку на её животе. Мальчик, девочка? Двое, трое? Они скоро узнают. Сколько ещё? Когда это случилось? Он смотрел в глаза Алисы. Никчёмные вопросы. Он пытался вспомнить, когда он появился на этом берегу. Разве он не был здесь всегда? Нет, он пришёл из океана, его занёс сюда шторм. Из далёких мест. Несуществующих мест. Там уже нет никого. Они все его покинули. Оставили в покое. Или это он их покинул? Наверно, он. В той бессмысленной жизни. Но ведь это был не он. Это только память. Другого человека. Он помнит его вопросы, его мучения. Он помнит его мучения. Для чего? Этого с ним не произошло. Он пришёл из океана. Тот человек потерялся. Запутался в своей жизни. Его нельзя в этом винить. Как в ней не запутаться? Этого человека можно понять. Только жалеть его не надо. Он нашёл выход. Он ушёл

за горизонт.

Он гладил плотный живот. Когда? Глаза Алисы подсмеивались над ним. Он никогда не узнает. Мальчик или девочка? Может, мальчик и девочка? Готов ли для них мир? Всё в нём устроено для их счастья? Как позаботиться об этом, как проследить? Что нужно сделать? Нельзя давать им жизнь, если мир для них не приготовлен. Теперь уже ничего нельзя сделать. Полюбят ли они наш лес, наш берег? В глазах Алисы нет сомнений. Никчёмные вопросы. Для чего? Без них не будет никаких вопросов. Не будет ничего. В глазах Алисы нет сомнений. Она работает над своей тканью. Почему? Откуда она пришла? Какой шторм принёс её? Какая память хранится в её голове? Я никогда не узнаю. Мне нужно учиться у своей женщины. Мне очень повезло. Другого такого везенья не может быть на свете. Не может человеку повезти больше. Какое у них будет везенье? Никчёмные вопросы. Некоторые вещи на свете нужно делать не думая. Мало вещей, о которых следует задумываться. Но они, к сожалению, самые главные на свете. На них не бывает ответов.

В какой мир они придут? Наш лес, наш берег? Что они увидят, когда откроют первый раз глаза? Смогут ли они увидеть наш лес, наш берег? Беспокойные ножки. От них нужно не отходить, не упускать из виду. Беспомощные. Их нужно охранять и учить. Чистый листок. Их можно научить, как смотреть на мир. Если знаешь сам. Моя Алиса знает. У неё нет сомнений. Она знает, что нужно делать с беспокойны-

ми ножками. Она готовит для них мягкую материю. Мне тоже нужно заняться маленькой кроваткой. Это сейчас самое главное. И ждать. Ждать, когда они появятся на свет. Беспокойные. Беспомощные, беззащитные. Будут с нетерпением ждать дня, когда смогут побежать своей дорогой. Чему их можно научить? Увидят ли они наш лес, наш берег? Как объяснить им, что нет там ничего, за горизонтом? Нужно верить самому. Моя Алиса верит. Она знает, что нужно делать.

Алиса положила свою руку на его и посмотрела ему в глаза. Они могли смотреть друг другу в глаза. Он стал уставать от своих мыслей. Он ждал освобождения. Всё будет хорошо, говорили её глаза. Всё будет хорошо. Это мысли другого человека. О котором я храню память. От неё нельзя избавиться. Без неё не будет меня. Будет кто-то другой здесь с моей лесной женщиной. Всё будет хорошо. Никто не знает, как будет. Можно считать, что будет хорошо. Они должны появиться на свет, беспокойные ножи. Без них ничего больше не будет. Нельзя предсказать, куда они захотят пойти. Нельзя предсказать, смогу ли я защитить их от всего, от чего я хотел бы их защитить. От жизни. От штормов, которые прячутся за горизонтом.

Он устал от своих мыслей, прилёг рядом с Алисой и закрыл глаза. Скоро их будет трое. Может, четверо, может, пятеро. Их будет больше. Мысли другого человека. Утомляющие и бесполезные. Вредные мысли. Мне от них никогда не избавиться. Только научиться жить с ними в мире.

*

Первая его мысль следующим утром была о кроватке. Он предавался ей с тихой радостью. Замечательная утренняя мысль. С такой должен начинаться каждый день. С приятной радостной мысли, как эта. Каждый день.

Он понял, что мысль пришла из сна. Его голова была занята кроваткой всю ночь. Такими мыслями должна быть занята голова каждую ночь. Он уже обдумал всё во сне. Он знает, какую хочет кроватку. Он чувствовал нетерпение и поднялся бы, если бы не голова Алисы на его руке. Он не решался пошевелиться. У неё очень чуткий сон. Она непременно откроет глаза, и в них сразу появятся заботы дня. Она сразу поднимется, её трудно будет удержать. Она не любит нежиться в постели. Пускай спит. Теперь ей нужно это делать за двоих. День только-только начался. Торопиться некуда. Ему, конечно, следует немедленно взяться за изготовление кроватки. Он не знает, сколько у него есть времени. На такую кроватку нужно много времени. У него нет никаких инструментов, кроме пиратского ножа. Ножу предстоит выполнять непривычную для него работу. Для которой он не предназначен. Он выполнит её с охотой. Такой работе нельзя не радоваться. Им предстоит очень много работы. Хорошо бы подняться и приступить к ней немедленно. Но голова Алисы на моей руке. Пускай ещё немного поспит. Она всегда встаёт рано.

Значит, так нужно теперь, для них обоих. Она теперь должна спать за двоих. Может, троих или четверых.

Она будет качалкой. Широкой, чтобы хватило места для двоих. А если трое? Для двоих. Может быть и четверо, и пятеро, и больше. Он посмотрел на живот Алисы. Не очень большой, почти незаметный. Один? Может, ещё рано. Сколько времени у него есть? Хватит на то, чтобы сделать две кровати?

У него в голове полная картина кровати. Он думал о ней всю ночь. Качалка. С решёткой из камыша. С решёткой всё решено. Камыш подойдёт идеально. Гладкий и прочный. В обилии. Остальное придётся выточить из дерева. Ножом. Алисе не понравится использование ножа. Может, для кровати она согласится. Как он объяснит ей, что он хочет сделать? Детскую кровать. Что у неё в голове? О какой кровати она думает? Никакой? Можно класть ребёнка рядом с собой. Может, и так. Но кровать сделать всё равно надо. На всякий случай. А вдруг она понадобится срочно? Её нужно непременно сделать. Он должен знать это. Для него будет сделано всё возможное и невозможное. Или для неё. Для моего ребёнка. Моего мальчика. Или моей девочки. С самого первого момента их жизни.

Он положил свободную руку на живот Алисы. На гладкую кожу упругого живота. Смогу ли я научить тебя не бояться жизни? Она не страшная. Бессмысленное не должно быть страшным. Оно просто бессмысленное. Даже когда страш-

ное. Придёт ли время, когда я смогу тебе это объяснить? Это время придёт не скоро. Или очень скоро. Сначала тебя придётся учить вещам, в которые я сам не верю. Вот что я верю? Но тебе повезло. С твоей мамой. Она научит тебя всему, что необходимо знать. Рядом с ней жизнь не такая бессмысленная. Нам обоим повезло. Я её совсем не знаю. Но это не важно. Я не знаю, откуда она пришла. Она тебе это сама откроет. Научит своему языку. Ты будешь говорить на её языке. Она знает, чему тебя нужно учить. Я выбрал тебе хорошую маму. Я сделаю для тебя хорошую прочную кровать. Будет лучше, если ты будешь говорить на её языке. Во мне живёт память. Другого человека. У него были когда-то беспокойные ножки. У другого человека. Они ушли от него. Он сам ушёл от них. Я не уйду от тебя, как тот человек. Я другой человек. Я построю тебе кровать, такую же кровать. И буду всегда возле неё. Наготове. Всё, что тебе необходимо. Тебе и твоей маме. Она будет тебя учить всему, чему тебя нужно учить. Она учит меня. Во мне живёт память. Другого человека. Я не хочу, чтобы ты попал туда, откуда я пришёл. Тебе лучше не знать моего языка. Тебе повезло с мамой. Нам обоим повезло.

Алиса открыла глаза. Со счастливым блеском. Ей тоже что-то снилось. Он никогда не узнает что. Что-то очень хорошее. Может, детская кровать. Заботы дня ещё не заполнили её глаза. Она улыбалась расслабленно. Ему, своему сну. Тому, что обещает ей начинающийся день. Мягкие изгибы

пробуждающегося тела.

Они смотрели друг другу в глаза. Я тебя не знаю. Откуда ты пришла и на каком языке ты говоришь? Образовалась из воздуха? Из жирной, плодородной земли леса. В самой его гуще, в тени густой листвы. Я тебя не знаю. Ты не знаешь меня. Твои всепонимающие глаза. Ты знаешь всё, что тебе нужно знать. Ты знаешь меня лучше, чем я знаю себя. Мы с тобой говорим на разных языках. Придёт время, и я тоже узнаю тебя. Ты увидишь это по моим глазам. Что ты видишь в моих глазах? Мне хорошо. Это, наверно, счастье. Бессловное, молчаливое счастье. У нас будут беспокойные ножки. Мы не оставим их одних ни на одну минуту. Одной минуты может быть достаточно. Они потом захотят уйти. Ты видишь мои страхи. У меня их много. Слишком много для сильного мускулистого мужчины, который ни во что не верит. Что ты видишь в моих глазах? Улыбаешься. Я, наверно, уже другой человек. У меня нет страхов. У меня есть ты и то, что у тебя в животе. Наш берег и наш лес. Больше у меня ничего нет. Больше мне ничего не нужно. Он подвинулся, чтобы поцеловать её грудь.

*

Дни проходили в работе. Он не хотел опоздать. Кроватка должна быть готова, когда ребёнок появится на свет. Живот Алисы увеличивался в размере. Он не знал, сколько у

него есть времени. А дело продвигалось медленно. Из настоящих инструментов у него есть только нож. Да и тот не предназначен для столярного дела. Он ещё смастерил несколько каменных скребков. Кроме решётки из камыша, всё придётся тщательно полировать. Скребки для этого. Они получились вполне пригодными. Он удивлялся тому, как много можно сделать из подручных материалов. Он смирялся с мыслью, что формы деталей не будут идеальными, но всё должно быть идеально отполировано. Везде, где может коснуться рука ребёнка и Алисы. Но прежде всего детали нужно выточить. Выточить их из больших кусков дерева он не сможет. Он занялся поиском подходящих сухих палок. Этого добра полно в лесу. Он искал во время охоты, прогулок с Алисой и всё остальное свободное время. На песке перед входом в пещеру выросла груда сухих палок и небольших брёвен. Алиса смотрела на неё с улыбкой. Она благосклонно относилась к его работе, несмотря на использование ножа. Она смотрела, как он выстругивает детали, и улыбалась. Она не знала, что он затеял. Она, конечно, догадывалась для чего. Для кого. Для того, кто в её животе, быстро увеличивающемся в размерах. Он хотел поскорее собрать каркас, чтобы она увидела, что он затеял. Но поскорее не получалось. Он испортил много деталей, прежде чем работа по-настоящему пошла на лад. Он вытачивал боковые стойки. Прочные стойки с набалдашниками в виде шаров. Сначала он хотел выточить набалдашники отдельно, но передумал. Чем мень-

ше деталей, тем меньше забот с их креплением. У него нет клея, нет гвоздей и шурупов. Необходима тщательная подгонка. Он еще не придумал, как сверлить дырки в дереве. Без дырок не обойтись.

Так они проводили свои дни. Он устроил мастерскую в светлой части пещеры. Алиса обычно располагалась рядом со своим тканьем. Она уже не ходила с ним на охоту. Живот её замедлял. На её лице появлялась виновато-счастливая улыбка. Зато они гуляли по берегу на закате дня, оставляя глубокие следы на песке босыми ногами.

Наконец пришёл день, когда он скрепил основание кровати вместе с четырьмя стойками и показал Алисе. Конструкция мерно раскачивалась от толчков. Алиса удивилась и заинтересовалась. Видела ли она когда-либо такую кровать? Она смотрела на него с гордостью. Так, по крайней мере, ему казалось. Он был очень горд собой. Он был счастлив. Всё остальное будет легче. Главное, что каркас получился крепким и сбалансированным. Он был очень горд собой. В глазах Алисы появилась задумчивость. Вскоре после этого она занялась плетением циновки из плотных стеблей. Он догадался, что это матрас для кровати. Они хорошо понимали друг друга. Он подумал, что для дна кровати можно использовать плотно уложенные стебли бамбука. Решение обещало ускорить работу. Дело начало продвигаться быстрее, но он сдерживал радость, зная, что заключительные мелкие детали могут занять очень много времени. Его успокаивало, что

Алиса не проявляла спешки. Но она никогда не торопится, его женщина. А завтра возьмёт и родит. Её живот выглядел уже вполне готовым. Она носила его легко и бережно.

Дни проходили. Иногда он останавливался и обращался внутрь себя. И находил удивительно мало мыслей в своей голове. Об удачной утренней охоте, вкусных запахах пещеры, детали кровати в руках и о следующей за ней детали. Об Алисином животе – самом важном событии будущего. Он не знал, когда оно придёт. Оно приближалось с каждым днём. Он смотрел на спокойное лицо Алисы. Она закончила подстилку для кровати и опять вернулась к тонкому тканью. Сколько ей нужно этой мягкой материи? Сколько их там у неё в животе?

Он радовался такому количеству мыслей в своей голове. Никогда их не было так мало. В его большой голове. Их нужно совсем немного. Самых простых, самых чистых. Мыслей сердца, не головы. Спокойствие прочно занимало своё главное место в его голове. Тихое, негромкое спокойствие. Его легко отпугнуть и непросто заманить опять. Оно очень привередливое. Освободи свою голову прежде. Приходи и помоги мне это сделать. Нет, мне неуютно с такими мыслями. Зачем ты пускаешь их? Освободи свою голову прежде. Оно очень привередливое, спокойствие.

Оно часто приходит к нему. Нужно быть готовым. Когда придёт время прижать беспокойные ножки к своей груди, спеть им тихую песню и рассказать всю историю. Весь мир.

Рассказать о его бесконечности. И коварстве. О бессмысленности. О том, для чего нужно жить на свете, для чего появились беспокойные ножки в мире. Для чего они появились в мире? Здесь опасно ошибиться.

Он научился отгонять такие мысли, освобождая место для спокойствия. Для чего? Он научит своего сына охотиться, постоять за себя. Научит не творить зла. Они исследуют каждый уголок их леса, каждый участок берега. В один день он благословит сына на путешествие за перевал, за горную гряду. Сын непременно захочет туда отправиться. Что я знаю о мире, чтобы удержать его? Я научу его своему языку. Он должен говорить на языке своего отца и на языке матери. На двух языках. Когда-нибудь он сможет выбрать для себя один.

Чему я буду учить свою дочку? Тому же, что и сына. Я буду готов. Прижму её к своей груди и покрою её лицо поцелуями. Буду наблюдать, как открывается и расцветает её красота. Маленькой, молодой женщины. У неё будет хороший пример. Алиса сидела рядом, улыбаясь своим мыслям. Кто прижимал тебя к своей груди и покрывал твоё лицо поцелуями? Откуда ты пришла, моя женщина?

Когда мысли в голове разгуливались, он принимался за сверление дырок. Совсем без дырок не обойтись. Чтобы сделать настоящую кровать. Никаких тесёмок и верёвок. Чтобы не стыдно показать Алисе. Без дырок не обойтись. Он изготовил несколько свёрл разного размера из специально подобранных осколков камней, прикреплённых к тонким палоч-

кам. Хрупкий, неэффективный инструмент. Работа с ним требует особого внимания и осторожности. Когда вдруг разгуляются мысли. Он брал в руки сверло, приготовленный для этого маленький лук и принимался за работу. Если сверло крутилось слишком быстро, дерево начинало гореть, если медленно – сверло застревало в дырке. Если надавить на него слишком сильно, оно сломается, если слабо – оно не будет сверлить. Замечательное занятие для очистки головы от лишних мыслей. Дырки получались удивительно красивые. Прямые, с гладкими стенками. Он высверливал их в местах соединений и вбивал туда деревянные цилиндры. Замечательная работа, когда научишься не жалеть на неё время.

Времени в их пещере было в избытке. Как и в их лесу и на их песчаном берегу. Вот оно, густое, неспешное. Незачем его жалеть. Он смотрел на свою Алису. На её тихую улыбку. Он не может опоздать. Он начал сверлить следующую дырку.

*

Лицо Алисы выражало бесконечную гамму чувств. Она к тому же неодобрительно качала головой. Беременность ей шла. Округлость её лица, рук, ног, живота, плодородность всего тела заполняли пещеру. Всё вокруг подчинилось её ожиданию. Ожиданию момента. самого важного момента будущего. Их жилища, леса, берега, всего мира. Прекрасная нагая беременная женщина, переводящая дух на сиденье. Она, наверно, только что присела. Она никогда не сидит

без дела. Он вошёл в пещеру и сбросил с себя тяжёлый груз. Большую тушу обезглавленного козла. Он был очень усталый и смотрел не отрываясь на свою подругу. Он должен был принести ей что-то другое. Маленькую вещь, подарок. Тот одинокий синий цветок с ветреного перевала. Она не ждёт от него никаких подарков. Она их всё время ждёт. Моя Алиса. Больше у меня нет ничего на свете. Больше ничего не может быть. Больше ничего не будет.

Она встала, подошла и прильнула к нему. Он обнял её и погрузил нос в тёмные волосы. Её живот упёрся в его живот. Он был очень усталый и тихо радовался тому, что опять дома. Он ещё раз поклялся не отлучаться больше на такой долгий срок. Он жалел, что не может сказать этого Алисе. Он жалел, что ничего не может ей сказать. Так лучше. Лучше без слов. Многое нельзя передать словами. Ничего нельзя передать словами. Они могут перевернуть всё вверх ногами. Её голова покоилась на его плече. Он ощущал её радость. Ощущал её живот. Нужно сделать ей подарок. Нужно делать ей подарки каждый день. Она не ждёт никаких подарков. Я не знаю, чего она ждёт. Её глаза светятся радостью. Она счастлива. Я не знаю, как светятся счастливые глаза такой женщины. Как они светятся там, откуда она пришла. Откуда она пришла? Её сотворил лес. Я ничего не знаю о ней. Я знаю, как светятся счастливые глаза у женщины там, откуда я пришёл. Знаю ли? Я их никогда не видел. Живые. Только в книгах и на картинках. Откуда они знают, те люди? Из дру-

гих книг и картинок? Ничего этого нет. Есть только Алиса в моих объятиях. Влажные груди, влажный живот. Она что-то делала. Она всегда что-то делает. Только присела отдохнуть. Он взял её на руки и осторожно положил её на их ложе.

Он ушёл на охоту три дня назад. За большой добычей. За козлом. Он надеялся вернуться на следующий день. Может, поздно ночью. Один день, чтобы перейти через перевал на другую сторону скалистого гребня, убить козла, и вернуться с добычей на другой день. Ничего, что обратно будет идти тяжелее. Он будет с добычей. Он сильный мужчина, он потянет. Он хотел принести домой как можно больше мяса. Мясо можно солить и вялить. Зачем его солить и вялить? Он был рад, что Алиса не может задать этот вопрос. Она, возможно, задаёт, но он притворился, что не слышит. Им нужен запас еды. Скоро придёт самое важное событие будущего. Но зачем нам запас? В лесу полно живности, в ручьях и океане – рыбы. Растут плоды. А вдруг переменится погода, ветры? Вдруг живность уйдёт, хотя бы на время, на сезон? Нам нельзя рисковать. Но Алиса не беспокоится. Она обязательно забеспокоилась бы, если бы такое могло случиться. И Алиса не может всё предвидеть, не может знать всего. Никто не может. Всё может случиться в этом мире. Нам нужно быть готовыми ко всему. Ты просто хочешь попробовать свой лук. На большом звере. Он не для мелкой живности, на неё жалко тратить стрелы. Для такого лука нужна настоящая добыча. Которая водится только за скалистой грядой.

Просверлив последнюю дырку в кроватке и забив в неё последний деревянный гвоздь, он немедленно принялся за свой лук. Ему нужно было что-то делать. Ожидание не давалось ему легко. Кроватку поставили на видном месте в пещере. Алиса была ей очень довольна. Она знала, как показать свою радость. На дно кроватки легла циновка, а поверх неё гора мягких тряпок. Всё было готово. Осталось только ждать. Самого главного события. Но ожидание не давалось ему легко. Он принялся за заброшенный лук. Оружие было почти готово. Оставалась только тетива. Он давно подыскал подходящие волокна. Из прочных лиан. Волокна тоже были отобраны и высушены и лежали рядом вместе с луком и десятком стрел в дальнем углу пещеры. Идея о луке потеряла привлекательность, когда стало очевидным, что в лесу нет крупной добычи. Самый крупный зверь, который им повстречался, был тот рогастый козёл. И то не в лесу. Они испугнули его под перевалом, когда отправились за плодами дерева, из скорлупы которых Алиса изготавливает посуду. Эти деревья растут у подножья скалистой гряды. Зверь показался высоко на склоне и затем исчез за перегибом. Он заметил задумчивый взгляд Алисы.

Лук получился на славу. Приятно держать в руках серьёзное оружие. Через несколько дней он уверенно попадал в тонкое бревно с приличного расстояния. После чего отправился в лес и принёс убитую стрелой птицу. Он не обращал внимания на слабую улыбку Алисы и насмешливые огоньки

в глазах. Кто знает, о чём думает эта женщина? Он стал уходить на охоту каждый день. В пещере запахло вяленным мясом. Одним утром он решил, что отправится за козлом. У них должно быть вкусное мясо. Не то что у этой мелкой живности. Он ушёл рано утром, когда Алиса ещё спала. Предстоял долгий день.

Вылазка началась не так, как планировалась. За целый день он едва подошёл к перевалу и потратил следующее утро для того, чтобы перейти через него. На той стороне его ждало изобилие. Он почувствовал усиленную необходимость быть бесшумным, невидимым. Как будто вокруг притаились чуткие уши и острые глаза. Этот лес казался другим, гуще и темней. С высокими ветвистыми деревьями. С высоты перевала, в первых лучах солнца, он увидел, что долина простирается далеко. Никаких возвышенностей до линии горизонта. У него не было времени для более тщательного наблюдения. Он начал спускаться с перевала.

Ему повезло, он вскоре заметил козла. Затем второго. Небольшое стадо. Он притаился за большим камнем. Утреннее солнце вытесняло прохладу утра и очерчивало резкие тени. Оно слепило, тонкие силуэты животных то исчезали, то появлялись в игре света и теней. Он не решался приблизиться к ним. Он осмотрел свой лук с большим сомнением. Охотник. Очевидно, что он не сможет подойти на достаточно близкое расстояние. Такой стреле не нанести смертельное ранение. Игрушка. Разве что попасть в глаз или прямо

в сердце. Где у них сердце? Он подсмеивался над собой. Хорошо, что не придётся рассказывать Алисе. Жаль, что не придётся. Посмеяться вместе. Когда-нибудь они должны научиться говорить на одном языке. Смеяться вместе.

Животные передвигались бесшумно и грациозно. Он любовался ими и через некоторое время не мог представить одно из них мёртвым. Зачем? Даже если смогу донести домой. Мясо возьмёт и пропадёт. Если не жалеть соли, то не пропадёт. Или будет невкусным. Какой у него вкус? Должно быть, хороший. Жареное мясо козла. Он чувствовал голод. Не заметно, что они очень пуганые. Всё равно не подпускают близко. Вон как прислушиваются. Никто на них не охотится здесь?

Он обратил внимание опять на долину. Он был высоко на склоне гряды. Густая лесная масса до самого горизонта. Что там? Не следует спускаться ниже. Домой, к Алисе. Может, она в нём нуждается. Легкомысленная, глупая затея. Не думал, что ещё способен на такие. Хорошо, что не придётся объясняться с Алисой.

Он вдруг заметил движение краем глаза. Козёл. Совсем близко. Животное привлекала короткая зелёная трава на небольшой полянке перед камнем, за которым прятался охотник. Охотник затаился. Козёл застывал на месте, прислушиваясь к округе, щипал траву и застывал опять, медленно приближаясь к камню. Охотник сидел бездвижно, сдерживая дыхание и желание спрятать за камень голову и пле-

чи. Животное его не замечало. Крупный экземпляр. Сердце охотника забилося.

Он не мог пошевелиться. Любое движение вспугнёт зверя. Он приближался к его камню. Он завладел всем его вниманием. Он видел сильные подвижные ноги, круглый бок, чуткие уши и глаза. Ежесекундно глаза козла обращались в его сторону. Они не видели ничего опасного. Уши не слышали никаких опасных звуков. Может, учуял странный запах? Откуда идёт этот запах? От этого камня?

Передняя часть туловища козла вместе с головой скрылась за камнем. Он видел только часть зада животного. Там, под камнем, наверно, вкусная трава. Пришло время действия. Он отложил осторожно в сторону лук и взял в руки большой камень с острым краем. Козёл скрылся из вида. Он стал подкрадываться ближе к краю.

Вот. Голова козла застыла в метре под ним, обращённая в сторону долины. Солнце и ветер помогали охотнику. Он поднял камень над головой и со всей силой опустил его на затылок козла. Раздался хруст. Животное дёрнулось в сторону, сделало несколько шагов и рухнуло. Он спрыгнул с камня и вытащил нож.

Добыча оказалась очень тяжёлой. Ликование продолжалось недолго. Он быстро догадался избавиться от головы, но это лишь задержало его без большого облегчения ноши. Последние остатки охотничьей гордости исчезли быстро. Предстояла тяжёлая дорога. Придётся принести домой

целого козла. Иначе не оправдаться перед Алисой. Такой добычей можно оправдать долгое отсутствие. Она будет им гордиться.

Дорога назад была тяжёлой. Ноша натирала плечи, мешался лук. Стёрлись непривычные к таким нагрузкам ноги. Нужно было взять с собой кроссовки. О том, чтобы бросить добычу или её часть, не могло быть речи. Он шёл целый день до темноты и поднялся рано утром. К вечеру он увидел с холма блеск океана. Скоро. Солнце только зашло, когда он с трудом протиснулся в тоннель пещеры и предстал перед глазами своей беременной женщины. Как хорошо, что не нужно никаких слов. Она обработала его ноги какой-то мазью, накормила и уложила спать.

Весь следующий день он потратил на разделку и засолку мяса. Только вечером он наконец смог позволить себе отдохнуть. В глазах Алисы светилась тихая радость. В пещере пахло жареным мясом козла.

*

Что-то изменилось и стало очевидным, заполнив пещеру. Смутное, малознакомое чувство. Дома. Вот это что такое. Он не испытывал ещё такого. Ему нравилось наблюдать, как Алиса носит по пещере свою ношу. Мелкими шажками, вперевалку. Сколько их там у неё. Много? Наверно, уже подошло время. Скоро. Сколько я здесь? Меньше девяти меся-

цев. Наверно. Кто знает, сколько положено носить этой женщине? Кто знает о ней что-нибудь? Он не отлучался теперь от пещеры надолго и работал над уменьшением запасов солёного мяса. Оно быстро приелось, но он не признавался, наоборот, ел больше, чем обычно. После того как зажили ноги, он стал выходить на берег за рыбой и, чаще, в лес за плодами, которые Алиса поглощала в больших количествах. Живот заметно замедлял её, она часто отдыхала. Она крепко держалась за его руку, когда ноги вязли в песке во время их вечерних прогулок. Всё вокруг ожидало, когда женщина решит, что пришло время освободиться от своей ноши. Может, кто-то должен решить за неё? Кто знает? Наше дело только ждать. Наше? Никому и ничему больше нет дела. Ни воде, ни солнцу, ни ветру, ни белому мягкому песку, ни лесу? Никому нет дела. Только нам. Мне и моей Алисе. Самое большое событие всего будущего. Стали семьёй? Что думает об этом моя Алиса? Знает ли, что она моя? Она носит в себе моего ребёнка. Моя женщина, моя жена. У меня ещё никогда не было настоящей жены. Были беспокойные ножи. Вдруг взялись откуда-то. Или их не было тоже? Не посмел сделать своими. Чьи-то, не мои. Так и остались не востребуемыми. Где они сейчас? Их никогда не было. Эти будут мои. Ни у кого не спрошу.

Можно дать волю мыслям. Куда им деться? Их нужно утомить, заговорить. Это моё счастье? Мой выход из лабиринта? Бессловная женщина? Загадка. Вот она, рядом. Эту за-

гадку можно разгадать. Спроси, она сама расскажет. Если научишься говорить на её языке. Или научишь своему. Она расскажет всё, что знает. Может, совсем немного, но всё. Она просто женщина. Которая доверилась мужчине. Доверилась мне? Откуда она знает, что это разумно? Я сам не уверен. Может, она знает больше меня. Она должна знать больше меня. Иначе мы пропадём. Женщина леса. Откуда ты пришла? Я тебя никуда не отпущу.

Алиса сидела рядом, занятая своим делом. Она редко позволяла мыслям хозяйничать в своей голове. Любим. Им нельзя давать такую свободу. Их нужно занять чем-нибудь полезным. Всегда можно делать что-то полезное. Что-то делать. Не давать мыслям свободы. Её мысли были заняты очень приятными вещами. Игрушки. Она почти забыла о них. Как она могла? Ребёнку нужны игрушки. Погремушки, блестящие вещи. Что-нибудь трогать руками, слушать, играть. Она была занята изготовлением игрушек.

Для погремушек может сгодиться скорлупа некоторых орехов. В скорлупе можно просверлить две дырки напротив, выковырять содержимое. Затем поместить внутрь несколько маленьких камешков и нанизать на тесёмку. Если постараться, получается хорошая погремушка. Она собирала на берегу ракушки. Из них тоже можно сделать хорошие погремушки. Просверлить дырочки и нанизать на тесёмку. Ещё лучше скорлупы орехов. На их берегу много ракушек, разной формы и цвета. Их приносит волна со дна океана. Можно подо-

брать по размеру, по цвету, по форме. Замечательный способ занять свои мысли. Подбирать на берегу океана ракушки, одна к другой. Пустынный берег. С одной стороны шумит океан, с другой лес. Шум океана перекрывает шум леса. Рядом с ней мужчина. Его принёс ей океан. Когда она почти смирилась с тем, что будет всю жизнь одна. Что мир исчезнет вместе с ней. На свете можно прожить одной. Она не знает, откуда он пришёл. Это не важно. Важно только то, что к ней пришёл хороший мужчина. Она знает, как различить. Очень просто и очень трудно распознать хорошего мужчину. Она знает, как это делать.

Морская пена щекочет её ступни и голени, ветер развеивает её волосы, солнце нагревает её живот. И они заняты важным делом. На них держится мир. Я должна принести в него новую жизнь. Мы должны. Без этого в один день мира не станет. Не станет этих волн, ветра и солнца. На чём держится мир?

Ей тяжело поднимать ракушки на песке. Тяжело нагибаться. У неё есть помощник. Он собирает их для неё. На него можно положиться. Он сильный, надёжный мужчина. Он знает цену женщине. Кто его этому научил? Скоро они станут семьёй. Скоро они станут нераздельными. Две половинки одного целого. У них будет ребёнок. Их ребёнок. Никто не сможет это оспорить.

Ей тяжело. Но по-другому нельзя. Иначе в один день не станет ничего. Не станет мира. Этот мир достоин её ребёнка.

Его можно сохранить. Не всякий мир достоин, не про всякий можно так сказать. Она знает. Есть мир, недостойный её ребёнка. Ей повезло, у неё есть выбор. Она выбрала этот мир. Простой и чистый. Самый простой. В нём есть всё, что важно. Есть лес, есть море, есть солнце, есть ветер. Есть её жилище и её мужчина. Есть новая жизнь внутри неё. Больше ничего нет важного в этом мире. Ни одной вещи, ни одной мысли, ни одной идеи, ни одного желания. Закатное солнце отдаёт им последние лучи. Оно торопится, ему нужно быть в другом месте. Оно тоже осталось бы с ними, если бы могло. Но ему нужно быть в другом месте.

*

Пришло, наконец, время. Оно, разумеется, никуда не спешило. Запасы мяса давно закончились, он регулярно выходил на охоту и за плодами, которых требовалось больше и больше. Алиса была ненасытна. Иногда ему казалось, что это они откладываются у неё в животе. Может, там ничего больше нет. Только плоды. Живот разросся до огромного размера, аппетит не отставал.

Никто, разумеется, не думал торопить время. Пускай течёт себе как знает. Куда знает. В какой-то момент на живот было смешно смотреть, затем немного страшно. Потом и это забылось. Всегда был таким. Алиса улыбалась его взглядам и тоже никуда не спешила. Всегда была такая.

Он перестал тревожиться, отлучаясь из пещеры. Ничего не случится. Алиса неизменно встречала его со спокойной улыбкой. Смешная женщина с огромным животом. Они принимались за приготовление ужина. Он научился готовить все блюда Алисы. После ужина они отправлялись на прогулку. Так было всегда. Тёплый вечерний ветерок обдувал их нагие тела, низкое солнце бросало на берег нелепые тени. Когда крепкие ноги женщины вязли в песке, она придерживалась за мужчину. Под босыми ступнями хрустели ракушки, вода щекотала лодыжки. Океан шумно радовался с ними. Свободе, уходящему солнцу и ветру. Ожиданию – лучшей замене счастья. Самой близкой. Океан накатывал на них мягкие пенные волны. Берите, это ваше время. Безмятежного счастья. самого редкого времени в природе.

Надвигающаяся темнота поглощала бесконечность песчаного берега. Тревожащую и манящую бесконечность. Спасибо, темнота. Нет вокруг нас ничего. Ничего тревожного. Ничего нет. Только этот участок берега, угасающий свет неба, большая вода и ветер. Потом они поворачивали спины к ветру и шли домой. Появлялись первые звёзды. В мире ещё держался слабый свет. Они шли, отдавая ветру дыхание и тепло своих крепких тел. Света хватало, чтобы добраться домой.

Вскоре после этого мир совсем исчезал, только доносился шум океана через отверстие в пещере. Исчезал до утра. Если не появлялась своим чередом луна и не открывала берег и мерцающую воду. Но это чаще всего проходило без свидетелей.

лей. Обитатели пещеры в это время уже спали, как послушные дети природы. Приходило время спать.

Не в этом ли секрет счастья? Быть послушным чадом природы. Жить её дарами, жить по её часам. В ней мудрость вечности, самая мудрая из доступных мудростей. Принимать как есть. Всё вокруг и себя. Послушным благодарным чадом. Не в этом ли секрет? Простой, очевидный, недостижимый. Как счастье. Вот оно, рядом, бери. Когда-нибудь мы будем мудрее всего на свете. В счастливые времена. Они будут мудрее всего на свете. Потому что мы непослушные чада природы. Мечтатели. Нет, конечно, не мы, нам не дожить. Но они, когда-нибудь, будут мудрее всего на свете. В счастливые времена. Не в этом ли секрет несчастья? Шумит океан, светит или прячется луна. В пещере спят два послушных чада природы. Послушные поневоле, непослушные чада природы.

Время пришло, когда они вернулись с вечерней прогулки. Время самого большого события всего будущего. Алиса взялась за живот и посмотрела на мужчину. В тусклом освещении пещеры нельзя было хорошо разглядеть выражение её лица, но фигура женщины уже всё сказала. Пришло время. Он помог Алисе устроиться удобно на ложе и добавил в пещере света.

У них было всё готово. Алиса всё приготовила. Кроме ножа. Нож был его заботой. Он помнил о нём. Будет ли Алиса возражать против его ножа? Пришло время проверить. Он достал нож, сел у очага и подставил лезвие к огню под молча-

ливным наблюдением Алисы. Сегодня им может пригодиться острый нож. Тщательно прокалённый, нож лёг на чистый кусок мягкой ткани. На лице Алисе было одобрение. Она молчала. Изредка бросая взгляды на своего мужчину. Он тоже сидел тихо, ожидая указаний. Он приготовил нож. Знает ли он, что нужно делать? Она не могла его спросить. Но это неважно. От него ничего не зависит. Это её работа. Пусть только будет при ней. Приготовил нож. Не принадлежащий их миру нож. Он им не нужен. Ничего такого им не нужно. Для счастья. Она знает, что нужно для счастья. Теперь знает.

Пришло время, когда Алиса не могла молчать. Она давала знать об этом всему свету. Её крики выходили наружу и разносились ветром. Рожает женщина. Сколько их ещё там таких? Или только она одна? На ней одной забота о продолжении времени. Без неё ничего больше не будет. Ни ветра, ни океана, ни луны.

Она держалась за его руку. Сжимала её крепко, до боли. Её боль застала её врасплох. Она была готова к ней. Она сжимала руку мужчины изо всех сил. Пещера никогда не слышала таких звуков. В ней никогда не было так шумно. Что ты знаешь об этом? Никто не знает. Только женщина.

Показалась голова. Алиса отпустила его руку. Руки нужны в другом месте. Голова его ребёнка легла на его ладони. На твёрдые мозоли огрубевших рук. Он слышал громкие звуки Алисы. Ещё немного. Он примет заботы в свои руки. Он хотел участия. В самом важном событии. Освободилось од-

но плечо, затем второе – он держал своего ребёнка в руках. Мальчик. Он поднёс ребёнка к Алисе. Улыбка матери. Больше в этой пещере не повторятся подобные звуки.

Пиратский нож без труда перерезал пуповину. Острое, незатупляемое лезвие. Ребёнок лежал, прикрытый, на груди Алисы. Он уже издал свой первый крик. Один на один с миром. В пещеру проникала свежесть ночи, колыхался огонь очага. На лицо Алисы легла печать заботы. Она смотрела на своё чадо, она смотрела на своего мужчину. Что они сделали? Правильно ли они сделали? Мужчина не знал ответа. Он улыбался женщине. На лице ребёнка появлялись гримасы, он шевелил руками и ногами. Ненасытность. Только с ней нужно появляться на этот свет. Мы желаем тебе ненасытности. Самой неисчерпаемой. Самой бессмысленной, другой не бывает. Только с такой можно выжить в этом мире. Может, к тебе придёт то, что ускользает от нас. Для этого, наверно, мы принесли тебя в свет.

Алиса быстро пришла в себя. Она кормила ребёнка. Была поздняя ночь, но в пещере горел огонь. Ребёнок быстро научился, что делать, на лице Алисы появилась счастливейшая улыбка. Её мужчина сидел рядом. Больше ничего не нужно делать. Только лечь спать. Но прежде нужно накормить ребёнка. Они все устали. Они все в безопасности в их пещере. У них есть всё, что им надо. В груди матери есть молоко.

Он погасил очаг и свечи. В пещеру проник лунный свет. Он подошёл к отверстию и увидел уходящую в горизонт мер-

цающую полосу воды. Что они сделали? Кого спросить? Алиса и ребёнок спали. На ложе есть место и для него. С другой стороны их сына. Нужно тоже лечь и отдохнуть, чтобы встретить завтра со свежими силами. Их трое. Теперь у них есть настоящая забота. Самая настоящая, какая только есть. Ничего не может быть важнее. Они это знают. Он и его Алиса. Нужно только научиться поверить. Сердцем и душой. Вот оно счастье, рядом.

*

Они не признались бы друг другу, даже если бы говорили на одном языке. В этом не признаются. Их взгляды были более откровенны. Но одним взглядам нельзя доверяться в таких вещах. Ничему нельзя доверять в таких вещах.

Их мальчику не выпали хорошие карты. Они мечтали для него о самых лучших, но согласились бы и на просто хорошие. Хотя бы такие, какие выпали им. Их мальчику не так повезло. Он начал свою жизнь с борьбы за свою жизнь. В его маленьком тёмном теле не хватало чего-то. Что-то оно не производило в достатке или производило в избытке. Он непрерывно плакал, надрывая сердца родителей. Но становилось ещё невыносимей, когда он умолкал. Они ждали его первой детской улыбки. Такой простой вещи в мире. Их мальчику выпали другие карты.

Алиса подносила маленький ротик к груди. Она хотела от-

дать ему всё, что у неё есть, все свои силы, всю энергию. Если бы вещи были такими простыми. Их мальчику выпали другие карты. И ничего с этим сделать нельзя. Он борется за свою жизнь. Что-то случилось не так в её животе. Слишком много фруктов? Маленькому тельцу чего-то не хватает. Ему должно всего хватать, что есть у его матери. Простой закон природы.

Мальчик не хотел есть. Алиса сцеживала своё молоко и позже выливала, когда оно пропадало. Он почти ничего не ест. Так нельзя улучшить свои карты. Он не знает, что его сила в молоке его матери. Что-то произошло не так внутри неё. Её мысли? Она не выпускала ребёнка из рук.

Плач мальчика утихал в дальних углах пещеры. Тихий, безысходный. И его можно выдержать. Она выдержит всё, если это поможет её ребёнку. Чем можно ему помочь? Ему должно хватать того, что есть у его матери. Чего у неё нет? Алиса ела всё: и мясо, и рыбу. Чего не хватает в её молоке? Она пела ребёнку тихие песни. В пещере становилось тихо, когда ребёнок замолкал. В ней становилось ещё тяжелее.

Мужчина надеялся на небольшое облегчение, отлучаясь из пещеры. Совсем небольшое. Он тоже должен нести свою ношу. Вместе со своей женщиной. Небольшое облегчение позволительно. Лес встречал его так же, океан встречал его так же. Ничего не изменилось. Только кому-то сдали плохие карты. Эка невидаль. Он возвращался домой без промедления. Алиса встречала его с ребёнком на руках и слабой улыб-

кой на лице. Она всё выдержит. Их сыну нужна помощь. Какую только можно найти. Нет нигде никакой помощи. Один на один с миром. Как только вышел из живота своей матери. Один на один.

Никто не знает чужие карты. Никто не знает свои. Их мальчик борется за свою жизнь. До тех пор пока есть борьба, есть надежда. Нет ничего предписанного в мире. Время поглощает очередное мгновение, и мир готовится к следующему. Никто не знает, каким оно будет. Неразумно терять надежду. Пока есть борьба, есть надежда. Они должны быть рядом, готовые отдать всё, что у них есть.

Как знать, что он борется за жизнь? Не потерял ли надежду? Алиса почти не отводила глаз от морщинистого личика. Как подсказать ему не сдаваться? Ни в коем случае нельзя сдаваться. Что он не один на один с миром. У него есть помощь. Самая надёжная в мире. Как ему сказать? Он один на один с миром. Что-то в её теле случилось не так, что-то продолжает случаться не так. Алиса боялась, что её ребёнок не борется за свою жизнь. А этого делать нельзя. Она прижимала его к груди, целовала его щёчки, пела ему тихие песни. Она осматривала маленькое тельце, пытаясь проникнуть внутрь его, понять, что его беспокоит.

Плач мальчика слабел, но на личике не появлялось ничего похожего на радость. Он почти не болтал ручонками и ножками. Их мальчик перестал бороться за свою жизнь. Он там совсем один и не знает, почему так произошло. Никто

не знает.

*

Алиса стала собираться в дорогу. Она выбрала одну из своих корзин и стала приспособливать её для новой ноши. К корзине нужно приделать лямки для спины, углубить её и приделать плотную крышку. Алиса немедленно взялась за работу. Для этого нужно выпустить ребёнка из рук. Она держала его рядом с собой в его кроватке. Ей не нужна помощь. Работы совсем немного. Она углубила корзину и приспособила одну из крышек. Остались лямки. Завтра всё будет готово. Она показала корзину мужчине, когда он вернулся с охоты. Она посмотрела ему в глаза. Он должен понять. Понимать нечего. Мужчина показал, что лямки нужно сделать длинней для его широкой груди и плеч. Алиса молча согласилась.

Они ужинали в тишине. Ребёнок спал. Возможно, он просто лежит неподвижный с закрытыми глазами. Как можно есть, когда твой ребёнок лежит рядом голодный?

Мужчина догадывался, куда они пойдут. Есть только одна дорога. Он не знал, куда она ведёт. Он не мог спросить женщину. Он не был уверен, что она знает. Но в дорогу нужно. За помощью. Их мальчику нужна срочная помощь. Есть ли такая на свете? Мужчина не знал. Он надеялся на женщину. Откуда-то она пришла? Есть ли там спасение для их

мальчика? Спасение есть там, откуда он пришёл. Но туда нет дороги. Нужна лодка. Нужно везение. Того мира, возможно, давно нет, никогда не было. Большое облегчение, что туда нет дороги. Пришлось бы отправиться. Просить помощи. Там наверняка нашлась бы помощь их сыну. Они знают. Они там много знают. Их мальчика вылечили бы знающие люди. У них есть для этого всё необходимое. Их мальчик стал бы улыбаться, как следует улыбаться здоровому ребёнку. Как остальные дети. Его бы приняли как своего. Они там много знают. Океан забрал лодку. Пришлось бы отправиться туда. Просить помощи. Они там ничего не знают. Не знают, как человеку быть счастливым. Сделать ребёнка счастливым? Много ли для этого надо? Но лодки нет. Её унесло ветром. Он не знал, что бы он сделал. Он отправился бы обратно. Погрузил бы свою женщину, сына и поплыл бы за горизонт. Туда, где знают, как помочь ребёнку, которому сдали плохие карты. Они не дадут ему умереть. Не дадут никому просто так умереть. Живи, страдай вместе с нами. Вместе веселее. Хорошо, что нет лодки. Ничего они там не знают. Мой сын выживет сам. Я знаю, что это за сделка. Он выживет сам. У него должно быть всё в порядке. Его мама и папа – настоящие здоровые женщина и мужчина. По крайней мере мама. Никого не нужно просить.

Всё было готово. Немного еды – в лесу полно всего. Две корзины. К концу дня всё было готово. Одна корзина поменьше, другая побольше. Утром в дорогу. Он приготовил

лук со стрелами и нож. Без ножа в такую дорогу нельзя. Пускай Алиса хмурится. Он должен быть готовым. Беспомощность – постыдное чувство. В этот раз он не даст ей овладеть собой. Он будет готов ко всему. Защитит свою женщину и своего ребёнка от любой угрозы. Против которой можно защититься с помощью ножа и лука. И мышц его сильных ног и рук. От любой. Постыдное зрелище – беспомощный мужчина. От них приходит много бед. От беспомощных мужчин. Он не будет одним из них. Если их ждут опасности там, куда их поведёт Алиса. Ждут. По-другому не бывает. Мужчине и женщине и их ребёнку всегда угрожает беда. Нет для них ни одного безопасного места в мире. Он будет готов ко всему. Он готов ко всему.

Мальчик стал издавать похожие на кашель звуки, иногда похожие на плач. Что он им говорит? Просит о помощи? Они не знают, как ему помочь. В этом мире каждый сам за себя. Их мальчику сдали плохие карты. И ничего с этим нельзя поделать. Разве только уплыть за горизонт, туда, где знают, как помочь ребёнку. Они там много знают. Построить плот? Сделать крепкий плот, поставить на него парус и отправиться за горизонт. Всегда есть горизонт. В этом мире нужно уметь быть здоровым и сильным. Беда, если не знаешь как. Наш сын ещё не знает. Для какого мира он рождён? Никто его не спросил. Ни я, ни Алиса. На плоту не выжить. Проглотит океан. Где моя непотопляемая лодка? Такой мне не сделать. Для этого нужно много знать и уметь. Как те ре-

бята. Почему я никогда не пытался их найти? Умные, умелые ребята. Они знают, как устоять против самого сильного в мире шторма. Мне нужно было держаться возле таких ребят. Им неведома беспомощность. Не нужно было бы искать помощи для моего сына. Он улыбался бы и сосал молоко матери. Бог с ними. Они там все больные. Плот – несерьёзная идея. Пойдём по суше туда, куда знает дорогу моя Алиса. Она не стала бы так серьёзно собираться. Она не беспомощная женщина.

Алиса сидела у огня и держала ребёнка на руках. Она пела ему тихие песни. Её мальчик порадовал её. Он стал немного шевелиться и издавать слабые вздохи. Он даже схватил дёснами на несколько мгновений её сосок. Может, ему досталось несколько капель её молока. Её мальчик будет жить. Не может быть на свете такой несправедливости. Её мальчику чего-то не хватает. Что-то не так произошло внутри неё. Что-то помешало её мальчику. Её мысли? Алиса пела ему тихие песни. Которые пела ей её мама, когда держала её вот так же в руках. Ему не становится лучше. Завтра им нужно отправиться в дорогу. За помощью. Там они должны знать, как помочь. Там им это иногда удаётся. У матери что-то произошло не так внутри. Что-то ей помешало. Её мысли?

Множественно отражённый от стен пещеры, свет очага проникал наружу и ложился на мягкий белый песок. Робкий свет жизни. Скоро его поглотит свет луны. Звуки детского плача поглощает шум ветра и волн. Молчат птицы. Кто от-

важился разжечь этот огонь? О чём они думают? На что они надеются, краткотечные, беспомощные существа? У них на руках всегда плохие карты. Почему не быть валуном, песчаным берегом, ветром? Им неведома логика природы. Они живут по своей, ни на какую другую не похожей. Нет такой логики в природе. Они живут по ней. Осмеливаются зажечь огонь жизни. Зачем, для чего? Они задают эти вопросы. Кому? Кто может на них ответить?

*

Они вышли рано, после того как Алиса попыталась безуспешно накормить ребёнка. Она несла сына на себе. Она не хотела его отдавать. Мужчина довольствовался остальным грузом. Он очень охотно понёс бы на себе всё, но не противился своей женщине. Она шла легко на своих крепких ногах. Они заночуют под перевалом и утром начнут подъём. Может, тогда придёт его время облегчить ношу Алисы. Он знал, что ему её никогда не облегчить. Завтра вечером они должны ночевать на другой стороне перевала. Дальше он не знает дороги. Он не знает, что их ожидает, какие опасности им могут угрожать. Он должен быть готов ко всему. Алиса улыбалась ему тихой улыбкой. Его храбрая женщина. Самая прекрасная из всех. Что бы ни произошло, у него есть Алиса. Ему повезло. Каждому мужчине должно так повезти в жизни. Иначе не выбраться ему из этого лабиринта. Не найти до-

роги, не найти свободы, не найти счастья. Даже если их нет.

На остановках Алиса брала ребёнка на руки, и тогда от пары нельзя было оторвать глаз. Мучительно-прекрасная хрупкая картина. Для этого, возможно, стоит жить. Не по трусливой логике природы. По ней может каждый жить. Попробуйте последовать нашей. Алиса отдыхала, прижимая мальчика к груди. Ребёнок тоже старался не огорчать маму. Он прикладывается к её груди. Может, ему достаётся немного её молока. Ему хорошо на её влажных руках, животе и груди. Она пела ему тихие песни. О добром и прекрасном мире. О счастливом будущем своего сына. Утомлённая тревогой, посреди неизвестно куда ведущей дороги. Неизвестно к чему ведущей дороге. На одной из остановок мужчина аккуратно положил свою женщину на землю. Корзина с их мальчиком лежала рядом. Мальчик издавал звуки. Он пел свою тихую песню. Бесстрашные мужчина и женщина. Мы принесём ещё одну жизнь и ещё много. Легкий ветерок, стекающий с горной гряды, охлаждал их потные тела.

Они шли довольно быстро и остановились на ночлег под перевалом, как планировалось. Хотя никакой план не обсуждался. Расположились возле небольшого ручья, развели огонь, поужинали и легли спать, ребёнок между ними. Алиса накрыла сына покрывалом. Первый раз они ночевали втроём на открытом воздухе. От ручья несло прохладой. Спали чутко, как и всё живое в лесу.

В середине следующего дня они поднялись на перевал и

увидели в долине то, что не видели давно. Тёмные дождевые тучи. Далеко, почти у горизонта. Долина открылась во все стороны. Алиса направила в неё свой взгляд. Ничего не было видно, кроме уходящего вдаль леса и тёмных туч. На лице Алисы было сосредоточенное выражение. Она отдыхала после подъёма, который не достался ей легко. Ребёнок и весь их груз поднялись на плечах мужчины. Хорошо, что у неё есть такой сильный мужчина. Она ведь только родила. Ей было тяжело подниматься по крутой тропе. Отсюда вниз. Больше не будет долгих подъёмов. Помнит ли она дорогу? Им туда, где сейчас, наверно, льёт из тёмных туч. Может, там смогут помочь её сыну. Может, ему не нужна будет помощь. Тогда они повернут назад, подальше от тех мест. Ему достаётся её молоко. С каждым разом всё больше и больше. Он уже один раз улыбнулся ей. Она не была уверена, что ей это не пригрелось. Они повернут назад, когда её мальчик начнёт улыбаться и получать в достатке её молока. Но сегодня они ещё пойдут вперёд. Они не могут рисковать, их мальчик совсем слабый. И признаки улучшения ещё очень слабые. Они не могут рисковать.

Внизу, после перевала, мужчина начал строить шалаш. Он взглянул несколько раз вопросительно на свою женщину. Она улыбалась в ответ. Дорога отсюда ему неизвестна. Ночью может прийти дождь. Он удивлялся, что знает, как построить хороший шалаш. Он завершил постройку аккуратной укладкой больших листьев папоротника. Чтобы не про-

текала крыша. После этого он прорыл вокруг шалаша канавку для стока воды. Алиса уже сидела внутри и одобрительно улыбалась. Она выглядела очень усталой. Завтра нужно дать ей отдохнуть, хотя бы половину дня. Всё равно нужно выйти на охоту. Набрать для неё плодов. Он прислушивался к шуму леса. Это другой лес, он не знает, что его там ожидает. Им не повстречались ещё козлы и никакая другая крупная живность. Только несколько птиц. Крупная живность ни к чему. Птица подойдёт или крупная рыба. Завтра ему нужно что-нибудь добыть. Алиса и сын отдохнут в шалаше.

Позже они развели костёр и доели остатки припасов. Пришла темнота. Лес не утихал. Он более шумный, чем их лес. Или это только кажется. В шалаше уютно. Мужчина овладел усталой женщиной и быстро заснул. Они проснулись в темноте от шума дождя и придвинулись поближе друг к другу, насколько позволяло лежащее между ними маленькое тельце под покрывалом.

*

Алиса проснулась, когда он уходил на охоту. Она улыбнулась ему и придвинула сына к себе поближе. Она хотела ещё спать, она очень устала вчера. Пускай спят. У них есть много времени, пока он будет охотиться. Он принесёт добычу, плоды и приготовит еду. Только после этого они отправятся в дорогу. Он осторожно обнял и поцеловал Алису. Его сын

тихо спал.

Лес по эту сторону другой. Гуще, влажнее. Он прокладывал дорогу через плотные заросли и производил много шума. Так ему ничего не добыть. Он не знал, как себя вести в этом лесу. Отыскать более открытое место и сесть в засаду? Он решил подняться немного по склонам скальной гряды, там лес значительно реже. По дороге он вспугнул несколько птиц, но не смог разглядеть, где они прячутся. На склонах было просторнее, но весь шум леса остался внизу. Там вся живность, там охота. Он не знал, что делать.

После нескольких часов блужданий он совсем потерял уверенность. Он не знает, как охотиться в этом лесу. Алиса научила его охотиться в их лесу. А здесь ему не у кого учиться. У него нет для этого времени. Ему нужно поймать что-нибудь поскорее и вернуться к шалашу. С растительной добычей тоже не было везенья. Он наткнулся на несколько незнакомых деревьев, но не решился попробовать их плоды. Очень опасно. Он не может позволить себе никаких сюрпризов. Отыскать бы ручей с рыбой. Это бы решило половину проблемы. Он решил приспуститься обратно в гущу леса.

Солнце стояло уже высоко и принялось испарять влагу мокрого после дождя леса. Душно. Никакого движения ветра. Иногда шумно шевелились макушки самых высоких деревьев, но ничего не проникало вниз. Он выжидал в засаде. Рядом где-то шумели птицы. Он вспугнул их, и они улетели, казалось, недалеко. Крупные, одной хватит. Он осторожно и

медленно переходил с места на место и вглядывался в густоту листвы. Где-то они сидят. Он слышал их громкие голоса. Наверно, потому что они слышат его. Где-то высоко. Сможет ли он попасть с такого расстояния? Сначала нужно увидеть. Птицы громко кричали. Чувствуют себя в безопасности. Какой ты охотник? Тебе нас не достать. Он истекал потом и напрягал до усталости глаза.

Он услышал шум позади и осторожно обернулся. Вот. Небольшой кабанчик рылся в листве. Совсем близко. Слишком близко. Как развернуться, не производя шума? Он осторожно переставил одну ногу. Зверь прекратил рыться и замер. Маленькие ушки наострились. Прошли минуты, зверь опять принялся за своё занятие. Охотник переставил вторую ногу. Теперь он сидел вполоборота к добыче. Он потянулся за стрелой. Прошла целая вечность, пока стрела легла на лук, рука натянула тетиву, глаз нацелился. Охотник затаил дыхание. Рука отпустила тетиву. Стрела с шумом вылетела и воткнулась в кабанчика. Он дёрнулся от неожиданности и исчез в кустах. Охотник ринулся следом на визг. Он настиг добычу через несколько сотен метров. Ему повезло. Он попал не туда, куда целился. Он попал в ногу вместо головы. Кабанчик беспомощно дёргался на боку. Он перерезал добыче горло и присел отдохнуть. В сердце не было ликования, только небольшое облегчение. У них очень жирное и вкусное мясо. Он осматривал многочисленные царапины и порезы, полученные им во время погони через густой лес. Ниче-

го страшного. Он заклеил кровавый порез на ноге мягким листком, как научила его Алиса.

Он потратил ещё полчаса на потрошение, сложил лучшие части в корзину и оставил остальное для зверья. Сожрут. Корзина приятно потяжелела. В ней оставалось ещё место для плодов. Нужно что-то найти, он не хотел возвращаться без лакомой еды для Алисы. Ей нужно кормить их сына. Он хотел её побаловать. Больше всего она любит кисло-сладкие, похожие на яблоки плоды низкорослого дерева. В их лесу оно растёт на открытых пространствах вдоль воды. Он продолжил поиск вдоль гряды в надежде набрести на ручей. Может, ещё поживится рыбой, которую Алиса тоже любила.

Он вдруг обнаружил, что солнце стоит высоко. Пора возвращаться к шалашу. В корзине лежали орехи, собранные в небольшой роще. Больше ничего найти не удалось. Хоть что-то, орехи Алиса любила. Он повернул обратно.

Через несколько часов стало очевидным, что он потерял дорогу. Он старался не поддаваться панике, но в его шагах не было уверенности. Может, я сейчас отдаляюсь от них. Удручало то, что он не мог найти перевал. Что может быть проще? Он поднялся ещё выше и всматривался в скалистую гряду в надежде увидеть седловину в гребне. Так перевал выглядит с их стороны. А с этой? Как он мог не запомнить? Уже второй раз здесь.

Ещё через несколько часов блужданий он понял, что пропустил перевал, и повернул обратно. Несколько раз он попы-

тался подняться как можно выше, выйти на гребень, но спускался обратно, натываясь на крутые скалы. Солнце скрылось, надвигалась темнота. Он не знал, что делать. Он стал громко звать Алису. Его крик уходил в темноту и возвращался эхом. Он старался держать себя в руках.

Бродить в почти полной темноте по густому лесу бессмысленно и опасно. Но он не мог остановиться. Он брёл наугад и время от времени выкрикивал в темноту имя Алисы. Наконец усталость привела его в чувство. Он остановился на ночлег.

До полуночи он разделывал и жарил мясо. Заснуть было невозможно. Ничего. Сил хватит, сил в избытке. Посплю несколько часов, как только дожарю мясо. Иначе оно пропадёт. Нужно держать себя в руках. На мне забота об Алисе и сыне. Самом дорогом, что у меня есть. Было и будет. Мне непозволительно так расклеиться. Шататься в темноте по лесу. Что будет с Алисой, если со мной что-то случится? Он беззвучно ругал себя и вглядывался в темноту. Мясо подгорало.

Кабанина, действительно, очень вкусная, он плотно поел. Не хватало только воды. Хорошо, что Алиса возле родника. Что она думает? Совсем голодная и усталая. Отдохнули вдвоём в шалаше? Голодные? Для мальчика есть молоко. Он стал его сосать. Его сын будет жить. Во что бы то ни стало. Он прислушивался к лесу. Может, она тоже зовёт его. Наконец, чувствуя себя очень усталым, он приготовил подстилку

из нарезанных при мерцающем свете костра стеблей, лёг и сразу уснул.

Ему снился сон. Он собрался в дорогу. У порога дома его провожает светловолосая женщина в воздушном летнем платье. У неё очень выразительные глаза. Они о многом говорят. Они сказали всё. Она держит в руках маленький букетик голубых цветов. Цветы для него. Её глаза тоже для него. Но он собрался в дорогу. На спине у него тяжёлый рюкзак. Он шагает по широкой тропе, время от времени оборачивается и машет рукой женщине в воздушном платье. Она машет ему в ответ. У него впереди заманчивая дорога.

Он открыл глаза и немедленно вернулся к реальности. Светает, пора в дорогу. Он утолил жажду росой на листьях и погрузил на себя корзину. В ней стало больше места. Вокруг только лес. В каком направлении гряда? Он повернул лицо в сторону солнца и задумался. Через несколько минут он развернулся на девяносто градусов влево и пошёл. Гряда должна быть там. Он вскоре увидел её.

Примерно через час он увидел перевал, затратил час, чтобы подойти под него, и начал быстро спускаться в лес. Он ругал себя за вчерашнюю растерянность и беспомощность. Беспомощный мужчина ни на что не годен. Как он мог потерять себя? Он узнавал приметы дороги. Он стал громко звать Алису. Где вы? Я несу мясо и орехи. Я знаю, что не должен оставлять вас одних на такое долгое время. Я повторяю одну и ту же ошибку. Я не совершу её больше никогда. Никогда

не отпущу вас одних от себя. Где вы? Алиса...

Шалаш был пустой. Он осмотрелся вокруг. Куда они могли отлучиться? Возле родника лежала их чашка из скорлупы ореха. Алиса взяла её для мальчика. Он громко позвал Алису. Беспокойство опять поднималось с опасной силой, он отчаянно противостоял.

Наконец он обратил внимание на тревожные знаки. На покошенный шалаш, лоскут от покрывала на земле. Вмятины на земле у шалаша. Похожие на следы. Он не мог их разобрать. Алиса! Он кричал во всё горло.

*

Следы давно исчезли, давно исчезли приметы, которые можно принять за следы. Он продолжал пробираться сквозь лес, ориентируясь по солнцу. Остановиться – значит признать поражение.

Он обыскал всё вокруг шалаша и остался в полном неведении. Он боялся найти следы крови. Алиса ушла отсюда. Почему? Куда? Отправилась искать его? Куда она могла? Он смотрел на вмятины в земле. Были другие люди, зверь? Кто-то покосил шалаш. Это не могла быть его Алиса. Нет крови. Значит, не зверь. И оторванный лоскут. Проклятый лес. Им не нужно было сюда приходить. Редкие лучи солнца освещали небольшую полянку вокруг шалаша. На ней, наверно, есть всё, что необходимо для знающего человека. Умеюще-

го видеть и понимать. Не для меня. Я никогда не умел этого делать. Нигде. В этом лесу тоже. Нигде. Беспомощный мужчина. Отчаяние и гнев поднимались в нём. Почему нужно всегда разгадывать загадки? Принимать решения? В полной темноте? Кто это всё придумал? Как он мог оставить их одних?

Это дело людей. Алиса не могла отсюда уйти. Прошёл только один день. Она знает, что он на охоте, что он обязательно вернётся. Может, испугалась за меня? Нет, не похоже на мою Алису. Я её совсем не знаю. Не знаю, как бы она поступила. Она оберегает их сына. Что заставило её уйти?

Должно быть, люди, другие люди. К ним мы, наверно, шли. Почему не дождались его? Покосили шалаш. Другие люди. Захватили чужую женщину и чужого ребёнка. Такая женщина – лакомая добыча. Моя Алиса. Он вскочил на ноги и принялся опять осматривать лес вокруг шалаша. Должны быть следы. Они не прилетели с неба.

Следы нашлись. Помятые стебли, кусты. Углубления в земле. Едва заметные. Могли ли их оставить люди? Он обошёл по периметру несколько раз и ничего больше не нашёл. Отсюда они ушли. Он осмотрелся ещё раз. Почему она не взяла чашку? Забыла у родника? На Алису совсем не похоже. Забрали. Пришли и захватили такую ценную добычу. У мужчины, который не может удержать женщину. Пришли и забрали. Не побоялись.

Он сложил орехи в шалаше и прикрыл ветками вход. Она

поймёт. Что он ещё вернётся сюда. А сейчас есть только одна дорога. От мяса пришлось тоже избавиться. Он оставил несколько кусков. Лишний груз, не до еды. У него есть лук, стрелы и нож. Без них нельзя в этом лесу. Без еды можно продержаться. Он вошёл в лес. Влажный, враждебный. Забравший его Алису, его сына. Чужой лес, чужих людей, чужих зверей. Из чужих деревьев, кустов. Зачем они сюда пришли? Что Алиса знает об этом лесе? Знает ли она, как в нём выжить?

Быстро двигаться не удавалось, потому что он сразу терял следы. Мало заметные, требующие большого внимания. Он разгонялся и останавливался, осматривался и возвращался обратно туда, где след терялся. Пригнутая ветка, едва заметная вмятина на земле. Больше ничего лес ему не давал. Но нужно идти вперёд, нужно спешить, иначе ему не догнать их. Он не остановится, пока не настигнет их. Они, наверно, останавливаются для отдыха, они остановятся на ночь. Он не может этого себе позволить. Но как идти ночью?

День подходил к концу, когда он признался себе, что не знает, куда идёт. Этих примет полно в лесу. Во все стороны. Его глаза видят то, чего нет. Он сел на землю. И взялся рукой за голову. По щекам потекли слёзы. Потерянный человек. Ему ничто не угрожает, у него здоровые ноги, руки, здоровое сердце. Крепкие мышцы. Он может долго идти, преодолевать большие расстояния, нести на себе груз. Он может нести на себе много груза. Природа создала его силь-

ным и крепким. Он только не знает, куда идти. Он не знает, где он находится. Он потерялся в густом лесу, который поглотил самое ценное, что у него было. Безжалостно отобрал. И он не знает, куда направить свой поиск. В какую сторону? Как найти туда дорогу? Ему нужно это вернуть, совершенно необходимо вернуть. Никакой другой необходимости у него нет. Разве что пить, есть и дышать. Он не знает больше, для чего это делать. Ему нужно найти потерянное. Отобранное. Он готов сделать все, что может. Отдать всё, что у него есть. Он готов бороться до конца, до самого последнего конца. Только с кем, против чего? Этот лес не угрожает ему, ничто не угрожает ему. Живи как можешь, ищи дорогу туда, куда стремится твое сердце, найди, что тебе по душе, по сердцу. И удержи, если сможешь. Потерянный человек. Окружённый высоким густым лесом. Сквозь который иногда проникает солнце, иногда открывается голубое небо. Живи здесь. Вот тебе немного свободной земли. Она твоя. Построй своё жилище здесь. Если не ленивый, найдёшь в лесу воду и еду. Если повезёт, найдёшь что-нибудь ещё. Тогда держись за это. Не плачь, не поднимай шум в лесу. Его никто не слышит. Много вас здесь таких, потерянных. Все как один. Нет вокруг ничего, кроме густого, непроходимого леса.

Слёзы текли по щекам. Отчаяния и вины. Внутри искали свободы гнев и ярость. Достойные чувства. Для сильного мужчины, над которым смеётся весь лес, каждая тварь в нём, каждое дерево. Заблудился. Как маленький мальчик. Не зна-

ет, кто его обидел. Какая разница? Они все виноваты. Круши вокруг себя всё подряд, не ошибёшься. Чем сидеть и плакать.

Ярость и гнев набирали силу. Ничего не видно вокруг из-за этих проклятых деревьев. Спалю. Весь этот лес. Дотла. До самого маленького кустика. Тогда им некуда будет спрятаться, придётся иметь дело со мной. Лицом к лицу. Подлым тварям. Он поднялся на ноги.

Солнца уже не было видно, но наступающая темнота ему не сможет помешать. Это идти по лесу трудно в темноте. А веселиться можно. Даже интересней. Он собирал сухие ветки и складывал их возле высокого раскидистого дерева. Таких деревьев в лесу немного. Попадаются маленькими группками, пять-шесть. Большие и раскидистые, с густой листвой. Замечательное убежище для всего живого. Редкий дождь пробирается к основанию их стволов. Большое хорошее дерево.

Сухих веток вокруг находилось немного, это его беспокоило. Весь лес очень влажный, непросто запалить. Попробуем. Он радовался неожиданной работе. Со смыслом. С большим смыслом. Запалить этот проклятый лес. Сжечь дотла. До последнего кустика. Увидим, что там прячется. Пусть посмотрит мне в лицо. Нужно собрать большой костёр. Если загорится это дерево, то займутся и те два тоже. Они очень большие, все три, должны наделать шума. Просушат всё вокруг себя и запалят. Не может быть, чтобы в этом лесу нельзя

сделать пожара. Если очень постараться. Если очень нужно. Мне очень нужно. Он наваливал в кучу ветки.

Дерево загорелось легко. Он сидел в стороне и наблюдал, как огонь поднимается вверх и охватывает ветки одну за другой. Жар доходил до него, по лицу потёк пот. Затем огонь перешёл на соседнее дерево, и оно занялось так же быстро и весело. Он молча наблюдал за разгулом. Занялось третье. Вокруг стоял треск и шум, расходились клубы дыма.

Потом он сидел в темноте, наблюдая яркие сполохи. Быть возле огня стало невозможно из-за дыма и гари. Он отдалился от него на большое расстояние. В сторону скальной гряды. И сидел, прислонившись спиной к стволу другого большого дерева. Такого же, какое он только что запалил. Скоро придёт и его черёд. Всего леса. Гнев отступил. Остался там, где пожар. Вокруг не происходило ничего необычного, ничего срочного. Ничто не тревожилось. Вокруг ночной лес, слегка освещённый сполохами дальнего света. Влажный и шумный.

Невозможно сжечь такой лес. Давно бы уже сгорел. Очень большой, бесконечный. В нём много влаги. Сполохи, казалось, ослабевали. Дым ещё не пришёл. Не было желания подойти и посмотреть, что там происходит. Лес вокруг продолжал свою ночную музыку. Крики птиц, шум раздуваемой ветром наверху листвы, треск обломившихся веток. Ветер поможет пожару.

Он почувствовал голод и достал из корзины кусок жареной кабанины. Он был очень голодный и усталый. Устал-

стью бессилия. Не сгорит лес. Слишком большой и сильный. Сильнее меня. В нём столько всего живого, жаждущего жизни. Кто я, чтобы лишать их такого права? В нём Алиса и мой маленький сын. И они пропадут без леса.

Ветер набирал силу. Повсюду слышался шум и треск. Он в безопасности под большим деревом, у широкого ствола, под прикрытием толстых веток. Оно защищает его, глупое. Он погубил сегодня точно такое же, он погубил много таких сегодня. Больших деревьев, дающих защиту всему нуждающемуся. Там загораются сейчас другие. Нужно идти и тушить пожар. Беда, пожар в лесу. Глупая, бессмысленная затея. Не спалить лес. Лес ни при чём. В нём где-то Алиса и мой маленький сын. Мне нужно их искать. Пускай бесконечный. Нет ничего бесконечного. Завтра начну, сейчас начну. Доем этот кусок мяса и пойду. Куда поведёт сердце, куда поведёт удача, куда поведёт случай. Как все. Буду искать, пока не найду. Дни, недели, месяцы, годы. Время не имеет значения. Только цель. Я их обязательно найду, прочешу весь лес, обойду от края до края, загляну в каждый уголок.

Ветер набирал силу. Приближалась гроза. Послышался гром. Сейчас хорошо бы спрятаться в шалаше с Алисой и моим мальчиком. Он построил хороший шалаш. Крепкий, с непромокаемой крышей. Но защитит только от ветра и дождя.

Послышался шум дождя наверху. До него не дошло ещё ни одной капли. Крона над ним – хорошее убежище от до-

жды. Глупая идея – погубить такое дерево. Хорошо, что дождь. Лес позаботился. Погасит мой пожар. Погаси его, пожалуйста. Простите меня все вокруг. Я просто беспомощный потерявшийся человек. Жалкое зрелище. Сегодня я перестал им быть. Утром я отправлюсь на поиски моей Алисы и маленького сына. Надеюсь на вашу помощь. Знаю, что поможете. Укроете от непогоды, накормите и напоите. Мне предстоит долгая дорога, долгий поиск. Мне нужна помощь. Если повстречаете их, передайте, чтобы ждали меня. Я иду к ним.

Пришёл настоящий ливень. Вода обрушилась с неба на лес, но до человека под деревом доходили только слабые брызги. Его дерево гнулось под ветром, он чувствовал вибрацию ствола. Настоящий ливень, исправит все мои безобразия. Спасибо, лес, спасибо, дождь.

*

Орехи лежали нетронутые. Никто не открывал вход в шалаш. Одинокое строение, кому оно нужно, если внутри никого нет? Простоит так, пока не сгниют ветки или не подомнёт упавшая ветка. Никому до него нет дела, когда внутри нет ничего живого. Ничего ценного. Вот когда там была молодая женщина, от него нельзя было отходить ни на минуту. И маленький ребёнок. А теперь до него нет никому дела. Он не мог заставить себя подняться и уйти от этого места.

Возможно, от большой усталости в ногах. Он забылся ночью под деревом среди шума грозы и очнулся в темноте, задыхаясь от дыма и гари. Лил дождь, ничего вокруг не горело, исчезли сполохи. Только дым и гарь в воздухе. Он поднялся и пошёл прочь. Когда он наконец выбрался из дыма, небо стало расчищаться, начался рассвет. Он пробирался сквозь мокрый лес.

Ноги вынесли его к шалашу. Шалаш оказался совсем недалеко. Он открыл вход и лёг на мягкую подстилку. Какую следует приготовить для молодой женщины и её грудного ребёнка. Под аккуратно выложенной крышей. Он сделал всё как надо. Построил шалаш, приготовил подстилку. Он отправился за добычей. Накормить свою женщину, чтобы она могла накормить его сына. Что он сделал не так? Разве можно от всего уберечься? Что он сделал не так? Потерялся, заблудился. Оставил их одних на слишком долгое время. Слишком много охотников на такую лакомую добычу. Слишком много у них было времени. Это нужно исправить. Все ошибки своей жизни. Он не уйдёт из леса, пока не отыщет их. Свою женщину и своего сына. Слишком много охотников. Ну что ж, он тоже начнёт играть в их игры. Бессмысленные игры. Но других на свете нет. В другие никто не играет. Усталость бессонных ночей закрыла его глаза. Он уснул, раскинувшись на спине, под тихие звуки леса. Подавали голоса птицы, шелестела в листве мышь. Солнце принялось за сушку леса.

Он проснулся в вечерних сумерках, поужинал куском мяса, попил воды из ручья, расколлот несколько орехов. Они понравились бы Алисе. Он намеревался разжечь костёр, но, просидев до полной темноты, залез обратно в шалаш. Завтра в дорогу.

*

Он отправился в дорогу ранним утром, как только начало светать. Ночью ему снилась Алиса. Она улыбалась своей обычной улыбкой. Спокойной, детской, умудрённой. Она готовила ужин. Потом он овладел ей на берегу океана. Он проснулся с неясным томительным чувством и с готовым решением. Редкое состояние. Когда знаешь, что делать, как поступать. Нужно вернуться в пещеру. Что, если они всё это время там? Он блуждает по этому неприветливому лесу, а они в пещере, далеко от него, без его заботы, без его защиты. Он продолжает совершать одну и ту же ошибку. Куда могла Алиса уйти, если не домой? Он собрался, не теряя времени на еду.

Перевал встретил его приветливо. Он окинул взором их долину. Свою родную долину. Не нужно было уходить из неё. Там, за теми холмами, блестит океан. Океан видно из отверстия в их пещере. Там, в пещере, Алиса заботится об их сыне и ждёт своего мужчину домой. Непутёвого, нескладного мужчину. Почему он до сих пор не возвращается? Он начал

спуск. Он почти бежал. Оставалось немного светлого времени, впереди длинная дорога. Он не хотел откладывать свидание с Алисой на следующий день. Ещё одна ночь ожидания одному в лесу. Он должен непременно успеть сегодня. Даже если придётся идти в темноте. Он надеялся на луну.

Оставалось несколько часов светлого времени, когда он понял, что сбился с тропы. Выбор был нелёгкий – или вернуться назад и найти тропу, или идти по своим ориентирам. Он выбрал последнее. До берега совсем недалеко, за этими холмами. Нужно выйти на берег, а там он найдёт пещеру. Поможет луна. Только бы выбраться из леса дотемна. Но холмы не кончались, и берег не появлялся. Исчезла последняя полоска светлого неба. Появились звёзды, никаких следов луны. Он поднялся на вершину холма, готовый остановиться на ночь. Во рту пересохло, но воды на холме не найти. Последний ручей повстречался много часов назад. Ничего, придётся перетерпеть и это. Он сел на землю.

Он услышал шум океана. Очень тихий, принесённый тёплым устойчивым ветром. Он прислушался. Едва уловимый шум. Воды. Океан близко. Какая вода ещё может так шуметь? Он вглядывался в темноту, но ничего не мог разглядеть. Где луна? Шум то доносился до него, то исчезал. Может, это просто ветер играет в его ушах. Он отдохнул и пошёл вниз по склону, едва различая, куда ступает его нога. Усталые ноги подгибались в ямах и на кочках, спотыкались о камни. Несмотря на это, он двигался быстро. Он не был

уверен, что его подгоняет. Чем ближе к пещере, тем сильнее страх разочарования. Алиса не ушла бы одна без него. Но может, её что-то заставило. Всё равно нужно проверить.

Океан приближался, он, без сомнения, слышал его. Скорее на берег, оттуда до пещеры рукой подать. Он вступал в темноту шаг за шагом. Пришлось преодолеть ещё два холма, прежде чем он почувствовал свежесть океана. Свет звёзд растворялся в темноте почти без остатка. Лишь едва различимые контуры предметов вокруг. Вот это, кажется, приближается камень, а это крона дерева. Скоро должны быть скалы. Он не знал ещё, что будет делать, когда доберётся до них. Может, повезёт, и он наткнётся на место для спуска. На последних метрах он ускорил шаг, потому что шум океана вдруг приблизился. Вот и берег.

Нога не нашла впереди опоры, его качнуло вперёд, он оказался в воздухе. Отвес!

*

Он открыл глаза и почувствовал боль в ноге. Во рту чувствовался песок, он лежал на животе. Волна окатила ноги. Он не видел, откуда она пришла. Думая о больной ноге, он тяжело перевернулся на спину и закрыл глаза от слепящего солнца. Тело плохо слушалось. Боль в правой ноге заявляла о себе всё сильнее, он хотел посмотреть на неё. Ногу не поднять, он не хотел даже попытаться это сделать. Нужно сесть.

Он стал приподниматься, неожиданно легко сел и обнаружил себя на песке у кромки воды.

Коленка и всё вокруг неё безобразно распухло. Он смотрел на ногу с недоумением и страданием. Он ничего не помнил. Его также удручало то, что он совсем без одежды, хотя он не испытывал неудобства. Где я? Накатилась очередная волна и обрызгала лицо. Он вытер рукой глаза и увидел перед собой свою лодку. И больше ничего. Кроме чаек. Он лёг обратно на спину, пытаясь найти лучшее положение для больной ноги. Глаза сами закрылись.

Он лежал в полудрёме, на границе сна и бодрствования. Мысли изредка возвращались на берег, он чувствовал на лице жар солнца, омывающую ноги мягкую волну океана. Перекрывающую всё волну боли в ноге. Волны отступали, и он погружался в короткий сон. В сознании мелькали удивляющие его, незнакомые картинки и мысли. Где я? Что со мной происходит?

Он понял, что прибывает вода. Что нужно выбираться подалее на берег. Он перевернулся на живот и стал ползти, помогая руками и здоровой ногой. Вскоре он оказался на совсем сухом и горячем песке. Упражнение привело его в состояние полного бодрствования. Он перевернулся на спину и сел.

Лодка была надёжно привязана к большому колу. Он узнал в ней свою лодку. Он приплыл на ней сюда издалека, из-за горизонта. Он только не знал, куда приплыл. Что это за

берег? Но больше всего его заботила нога. Ей, может быть, будет лучше в солёной воде. Он подполз обратно к воде и сел так, чтобы волны окатывали его ноги. В лодке есть лекарства, которые ему помогут. Обезболивающие. В ней есть еда и вода. Он очень хотел пить. Прилив ещё не поднял лодку. Скоро это произойдёт. Тогда на неё будет трудно забраться. Нужно делать это сейчас. Или придётся дожидаться отлива. Он чувствовал сильную слабость. Сейчас. Он хотел в лодку. В ней он сможет привести себя в порядок.

Ползти не получится, нужно держать голову над водой. Он встал на четвереньки, опираясь на одну ногу, и стал двигаться к лодке, волоча больную ногу. Ноге стало лучше в воде. Последние метры пришлось проплыть, это оказалось легче, чем ползти. Он встал на здоровую ногу и ухватился за поручень на носу лодки. Лодка лежала на удобном для него боку. Он вытянул себя руками на палубу, затем после некоторой возни забрался в кабину, сел на кровать и осмотрелся. Моя лодка. Он потянулся к ящику, где лежали лекарства. В аптечке нашлось всё, что он ожидал в ней найти. Он сделал себе обезболивающий укол. После укола он выпил несколько кружек тёплой воды, лёг на кровать и стал ждать, когда боль начнёт утихать. Глаза опять закрылись.

Когда он проснулся, лодку покачивало на волнах. Доносился шум океана и крик чаек. В кабине стало жарко, но его это не беспокоило. Нога почти не болела. Он почувствовал голод и открыл дверь шкафа с припасами. Захотелось горя-

чего, он включил горелку. От горелки в кабине стало ещё жарче. Он вытирал пот с лица и тела небольшим полотенцем, которое оказалось на кровати. После еды он решил сварить кофе. Свежий воздух проникал иногда через два маленьких иллюминатора. Он выбрался из кабины, чтобы выпить кофе. Океан играл ярким светом, он пытался вспомнить, где его очки. Кол удерживал лодку, несмотря на устойчивый ветерок. Он пытался вспомнить. Ушла тяжесть в голове. Наверно, кофе. Он наслаждался горячим напитком. Он рассматривал берег и ждал, когда в голове окончательно прояснится. Что со мной случилось? Свалился с лодки. С лодки бы я так не расшибся. Вон как уделал колено. О песок? Нет.

Он рассматривал подступающие к пляжу скалы. Мог свалиться оттуда. Разбил коленку, ударился головой. Он нащупал большую шишку на голове. Ссадины и царапины на руках и ногах. Зачем я туда полез? Почему оказался у воды? До скал метров триста. Дополз? Он не очень тревожился по поводу потери памяти. Нога не болит – и то хорошо. Он расслабился на солнце и допивал свой чрезвычайно вкусный кофе. Давно не получался так хорошо. Когда я пил кофе в последний раз? Он поглядывал с тревогой на распухшую коленку. Опухоль не увеличивается. На неё хорошо бы лёд. Или хотя бы в солёную воду. Вода, кажется, помогла. Закончив с кофе, он подвинулся к краю лодки и после неловких движений опустил больную ногу в воду. Лодка накренилась. Он держался за поручни, мокрое тело соскальзывало с гладко-

го носа лодки. Почему я голый? Купался? Или голый полез? Может, я был пьяный? Осталось ли виски? Виски объяснит всё. Две бутылки объяснят всё. Три бутылки другое дело. Он вытащил ногу из воды, забрался обратно в кабину и открыл ещё один ящик. Двух бутылок виски не было. Это его почти развеселило. Нажрался и полез на скалы. Он почти гордился собой. Сломал бы себе шею и подох на берегу. Достойный итог одиссеи. Чего мне там понадобилось? Он чувствовал себя очень хорошо. Несмотря на то, что скоро сообразил, что причина тому лекарство. И коленке тоже стало лучше после воды. Он почувствовал сильную сонливость и лёг на кровать.

День разгорелся и потом стал угасать. Вода прибывала и убывала, лодка ложилась на бок и всплывала. Человека на кровати то прижимало к стенке, то отпускало. Он не просыпался. В кабину проникал свежий ветер, лучи солнца и шум океана. Затем пришла ночь. В таких условиях человеку всегда хорошо спится.

*

Он проснулся от стука своего сердца. От страха, проникшего глубоко внутрь. От обнаружившего вдруг себя страха. Алиса! Ему приснилась женщина на песчаном берегу. Он боялся, что она ему не приснилась. Он боялся, что страх уже давно с ним, он только забыл о нём на какое-то время. Он немедленно поднялся с постели, выбрался из кабины и сел

на нос лодки. Солнце ещё не появилось. Он смотрел на скалы перед ним, на простирающийся в обе стороны берег. Ему нужно увидеть, что там за отвесами. Есть ли там лес? Есть ли скальная гряда? Есть ли на берегу пещера? А что, если есть? Беспорядочная череда картинок и ощущений переполнила его. Нарастали тревога и печаль, угрожающие заполнить сердце нестерпимой болью. Сидеть не было сил. Он подвинулся к краю лодки, взялся за поручни, поставил ноги на дно, развернулся спиной к лодке и сделал шаг. В коленке отдало сильной болью, он сделал ещё несколько шагов, зашатался и упал. Мягкий песок нежно принял его.

Начался восход. Он лежал на спине и наблюдал, как на горизонте вдруг показалась яркая точка и стала стремительно превращаться в большой слепящий диск. Он закрыл глаза. Страх отступил. Это только сон. Прекрасный и тревожный сон. Нет ни пещеры, ни Алисы. Только я и моя лодка. Я смогу это проверить, если захочу. Когда нога выздоровеет. Отправлюсь вдоль берега. Проверить, есть ли пещера возле огромного валуна на песке возле скал. Мимо него не пройти, огромный валун. А в пещере женщина. Ничего я там не найду.

Поток воспоминаний переполнил и одолел его. Он плакал с закрытыми глазами, ощущая на лице нарастающий жар восходящего солнца. Скоро придёт вода. Буду лежать не открывая глаз. Пусть волна поднимет меня и унесёт в океан. Куда-нибудь. Подальше от моих мыслей. Глупых мыслей.

Воспоминаний? Не смогу с ними жить. Это будет невозможно. Мне нужно быть в погоне. Спасать мою женщину и моего мальчика. От чужих рук. Далеко и в опасности. В чужих руках. Когда это было? Не было этого. Всё приснилось. Но я сейчас ничего не могу. Не могу идти. Никуда. Моё тело опять предаёт меня. Опять в самый важный момент. Остаётся ждать. Пока заживёт коленка. Дни, недели пройдут. Тогда в мире не останется никакого следа. Самого ценного. Чего никогда не было. Через дни и недели в мире не останется ни одного их следа. Нужно идти сейчас. Ползти, не останавливаться. Потом будет поздно. А вдруг ничего не надо делать. Ничего не было, ничего нет. Только сон, галлюцинации. После двух бутылок виски, после сильного удара головой. После глупостей большого сильного тела. Такие сны я никогда не видел. Может быть, очень давно. Не отличить от реальности.

Он передвинулся, что-то колело внизу. Почему я хожу голый? Где моя одежда? Шорты, рубашка. Потерялись, унесло ветром. Где мои трусы? Он поднялся на ноги и доковылял до лодки. Вода прибывала. Хороший я забил кол. Кто-то его забил. Он развернулся лицом к берегу. Кола не было видно за песчаным подъёмом. Должен быть толстый и длинный. Где я его нашёл? В лесу? Где-то должен быть выход на верх утёсов. Подойти поближе. Подойду. Всё проверю, когда заживёт нога. Он смыл с себя песок и забрался обратно в лодку. Хотелось есть, хотелось кофе. Он надел трусы и шорты и занялся

приготовлением завтрака. Неспешно и обстоятельно. Из-за ноги и всего остального. Торопиться незачем. После завтрака он не удержался и проверил снаряжение лодки. Это заняло около часа, после чего он расположился наружи, подставляя себя свежему бризу. Кроме виски, он недосчитался своей любимой пары шорт, одного покрывала, одной подстилки и ножа. Вернулось утреннее состояние духа, но он понимал, что не скоро сможет избавиться от него. Никогда. Придётся дожидаться, пока выздоровеет коленка, отправиться на берег и увидеть всё своими глазами. Убедиться. Или отрезать верёвку и уйти в море. Куда? Чем отрезать, столовым ножом?

Передвигалось по небу солнце, дул ветерок, набегали волны, шумел океан. Никому и ничему нет ни до чего дела. Почему мне всегда такое везенье? Кто-то играет в игры? Самые бессмысленные. Почему только со мной? Или со всеми обращаются точно так же? Со всеми и всем. Бессмысленней не придумать. Я знаю, что произошло. Всё, что произошло, — произошло. Было, случилось. И исчезло. Как будто не было. Неожиданно, нежеланно, непредсказуемо. Всегда стороной.

Алиса. Прекрасная женщина по имени Алиса. Крепко сбитая, выносливая женщина. Женщина без имени. Где ты? Проклятая нога. Ждать, когда ждать нельзя. Когда вещи растворяются во времени каждую секунду. Без следа. Их не повторить. Как будто не было. В них перестанешь верить. В Алису, в пещеру возле валуна на берегу. Перестаёшь верить. Чтобы не сойти с ума. Перестаёшь верить в то, что было и не

было, в то, что будет. Почему бы не сойти с ума? Продолжать верить. Для этого нужно немного лишиться ума. Чтобы верить. По-другому никак нельзя. Как же ещё можно верить? Лишь одного недостаёт в мире. Одного, ни в чём другом нет необходимости. Такого хватит одного. Всё в мире есть, всего в избытке. Всё возможно. Любая вещь, любое желание, любая мысль. Всё есть. Не ищи в нём только смысла. Со смыслом большая проблема. Больше некуда. Его нет. Ни в каком уголке. Не ищи, не теряй времени, не теряй силы. А если отважился и поверил, что нашёл, немедленно закрой глаза, закрой уши и крепко держись за него. Ни в коем случае не отпускай. Раз такое везенье. Не открывай глаза.

Лодка раскачивалась на волнах, работало в полную силу солнце. Мне не на что жаловаться. Мне повезло. Когда ещё так бывает. Есть только один план действия. Один единственный, и никаких других вариантов. Это большая удача. Один план. Спокойствие возвращалось к нему. Особого сорта. Не пугливое и беззаботное. Спокойствие смирения, безысходности и отчаяния. Тихого, неугасаемого гнева. Залечу ногу и отправлюсь на берег. Искать Алису, моего сына. Больше мне не за что держаться. Только бы зажила поскорее коленка. Держать её больше в воде, натирать, упражнять. Делать всё, что необходимо. Чтобы зажила как можно скорее. Тогда и выйду на берег.

На верхушках утёсов кое-где виднелись мелкие кусты. За утёсами наш лес. Мой и Алисы. Самое главное – не отчаи-

ваться. Это нужно было сделать давным-давно. Всегда был повод, всегда есть. А теперь уже поздно отчаиваться, нужно было сделать давно. А теперь поздно. Глупо. Сейчас, после всего, что было? Нельзя доставить им такой радости. Хрен вам. Бесконечный лес? А у меня бесконечная череда дней. Чья бесконечность возьмёт? Моя. Ничего не может быть крепче бессмыслия и неверия. Буду искать до тех пор, пока не найду. Даже если их там нет. Если ничего нет. Буду искать. Больше нечего делать. Никаких вариантов, такое вот счастье.

Свежий ветерок нежно обволакивал каждую клетку тела. Зачем я надел шорты?

*

Надвигался шторм. В этом не было никаких сомнений, несмотря на неясность признаков. Только утренняя линия горизонта почернела и задержала на несколько секунд появление солнца. Солнце быстро убежало от черноты и светило теперь как ни в чём не бывало. Но тёмная линия превратилась в полосу, которая стала заметно расширяться. Может, и догонит сегодня солнце. Или шторм придёт ночью, когда солнца простынет след. Это шторм, никаких сомнений. Давно уже пора случиться. Как тот, который повстречался ему в последний раз. Или привиделся. Никакой разницы. Полоса расширялась, ничего в ней не было пока угрожающего,

кроме черноты. Обычный ветерок стих, набираясь сил перед предстоящим весельем. Или страшась его приближения. Утихла вода. Песок на берегу раскалился в неподвижном воздухе. Над ним задрожал воздух. Лодка тоже раскалилась. Он время от времени погружался в воду, затем прятался в душной кабине. Солёная вода хороша для коленки. Он пробовал понемногу нагружать больную ногу и почти не хромал. Так ему казалось. Ещё несколько дней.

Он ещё не разобрался, как относиться к непогоде. Пускай идёт, мне нет до неё никакого дела. Мне нужно, чтобы зажила быстрее коленка. Зачем мне шторм? Кому-то он, наверно, нужен. Зачем нужен шторм? Почему он случается? Разметать, расчистить дорогу, разрушить планы, надежды, всё смешать, перепутать. Да, в этом нехватка в мире, в беспорядке. Бог с ним. Мне нужно, чтобы зажила нога. Мне не нужен шторм. Кто там ещё сейчас в океане? Может, этот шторм для них? Или над ними ясное, чистое небо? Этот шторм только для меня. Всё вокруг только для меня. Больше никого нет. Принесёт ветер и дождь на сушу. В лес. Повалит деревья, переполнит реки. Или там у них тоже всегда чистое небо? Видела ли Алиса когда-нибудь такой шторм? Научиться её языку и спросить. Смогу ли? Лелеет моего сына. Её сына. Научит своему языку. Что она ему скажет о его отце? Мой сын. Что это значит? Какой я ему пример? Заблудился в лесу, потерял свою семью. Мою? Всё привиделось, ничего не было. Спиртное, удар головой. Всё привиделось. Всё во мне

теперь, никуда не уйдёт. Случилось или привиделось. Уйдёт. Забудется, сотрётся из памяти. Как и всё остальное. Добраться до запасов виски – и всё будет в порядке. Где я? Вот придёт шторм – и всё прояснится. Сметёт всё нестойкое, ненужное. Всё прояснится. Где я. Вовремя.

Чернота полосы не оставляла сомнений в серьёзности. Ещё далеко. Ни вспышек, ни грома. Не увеличивается. Может, не моя. Может, ветер пронесёт её мимо, для кого-то другого. Кому нужен такой шторм? Не мне. Не заказывали. Со мной уже было. Спасибо.

Нужно сказать спасибо. Я здесь. Где-то есть Алиса и мой сын. За это нужно сказать спасибо. Только не этому шторму, другому. Или это тот же самый? Вернулся, обошёл весь шар. Чего тебе нужно? Что-то ещё не совершил? Не старайся так для меня. Оставь меня в покое. Мне уже ничего не поможет.

Кому-то другому. Солнце закатилось, чёрная полоса застыла на месте. Кого-то поймали на ночь глядя. Как ему там сейчас? Есть ли у него непотопляемая лодка? Иначе пропадёт. Один пропадёт без следа. Отправиться на помощь? Нельзя, всё продумано. Ни ветерка. Никто туда не доберётся. Рассчитывать не на что. Каждый сам по себе. Один на один со штормом. Один на один пропадёшь. Нужна непотопляемая лодка. Как моя. Сделанная умными ребятами. Почему они никогда мне не повстречались? Без них крышка. Один на один. Размечтался. Без тех ребят я бы пропал. Они много знают, много умеют. Почему я их никогда не искал?

Может, мне нужно обратно? Дождаться ветерка и отправиться обратно. За горизонт. Никогда не ошибёшься, если отправляешься за горизонт. Найти тех ребят и строить что-нибудь с ними. Непотопляемое. Есть такое, возможно. Мне, наверно, нужно назад. Не найти мне Алисы. Её не нужно искать. Возле неё уже есть там мужчина. Две руки, две ноги, голова. Мужчина. Никому я не нужен в том лесу.

Алиса. За своё нужно держаться обеими руками. Неумение непростительно. Куда ты исчезла? Почему не дождалась меня в шалаше? Я сделал для вас хороший шалаш. Я принёс вам добычу.

Ему снился сон, окрашенный в краски закатного неба. На другой стороне появились первые звёзды. Кусок чёрного неба слился с темнотой воды. Там не будет звёзд этой тихой ночью. Алиса улыбалась ему. Кому же ещё? Ему, никого больше вокруг нет. Как много говорит улыбка счастливой женщины. Значит, в мире всё в порядке. Значит, возможно счастье. Оно рядом. Его нужно сразу удержать. Решительно и бережно. Круглые щёки Алисы округлились ещё сильнее. Из её больших глаз лучился тёплый свет. Только из глаз счастливой женщины. Так немного ей нужно для счастья. Кто знает, что ей нужно для счастья. Кто может говорить на её языке? Он взял её на руки и осторожно положил на берег. Песчинки вдавились во влажную, упругую кожу спины, ягодич, икр. И расступились, освободив место для её округлостей. Другие её округлости вытесняют без стеснения воздух.

Он положил свою руку на одну из них.

*

Он открыл глаза. В ушах громкое эхо. Утихшего мгновение назад грохота. Воздух ещё сотрясался от его силы. Лодку сильно накренило. Ниспадал шумно дождь. Он с трудом сел, держась за поручни, и всмотрелся в открытую дверь кабины. Лодку качало. Вспыхнула молния и высветила на мгновение завесу дождя и высокие волны.

Мой шторм. Если увидел шторм, значит, он твой. Опять проспал. Поддерживая руками равновесие, он подошёл к двери кабины. Ничего не видно, только шум ветра и дождя. И волн. Это только начало. Только подошёл. Где берег? Унесло в море? Ничего не видно. Сверкнула молния. Вокруг только волны и дождь. Унесло. Опять проспал. Он вышел из кабины и, крепко держась за поручень двумя руками, всмотрелся в темноту вокруг. Пришла вспышка, пришла другая. Пришла волна и накренила лодку так, что он удержался с трудом. Всё. Нет берега. Прошляпил. Нужно быстро закрываться. Лодку мотнуло ещё раз, он ударился головой обо что-то. Нужно закрываться. Он стал подбираться к люку на корме лодки. Единственному наружному люку. Загерметизировать его сначала. Нужно было сделать загодя. Коленка ныла, он старался не обращать на неё внимания. Не до тебя. На гладкой корме всего несколько поручней. Он ухватился за

один из них. Вот он, люк, в нескольких метрах. Умелые ребята. Всё продумали. Люк загерметизировался без проблем. Они, конечно, не стали бы дожидаться прихода шторма. Загодя нужно, как это делают умные люди. Спасибо, ребята. Обязательно вас найду, если выйду живым из этой переделки. А куда ты денешься? Закрывай всё скорее. Ты в непотопляемой лодке. Проверенной. Закрывайся и жди. Он пройдёт. Перебесится и пройдёт. Он только с виду такой страшный. А ведь только лишь сильный ветер и высокая волна. И больше ничего. Вода и воздух. У нас есть на него управа. Унёс далеко от берега? Нам этого и надо. Закрывайся скорее и наберись терпения.

Он забрался в кабину и закрыл за собой дверь. Всё, теперь только два боковых иллюминатора. Он подобрался к одному из них. Коленка отчаянно болела. Придётся сделать укол. Подожди, осталось немного.

Сверкнула молния. Где-то над головой. Он не увидел её. Только свет от вспышки. В глазах осталась неожиданная картинка. Берег! Он застыл, ожидая следующей вспышки, следя за перемещением лодки. Только бы не развернуло. Пришла ещё одна вспышка. Берег. Мыс. Ещё не унесло совсем. Уносит. Там берег. Какой берег? Мой берег, чей ещё. Там Алиса. С километр. Может, больше. Может, меньше. Вспышки появлялись одна за другой. Да, берег. Вот он, мой берег. Опять упущу?

Колено нестерпимо ныло. Он включил свет в кабине и по-

тянулся к аптечке. Сразу два, иначе нельзя. Он открыл два пакета, один за другим, сделал два укола – один выше, другой ниже колени, закрыл аптечку, поставил на место и выключил свет. Всё отступило назад, кроме нестерпимой боли. Сейчас. Скоро станет легче.

Всего лишь один километр. Хватит двух рук и здоровой ноги. Доплыву. Дают возможность. Всегда есть возможность, надежда. До тех пор, пока её вдруг нет. Дают возможность. Пока не пришёл настоящий шторм. Где-то близко. Совсем близко. Всё разнесёт, всё спутает, всё разрушит. Всё, что без присмотра, непривязанное. Алиса. Унесёт меня с непотопляемой лодкой. Далеко, откуда нет дороги назад. Уносит, пока я сижу. Играет, дразнит. Может, там ничего нет. Только притворяющаяся чем-то другим темнота, пустота. Там берег, мой берег. У каждого свой берег. Там мой. Другого нет. Дотягаемый ещё. Там Алиса. Он поднялся открывать дверь кабины.

Где? Он терпеливо ждал вспышек молнии. Они приходят группами. Сейчас придут. Несколькими минутами раньше, несколькими минутами позже. Самое главное – направление. А если в воде не будет видно? Должно быть видно, они не такие ещё большие. Скоро будут. Тогда уже ничего не увидеть, ничего не услышать. Взять с собой несколько уколов? Будет не до неё, ей в воде легче. Не очень болит, будет тоже помогать. Доплыву, только покажите куда. Где эта проклятая молния, когда она нужна? Появилась вспышка, за ней

другая, вслед за ними пришёл гром. Вот он. Километр. Или меньше. Или больше. Доплыву.
